

АРИСТОТЕЛЬ

РИТОРИКА

Аристотель Риторика

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24126156

Аристотель Риторика:
ISBN 978-5-17-102258-7

Аннотация

«Риторика» Аристотеля – это труд, который рассматривает роль речи как важного инструмента общественного взаимодействия и государственного устройства. Речь как способ разрешения противоречий, достижения соглашений и изменения общественного мнения. Этот труд, без преувеличения, является основой и началом для всех работ по теории и практике искусства убеждения, полемики, управления путем вербального общения. В трех книгах «Риторики» есть все основные теоретические и практические составляющие успешного выступления. Трактат не утратил актуальности. Сегодня он вполне может и даже должен быть изучен теми, кому искусство убеждения, наука общения и способы ясного изложения своих мыслей необходимы в жизни.

Содержание

Предисловие	9
Книга I	12
Глава I	12
Глава II	21
Глава III	33
Глава IV	38
Глава V	44
Глава VI	53
Глава VII	61
Глава VIII	72
Глава IX	75
Глава X	87
Глава XI	94
Глава XII	104
Глава XIII	113
Глава XIV	120
Глава XV	123
Книга II	135
Глава I	135
Глава II	139
Глава III	148
Глава IV	153
Глава V	160

Глава VI	167
Глава VII	175
Глава VIII	178
Глава IX	183
Глава X	189
Глава XI	193
Глава XII	196
Глава XIII	199
Глава XIV	202
Глава XV	204
Глава XVI	206
Глава XVII	208
Глава XVIII	210
Глава XIX	213
Глава XX	219
Глава XXI	223
Глава XXII	231
Глава XXIII	236
Глава XXIV	256
Глава XXV	263
Глава XXVI	268
Книга III	270
Глава I	270
Глава II	275
Глава III	283
Глава IV	287

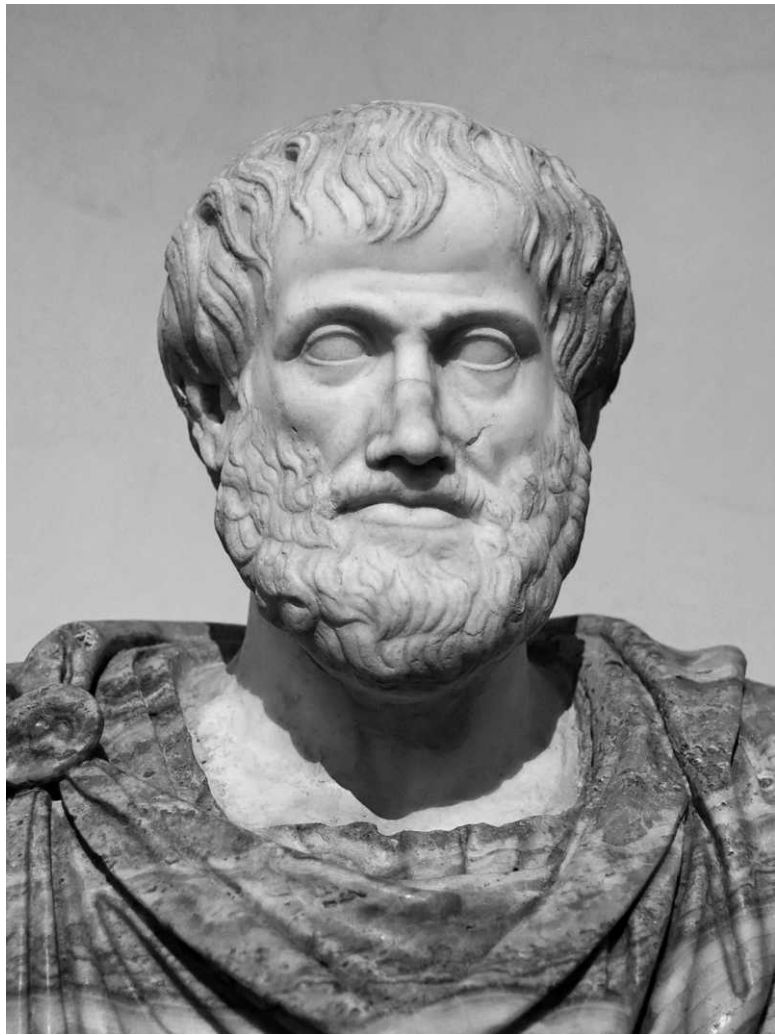
Глава V	290
Глава VI	293
Глава VII	295
Глава VIII	299
Глава IX	302
Глава X	308
Глава XI	314
Глава XII	324
Глава XIII	328
Глава XIV	330
Глава XV	337
Глава XVI	343
Глава XVII	349
Глава XVIII	356
Глава XIX	359

Аристотель

Риторика

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Предисловие

Аристотель – величайший ученый своего времени, философ и практик, работы которого стали основой развития философской мысли последующих столетий. Ученик великого Платона, автор «Метафизики», «Логики», «Политики», «Поэтики», «Аналитики», оставил потомкам труды, которые остаются современными, несмотря на пласт времени, который отделяет Аристотеля от наших современников.

«Риторика» – это труд, который рассматривает роль речи как важного инструмента общественного взаимодействия и государственного устройства. Ораторское искусство как способ разрешать противоречия и приходить к соглашениям, а также менять общественное мнение за счет умелого использования речи.

Риторика (*др. – греч.* ρητορικη – «ораторское искусство» от ρητωρ – «оратор») – теория ораторского искусства, приемов и способов построения выразительной, публичной речи.

«Риторика» Аристотеля, без преувеличения, является основой и началом для всех трудов по теории и практике искусства убеждения, полемики, управлению путем вербаль-

ного общения.

В трех книгах «Риторики» есть все основные теоретические и практические составляющие успешного выступления.

В первой книге автор пишет о самом предмете риторики, ее назначении и соотношении с другими областями науки и искусства, о ее значимости в общественной и личной жизни человека.

«Речь слагается из трех элементов: из самого оратора, из предмета, о котором он говорит, и из лица, к которому он обращается; аудитория – конечная цель речи». Способность к речи, по Аристотелю, отличает человека от животных, она создает и семью, и государство. Благодаря ей человек приобретает уникальную возможность передавать знания и развивать их совместно с другими людьми. Важными считает Аристотель и качества оратора, учитывая силу воздействия слова на умы и ответственность за результат. Таким образом, риторика, по мнению Аристотеля, является не столько филологической дисциплиной, сколько социальной.

Виды речи, риторическая аргументация, целевая аргументация, инструменты и приемы убедительности, а также необходимость подготовки оратора – темы второй книги.

В третьей книге речь рассматривается как искусство, поскольку ей присущи стиль, композиция, ритм, эмоциональная окраска и периодичность.

«Риторика» – это не только трактат для того, кто стремится стать убедительным оратором. Аристотель излагает свое

понимание природы речи немногословно, но по-настоящему емко. Именно в «Риторике» он впервые дает свое понимание стиля, которое в «Поэтике» развивается и становится каноническим.

Трактат не утратил актуальности. Сегодня он вполне может и даже должен быть изучен теми, кому искусство убеждения, наука общения и способы ясного изложения своих мыслей необходимы в жизни.

Прекрасный перевод Н. Н. Платоновой сохранил для читателя стиль самого автора, с четкостью, последовательностью, ясностью и юмором. Текст, кажется, сохраняет отпечаток личности великого мыслителя античности, дающего уроки уже сотням поколений.

Книга I

Глава I

Отношение риторики в диалектике. – Всеобщность риторики. – Возможность построить систему ораторского искусства. – Неудовлетворительность более ранних систем ораторского искусства. – Что должен доказывать оратор? – Закон должен по возможности все определять сам; причины этого. – Вопросы, подлежащие решению судьи. – Почему исследователи предпочитают говорить о речах судебных? – Отношение между силлогизмом и энтимемой. – Польза риторики, цель и область ее.

Риторика – искусство, соответствующее диалектике, так как обе они касаются таких предметов, знакомство с которыми может некоторым образом считаться общим достоянием всех и каждого и которые не относятся к области какой-либо отдельной науки. Вследствие этого все люди некоторым образом причастны к обоим искусствам, так как всем в из-

вестной мере приходится как разбирать, так и поддерживать какое-нибудь мнение, как оправдываться, так и обвинять. В этих случаях одни поступают случайно, другие действуют в соответствии со своими способностями, развитыми привычкой.

Так как возможны оба эти пути, то, очевидно, является возможность возвести их в систему, так как мы можем рассматривать, вследствие чего достигают цели как те люди, которые руководствуются привычкой, так и те, которые действуют случайно, а что подобное исследование есть дело искусства, с этим, вероятно, согласится каждый. До сих пор те, которые строили системы ораторского искусства, выполнили лишь незначительную часть своей задачи, так как в области ораторского искусства только доказательства обладают признаками, свойственными ораторскому искусству, а все остальное – не что иное, как аксессуары. Между тем авторы систем не говорят ни слова по поводу энтимем, которые составляют суть доказательства, много распространяясь в то же время о вещах, не относящихся к делу; в самом деле: клевета, сострадание, гнев и другие тому подобные движения души относятся не к рассматриваемому судьей делу, а к самому судье. Таким образом, если бы судопроизводство везде было поставлено так, как оно ныне поставлено в некоторых государствах, и преимущественно в тех, которые отличаются хорошим государственным устройством, эти теоретики не могли бы сказать ни слова. Все одобряют такую постановку

судопроизводства, но одни полагают, что дело закона произвести это запрещение, другие же действительно пользуются таким законом, не позволяя говорить ничего не относящегося к делу (так это делается и в Ареопаге). Такой порядок правилен, так как не следует, возбуждая в судье гнев, зависть и сострадание, смущать его: это значило бы то же, как если бы кто-нибудь искривил ту линейку, которой ему нужно пользоваться.

Кроме того очевидно, что дело тяжущегося заключается не в чем другом, как в доказательстве самого факта: что он имеет или не имеет, имел или не имел места; что же касается вопросов, важен он или не важен, справедлив или не справедлив, то есть всего того, относительно чего не высказался законодатель, то об этом самому судье, конечно, следует иметь свое мнение, а не заимствовать его от тяжущихся.

Поэтому хорошо составленные законы главным образом должны, насколько возможно, все определять сами и оставлять как можно меньше произволу судей, во-первых, потому что легче найти одного или немногих, чем многих таких людей, которые имеют правильный образ мыслей и способны издавать законы и изрекать приговоры. Кроме того, законы составляют с людьми на основании долговременных размышлений, судебные же приговоры произносятся на скорую руку, так что трудно людям, отправляющим правосудие, хорошо различать справедливое и полезное.

Самая же главная причина заключается в том, что реше-

ние законодателя не относится к отдельным случаям, но касается будущего и имеет характер всеобщности, между тем как присяжные и судьи изрекают приговоры относительно настоящего, относительно отдельных случаев, с которыми часто находится в связи чувство любви или ненависти и сознание собственной пользы, так что они [судьи и присяжные] не могут с достаточной ясностью видеть истину: соображения своего собственного удовольствия и неудовольствия мешают правильному решению дела.

Итак, как мы говорим, относительно всего прочего нужно предоставлять судье как можно меньше простора; что же касается вопросов, совершился ли известный факт или нет, совершится или нет, есть ли он в наличности, или нет, то решение этих вопросов необходимо всецело предоставить судьям, так как законодатель не может предвидеть частных случаев.

Раз это так, очевидно, что те, которые [в своих рассуждениях] разбирают другие вопросы, например, вопрос о том, каково должно быть содержание предисловия, или повествования, или каждой из других частей [речи], касаются вопросов, не относящихся к делу, потому что [авторы этих сочинений] рассуждают в этом случае только о том, как бы привести судью в известное настроение, ничего не говоря о технических доказательствах, между тем как только таким путем можно сделаться способным к энтимемам. Вследствие всего этого хотя и существует один и тот же метод для речей, об-

ращаемых к народу, и для речей судебного характера, и хотя прекраснее и с государственной точки зрения выше первый род речей, чем речи, касающиеся сношений отдельных личностей между собой, – тем не менее исследователи ничего не говорят о первом роде речей, между тем как каждый из них пытается рассуждать о судебных речах.

Причина этому та, что в речах первого рода представляется менее полезным говорить вещи, не относящиеся к делу, а также и та, что первый род речей представляет меньше простора для коварной софистики и имеет больше общего интереса, здесь судья судит о делах, близко его касающихся, так что нужно только доказать, что дело именно таково, как говорит оратор. В судебных же речах этого не достаточно, но полезно еще расположить слушателя в свою пользу, потому что здесь решение судьи касается дел, ему чуждых, так что судьи, в сущности, не судят, но предоставляют дело самим тяжущимся, наблюдая при этом свою собственную выгоду и выслушивая пристрастно [показания тяжущихся].

Вследствие этого во многих государствах, как мы и раньше говорили, закон запрещает говорить не относящееся к делу, но там сами судьи в достаточной мере заботятся об этом.

Так как очевидно, что правильный метод касается способов убеждения, а способ убеждения есть некоторого рода доказательство (ибо мы тогда всего более в чем-нибудь убеждаемся, когда нам представляется, что что-либо доказано), риторическое же доказательство есть энтимема, и это, вооб-

ще говоря, есть самый важный из способов убеждения, и так как очевидно, что энтимема есть некоторого рода силлогизм и что рассмотрение всякого рода силлогизмов относится к области диалектики – или в полном ее объеме, или какой-нибудь ее части, – то ясно, что тот, кто обладает наибольшей способностью понимать, из чего и как составляется силлогизм, тот может быть и наиболее способным к энтимемам, если он к знанию силлогизмов присоединит знание того, чего касаются энтимемы, и того, чем они отличаются от чисто логических силлогизмов, потому что с помощью одной и той же способности мы познаем истину и подобие истины. Вместе с тем люди от природы в достаточной мере способны к нахождению истины и по большей части находят ее; вследствие этого находчивым в деле отыскания правдоподобного должен быть тот, кто также находчив в деле отыскания самой истины.

Итак, очевидно, что другие авторы говорят в своих системах о том, что не относится к делу; ясно также и то, почему они обращают больше внимания на судебные речи.

Риторика полезна, потому что истина и справедливость по своей природе сильнее своих противоположностей, а если решения выносят с не должным образом, то истина и справедливость обычно бывают побеждены своими противоположностями, что достойно порицания. Кроме того, если мы имеем даже самые точные знания, все-таки нелегко убеждать некоторых людей на основании этих знаний, потому что

[оценить] речь, основанную на знании, есть дело образования, а здесь [перед толпой] она – невозможная вещь. Здесь мы непременно должны вести доказательства и рассуждения общедоступным путем, как мы говорили это и в «Топике» относительно обращения к толпе. Кроме того, необходимо уметь доказывать противоположное, так же, как и в силлогизмах, не для того, чтобы действительно доказывать и то, и другое, потому что не должно доказывать что-нибудь дурное, но для того, чтобы знать, как это делается, а также чтобы уметь опровергнуть, если кто-либо пользуется доказательствами не соответствующими истине.

Из остальных искусств ни одно не занимается выводами из противоположных посылок; только диалектика и риторика делают это, так как обе они в одинаковой степени имеют дело с противоположностями. Эти противоположности по своей природе не одинаковы, но всегда истина и то, что лучше, по природе вещей более поддается умозаключениям и, так сказать, обладает большей силой убедительности.

Сверх того, если позорно не быть в состоянии помочь себе своим телом, то не может не быть позорным бессилие помочь себе словом, так как пользование словом более свойственно человеческой природе, чем пользование телом. Если же кто-либо скажет, что человек, несправедливо пользующийся подобной способностью слова, может сделать много вреда, то это замечание можно [до некоторой степени] одинаково отнести ко всем благам, исключая добродетели,

и преимущественно к тем, которые наиболее полезны, как, например, к силе, здоровью, богатству, военачальству: человек, пользуясь этими благами как следует, может принести много пользы, несправедливо же [пользуясь ими] может сделать очень много вреда.

Итак, очевидно, что риторика не касается какого-нибудь отдельного класса предметов, но, как и диалектика [имеет отношение ко всем областям], а также, что она полезна и что дело ее – не убеждать, но в каждом данном случае находить способы убеждения; то же можно заметить и относительно всех остальных искусств, ибо дело врачебного искусства, например, заключается не в том, чтобы делать [всякого человека] здоровым, но в том, чтобы, насколько возможно, приблизиться к этой цели, потому что вполне возможно хорошо лечить и таких людей, которые уже не могут выздороветь.

Кроме того очевидно, что к области одного и того же искусства относится изучение как действительно убедительного, так и кажущегося убедительным, подобно тому, как к области диалектики относится изучение как действительного, так и кажущегося силлогизма: человек делается софистом не в силу какой-нибудь особенной способности, а в силу намерения, с которым он пользуется своим дарованием. Впрочем, здесь [в риторике] имя ратора будет даваться соответственно как со знанием, так и с намерением [которое побуждает человека говорить]. Там же [в логике] софистом называется человек по своим намерениям, а диалектиком – не по своим

намерениям, а по своим способностям.

Теперь попытаемся говорить уже о самом методе, – каким образом и с помощью чего мы можем достигать поставленной цели. Итак, определив снова, как и в начале, что такое риторика, перейдем к дальнейшему изложению.

Глава II

Место риторики среди других наук и искусств. – Технические и нетехнические способы убеждения. – Три вида технических способов убеждения. – Риторика – отрасль диалектики и политики. – Пример и энтимема. – Анализ убедительного. – Вопросы, которыми занимается риторика. – Из чего выводятся энтимемы? – Определение вероятного. – Виды признаков. – Пример: риторическое наведение. – Общие места и частные энтимемы.

Итак, определим риторику, как возможность находить возможные способы убеждения относительно каждого данного предмета. Это не составляет задачи какого-нибудь другого искусства, потому что каждая другая наука может научать и убеждать только относительно того, что принадлежит ее области, как, например, врачебное искусство – относительно того, что способствует здоровью или ведет к болезни, геометрия – относительно возможных между величинами изменений, арифметика – относительно чисел; точно так же и остальные искусства и науки; риторика же, по-види-

мому, способна находить способы убеждения относительно каждого данного предмета, потому-то мы и говорим, что она не касается какого-нибудь частного, определенного класса предметов.

Из способов убеждения одни бывают нетехнические, другие же технические. Нетехническими я называю те способы убеждения, которые не нами изобретены, но существовали раньше [помимо нас]; сюда относятся: свидетели, показания, данные под пыткой, письменные договоры и т. п.; техническими же [я называю] те, которые могут быть созданы нами с помощью метода и наших собственных средств, так что первыми из доказательств нужно только пользоваться, вторые же нужно [предварительно] найти.

Что касается способов убеждения, доставляемых речью, то их три вида: одни из них находятся в зависимости от характера говорящего, другие – от того или другого настроения слушателя, третьи – от самой речи. Эти последние заключаются в действительном или кажущемся доказывании.

[Доказательство достигается] с помощью нравственного характера [говорящего] в том случае, когда речь произносится так, что внушает доверие к человеку, ее произносящему, потому что вообще мы более и скорее верим людям хорошим, в тех же случаях, где нет ничего ясного и где есть место колебанию, – и подавно; и это должно быть не следствием ранее сложившегося убеждения, что говорящий обладает известными нравственными качествами, но следствием самой

речи, так как несправедливо думать, как это делают некоторые из людей, занимающихся этим предметом, что в искусстве заключается и честность оратора, как будто она представляет собой, так сказать, самые веские доказательства.

Доказательство находится в зависимости от самих слушателей, когда последние приходят в возбуждение под влиянием речи, потому что мы принимаем различные решения под влиянием удовольствия и неудовольствия, любви или ненависти. Этих-то способов убеждения, повторяем, исключительно касаются нынешние теоретики словесного искусства. Каждого из этих способов в отдельности мы коснемся тогда, когда будем говорить о страстях.

Наконец, самая речь убеждает нас в том случае, когда оратор выводит действительную или кажущуюся истину из доводов, которые оказываются в наличности для каждого данного вопроса.

Так как убедить можно такими путями, то, очевидно, ими может пользоваться только человек, способный к умозаключениям и к исследованиям характеров, добродетелей и страстей – что такое каждая из страстей, какова она по своей природе и вследствие чего и каким образом появляется, – так что риторика оказывается как бы отраслью диалектики и той науки о нравах, которую справедливо назвать политикой. Вследствие этого-то риторика и принимает вид политики и люди, считающие риторику своим достоянием, выдают себя за политиков, вследствие ли невежества, или шарлатан-

ства, или вследствие других причин, свойственных человеческой природе. На самом деле, как мы говорили и в начале, риторика есть некоторая часть и подобие диалектики: и та, и другая не есть наука о каком-нибудь определенном предмете, о том, какова его природа, но обе они лишь методы для нахождения доказательств. Итак, мы, пожалуй, сказали достаточно о сущности этих наук и о их взаимном отношении.

Что же касается способов доказывать действительным или кажущимся образом, то как в диалектике есть наведение, силлогизм и кажущийся силлогизм, точно так же есть и здесь, потому что пример есть не что иное, как наведение, энтимема – силлогизм, кажущаяся энтимема – кажущийся силлогизм. Я называю энтимемой риторический силлогизм, а примером – риторическое наведение: ведь и все ораторы излагают свои доводы или приводя примеры, или строя энтимемы, и помимо этого не пользуются никакими способами доказательства.

Так что, если вообще необходимо доказать что бы то ни было, путем или силлогизма, или наведения (а это очевидно для нас из «Аналитики»), то каждый из этих способов доказательства непременно совпадет с каждым из вышеназванных.

Что же касается различия между примером и энтимемой, то оно очевидно из «Топики», так как там ранее сказано о силлогизме и наведении: когда на основании многих подобных случаев выводится заключение относительно налично-

сти какого-нибудь факта, то такое заключение там называется наведением, здесь – примером. Если же из наличности какого-нибудь факта заключают, что всегда или по большей части следствием наличности этого факта бывает наличность другого, отличного от него факта, то такое заключение называется там силлогизмом, здесь же энтимемой.

Очевидно, что тот и другой род риторической аргументации имеет свои достоинства. Что мы говорили в «Методике», то мы находим также и здесь: одни речи богаты примерами, другие – энтимемами; точно так же и из ораторов одни склонны к примерам, другие – к энтимемам. Речи, наполненные примерами, не менее убедительны, но более впечатления производят речи, богатые энтимемами. Мы будем позднее говорить о причине этого, а также и о способе, как нужно пользоваться каждым из этих двух родов доводов. Теперь же определим точнее самую их сущность.

Убедительное должно быть таковым для какого-нибудь известного лица, и при том один род убедительного непосредственно сам по себе убеждает и внушает доверие, а другой род достигает этого потому, что кажется доказанным через посредство убедительного первого рода; но ни одно искусство не рассматривает частных случаев: например, медицина рассуждает не о том, что здорово для Сократа или для Каллия, а о том, что здорово для человека таких-то свойств или для людей таких-то; такого рода вопросы входят в область искусства, частные же случаи бесчисленны и недоступны.

ны знанию. Поэтому и риторика не рассматривает того, что является правдоподобным для отдельного лица, например, для Сократа или Каллия, но имеет в виду то, что убедительно для всех людей, каковы они есть. Точно так же поступает и диалектика; это искусство не выводит заключений из чего попало (ведь и сумасшедшим кое-что кажется убедительным), но только из того, что нуждается в обсуждении; подобно этому и риторика имеет дело с вопросами, которые обыкновенно бывают предметом совещания для людей.

Она касается тех вопросов, о которых мы совещаемся, но относительно которых у нас нет строго определенных правил, и имеет в виду тех слушателей, которые не в состоянии ни охватывать сразу длинную нить рассуждений, ни выводить заключения издалека. Мы совещаемся относительно того, что, по-видимому, допускает возможность двоякого решения, потому-то никто не совещается относительно тех вещей, которые не могут, не могли и в будущем не могут быть иными, раз мы их понимаем как таковые, – не совещаемся потому, что это ни к чему не ведет.

Делать заключения и выводить следствие можно, во-первых, из того, что раньше было уже доказано силлогистическим путем, а во-вторых, из таких положений, которые, не будучи раньше доказаны путем силлогизма, нуждаются в подобном доказательстве, как не представляющиеся без этого правдоподобными; в первом случае рассуждения не удобопонятны вследствие своей длины, потому что судья ведь

предполагается человеком заурядным, а во втором они не убедительны, потому что имеют своим исходным пунктом положения необщепризнанные или неправдоподобные. Таким образом, энтимема и пример необходимо должны быть: первая – силлогизмом, второй – наведением касательно чего-нибудь такого, что вообще может иметь и другой исход. И энтимема, и пример выводятся из немногих положений; часто их бывает меньше, чем при выведении первого силлогизма, потому что, если какое-нибудь из них общеизвестно, его не нужно приводить, так как его добавляет сам слушатель, например, для того чтобы выразить мысль, что Дорией победил в состязании, наградой за которое служит венок, достаточно сказать, что он победил на Олимпийских играх, а что наградой за победу служит венок, этого прибавлять не нужно, потому что все это знают.

Есть немного необходимых положений, из которых выводятся риторические силлогизмы, потому что большая часть вещей, которых касаются споры и рассуждения, могут быть и иными [сравнительно с тем, что они есть], так как люди рассуждают и размышляют о том, что бывает объектом их деятельности, а вся их деятельность именно такова: ничто в ней не имеет характера необходимости, а то, что случается и происходит по большей части, непременно должно быть выведено из других положений подобного рода, точно так же, как необходимое по своей природе должно быть выведено из необходимого (все это известно нам также из «Аналити-

ки»). Отсюда ясно, что из числа тех положений, из которых выводятся энтимемы, одни имеют характер необходимости, другие – и такова большая часть их – характер случайности; таким образом, энтимемы выводятся из вероятного или из признаков, так что каждое из этих двух понятий необходимо совпадает с каждым другим из них.

Вероятное то, что случается по большей части, и не просто то, что случается, как определяют некоторые, но то, что может случиться и иначе; оно так относится к тому, по отношению к чему оно вероятно, как общее к частному.

Что касается признаков, то одни из них имеют значение общего по отношению к частному, другие – частного по отношению к общему; из них те, которые необходимо ведут к заключению, называются приметамы; те же, которые не ведут необходимо к заключению, не имеют названия, которое соответствовало бы их отличительной черте.

Необходимо ведущими к заключению я называю те признаки, из которых образуется силлогизм. Отсюда-то подобный род признаков и называется необходимым признаком, ибо когда люди думают, что сказанное ими не может быть опровергнуто, тогда они полагают, что привели доказательство, как нечто «доказанное» и «законченное», потому что в древнем языке *tesgar* и *regas* значат одно и то же.

Из признаков одни имеют значение частного по отношению к общему, как, например, если бы кто-нибудь назвал признаком того, что мудрецы справедливы, то, что Со-

крат был мудр и справедлив. Это – признак, но он может быть опровергнут, даже если сказанное справедливо, потому что он не может быть приведен к силлогизму. Другой род признаков, например, если кто-нибудь скажет, что такой-то человек болен, потому что у него лихорадка, или что такая-то женщина родила, потому что у нее есть молоко, – этот род признаков имеет характер необходимости. Из признаков только один этот род есть доказательство, потому что он один не может быть опровергнут, раз верна [посылка]. Признак, идущий от общего к частному, [будет таков], например, если кто-нибудь считает доказательством того, что такой-то человек страдает лихорадкой, тот факт, что этот человек часто дышит; это может быть опровергнуто, если даже верно это утверждение, потому что иногда приходится часто дышать человеку и не страдающему лихорадкой.

Итак, мы сказали, что такое, вероятное, признак и примета и чем они отличаются друг от друга; более же подробно мы разобрали вопрос как об этом, так и о том, по какой причине одни доказательства не выведены, а другие выведены по правилам силлогизма, – в «Аналитике». Мы сказали также, что пример есть наведение, и объяснили, чего касается это наведение: пример не обозначает ни отношения части к целому, ни целого к части, ни целого к целому, но части к части, подобного к подобному, когда оба данных случая подходят под одну и ту же категорию случаев, причем один из них более известен, чем другой; например, [мы предполага-

ем], что Дионисий, прося себе вооруженной стражи, замышляет сделаться тираном, – на том основании, что ранее этого Писистрат, замыслив сделаться тираном, потребовал себе стражу и, получив ее, сделался тираном; точно так же поступил Феаген Мегарский и другие хорошо известные нам люди; все они в этом случае делаются примерами по отношению к Дионисию, о котором мы хорошенько не знаем, точно ли он просит себе стражу именно для этой цели. Все приведенные случаи подходят под то общее положение, что, раз человек просит себе стражу, он замышляет сделаться тираном. Мы сказали, таким образом, из чего составляются способы убеждения, кажущиеся аподиктическими. Между энтимемами есть одно громадное различие, совершенно забываемое почти всеми исследователями, оно – то же, что и относительно диалектического метода силлогизмов; заключается оно в том, что одни из энтимем образуются согласно с риторическим, а также с диалектическим методом силлогизмов, другие же согласно с другими искусствами и возможностями, из которых одни уже существуют в законченном виде, а другие еще не получили полной законченности. Вследствие этого люди, пользующиеся ими, сами незаметно для себя пользуясь ими больше, чем следует, выходят из своей роли простых ораторов. Сказанное нами станет яснее, если мы подробнее разовьем нашу мысль. Я говорю, что силлогизмы диалектические и риторические касаются того, о чем мы говорим общими местами (топами); они общие для рас-

суждений о справедливости, о явлениях природы и о многих других, отличных один от другого предметах; таков, например, топ большего и меньшего, потому что одинаково удобно на основании его построить силлогизм или энтимему как относительно справедливости и явлений природы, так и относительно какого бы то ни было другого предмета, хотя бы эти предметы и были совершенно различны по природе. Частными же я называю энтимемы, которые выведены из посылок, относящихся к отдельным родам и видам явлений, так, например, есть посылки физики, из которых нельзя вывести энтимему или силлогизм относительно этики, а в области этики есть другие посылки, из которых нельзя сделать никакого вывода для физики, точно так же и в области всех [других наук]. Те [энтимемы первого рода, то есть топы] не сделают человека сведущим в области какой-нибудь частной науки, потому что они не касаются какого-нибудь определенного предмета. Что же касается энтимем второго рода, то чем лучше мы будем выбирать посылки, тем скорее незаметным образом мы образуем область науки, отличной от диалектики и риторики, и если мы доберемся до основных положений, то будем иметь перед собой уже не диалектику и риторику, а ту науку, основными положениями которой мы овладели. Большая часть энтимем выводится из этих частных специальных положений; из топов их выводится меньше.

Теперь точно так же, как и в топике, нам нужно рассмот-

реть виды энтимем, а также топы, из которых их нужно выводить. Видами я называю послышки, свойственные каждому отдельному роду предметов, а топами – послышки, одинаково общие всем предметам.

Итак, поговорим сначала о видах. Предварительно же рассмотрим роды риторики, чтобы, определив число их, разобрать элементы и послышки каждого из них в отдельности.

Глава III

Три элемента, из которых слагается речь. – Три рода слушателей. – Три рода риторических речей. – Предмет речей совещательных, судебных, эпидиктических. – Время, которое имеет в виду каждый из трех родов речи. – Цель каждого рода речи. – Необходимость знать посылки каждого рода речи.

Есть три вида риторики, потому что есть столько же родов слушателей. Речь слагается из трех элементов: из самого оратора, из предмета, о котором он говорит, и из лица, к которому он обращается; оно-то и есть конечная цель всего (я разумею слушателя). Слушатель бывает или простым зрителем, или судьей, и притом судьей или того, что уже совершилось, или же того, что должно совершиться. Примером человека, рассуждающего о том, что должно быть, может служить член народного собрания, а рассуждающего о том, что уже было, – член судилища; человек, обращающий внимание [только] на дарование [оратора], есть простой зритель. Таким образом, естественными являются три рода ритори-

ческих речей: совещательные, судебные и эпидиктические. Дело речей совещательных – склонять или отклонять, потому что как люди, которым приходится совещаться в частной жизни, так и ораторы, произносящие речи публично, делают одно из двух [или склоняют, или отклоняют].

Что касается судебных речей, то дело их – обвинять или оправдывать, потому что тяжущиеся всегда делают непременно одно что-нибудь из двух [или обвиняют, или оправдываются].

Дело эпидиктической речи – хвалить или порицать. Что касается времени, которое имеет в виду каждый из указанных родов речи, то человек, совещаясь, имеет в виду будущее: отклоняя от чего-нибудь или склоняя к чему-нибудь, он дает советы относительно будущего. Человек тяжущийся имеет дело с прошедшим временем, потому что всегда по поводу событий, уже совершившихся, один обвиняет, а другой защищается. Для эпидиктического оратора наиболее важным представляется настоящее время, потому что всякий произносит похвалу или хулу по поводу чего-нибудь существующего; впрочем, ораторы часто сверх того пользуются и другими временами, вспоминая прошедшее или строя предположения относительно будущего. У каждого из этих родов речей различная цель, и так как есть три рода речей, то существуют и три различные цели: у человека, дающего совет, цель – польза и вред (один дает совет, побуждая к лучшему, другой отговаривает, отклоняя от худшего); осталь-

ные соображения, как то: справедливое и несправедливое, прекрасное и постыдное, – здесь на втором плане.

Для тяжущихся целью служит справедливое и несправедливое, но и они присоединяют к этому другие соображения.

Для людей, произносящих хвалу или хулу, целью служит прекрасное и постыдное; но сюда также привносятся прочие соображения.

Доказательством того, что для каждого рода речей существует именно названная нами цель, служит то обстоятельство, что относительно остальных пунктов в некоторых случаях и не спорят; например, тяжущийся иногда не оспаривает того, что такой-то факт имел действительно место, или что этот факт действительно причинил вред, но он никогда не согласится, что совершил несправедливое дело, потому что в таком случае [то есть в случае его сознания] не нужно было бы никакого суда.

Подобно этому и ораторы, подающие советы, в остальном часто делают уступки, но никогда не сознаются, что советуют бесполезное или отклоняют от полезного; например, они часто не обращают никакого внимания на то, что несправедливо поработать себе соседей или таких людей, которые не сделали нам ничего дурного. Точно так же и ораторы, произносящие хвалу или хулу, не смотрят на то, сделал ли этот человек что-нибудь полезное или вредное, но даже часто ставят ему в заслугу, что, презрев свою собственную пользу, он совершил что-нибудь прекрасное; например, восхваляют

Ахилла за то, что он оказал помощь своему другу Патроклу, зная, что ему самому суждено при этом умереть, между тем как у него была полная возможность жить. Для него подобная смерть представляется чем-то более прекрасным, а жизнь чем-то полезным.

Из сказанного очевидно, что прежде всего необходимо знать посылки каждого из указанных родов речей в отдельности, потому что доказательства, вероятности и признаки – посылки риторики. Ведь, вообще говоря, силлогизм составляется из посылок, а энтимема есть силлогизм, составленный из названных нами посылок. Так как не могло совершиться в прошедшем и не может совершиться в будущем что-нибудь невозможное, а [всегда совершается лишь] возможное, и так как не могло совершиться в прошедшем что-нибудь не бывшее, точно так же, как не может быть в будущем совершено что-нибудь такое, чего не будет, то необходимо оратору, как подающему советы, так и произносящему судебные или эпидиктические речи, иметь наготове посылки о возможном и невозможном, о том, было ли что-нибудь, или не было, будет или не будет.

Кроме того, так как все ораторы, как произносящие хвалу или хулу, так и уговаривающие или отговаривающие, а также и обвиняющие или оправдывающиеся, не только стремятся доказать что-нибудь, но и стараются показать великость или ничтожество добра или зла, прекрасного или постыдного, справедливого или несправедливого, рассматри-

вая при этом предметы безотносительно сами по себе, или сопоставляя их один с другим, – ввиду всего этого очевидно, что нужно иметь наготове посылки как общего, так и частного характера относительно великости и ничтожества и относительно большего и меньшего, например, относительно того, что можно назвать большим или меньшим благом, или большим или меньшим преступлением, или более или менее справедливым деянием; точно так же и относительно остальных предметов.

Итак, мы сказали, относительно чего необходимо иметь наготове посылки. После этого следует разобрать [предмет] каждого из указанных [родов речи] в отдельности: чего касаются совещательные, эпидиктические и, в-третьих, судебные речи.

Глава IV

О чем приходится говорить оратору в речах совещательных? – Подробное рассмотрение вопросов, с которыми имеют дело люди, не входит в область риторики. – Риторика заключает в себе элемент аналитический и элемент политический. – Пять пунктов, по поводу которых произносятся совещательные речи: финансы, война и мир, охрана страны, продовольствие страны, законодательство. – Оратор должен знать виды государственного устройства.

Итак, прежде всего, нужно определить, относительно какого рода благ и зол совещается человек, так как [совещаться можно] не относительно всевозможных благ и зол, но лишь относительно тех, которые могут и быть, и не быть. Что же касается того, что непременно есть или будет, или же не может или не могло быть, о таких вещах не может быть никакого совещания. Но [совещаются] также не о всем том, что может быть потому что в числе благ, которые могут и быть и не быть, есть и такие, которые являются в силу естественного хода вещей или случайно и о которых нет никакой пользы

совещаться. Очевидно, что явления, относительно которых возможно совещание, – те, которые в силу своей природы зависят от нас и начало возникновения которых заключается в нас самих. Мы ведь до тех пор исследуем известные вещи, пока определим, в силах или не в силах мы их сделать.

Здесь мы не должны задаваться целью подробно один за другим рассмотреть и распределить на виды те вопросы, с которыми люди обыкновенно имеют дело, точно так же мы не должны давать им определения, согласные с истиной, насколько это возможно, – не должны мы этого делать потому, что это относится к области не риторики, а другой более глубокой и истинной науки, да и теперь уже риторике дано гораздо больше задач, чем ей свойственно.

Справедливо, как мы и раньше заметили, что риторика состоит из науки аналитической и науки политической, касающейся нравов, и что она в одном отношении подобна диалектике, в другом – софистическим рассуждениям. Если же мы захотим рассматривать диалектику и риторику не как способности, но как науки, то, сами этого не замечая, мы уничтожим их природу, так как, относясь к ним таким образом, мы переходим в область наук, которым подчинены известные предметы, а не одни рассуждения.

Однако скажем теперь о вопросах, которые полезно разделить на категории и которые имеют значение для политической науки.

То, о чем люди совещаются и по поводу чего высказывают

свое мнение ораторы, сводится, можно сказать, к пяти главным пунктам; они следующие: финансы, война и мир, защита страны, ввоз и вывоз продуктов и законодательство.

Тому, кто захотел бы давать советы относительно финансов, следует знать все статьи государственных доходов – каковы они и сколько их, чтобы, если какая-нибудь из них забыта, присоединить ее [к доходам], и если какая-нибудь другая меньше [чем могла бы быть], увеличить ее; кроме того, [необходимо знать также и] все расходы, чтобы, в случае если какая-нибудь статья расхода окажется бесполезной, уничтожить ее, а если какая-нибудь другая окажется более значительной, [чем следует], уменьшить ее, так как люди становятся богаче не только путем прибавления к тому, что у них есть, но и путем сокращения расходов. Все эти сведения нужно почерпать не из одного только опыта, касающегося местных дел: для того, чтобы подавать советы относительно этого, необходимо знать и те изобретения, которые сделаны в этом отношении другими.

Что касается войны и мира, [то здесь необходимо] знать силу государства, – насколько она велика в настоящее время и насколько велика была прежде, в чем она теперь заключается и в каком отношении может быть увеличена. Кроме того, [необходимо знать], какие войны вело государство и как, – и все это не только относительно своего собственного государства, но и относительно государств соседних. Следует также знать, с кем из соседей можно с вероятием ожидать

войны, чтобы с более сильными сохранить мир, а что касается более слабых, то чтобы всегда начало войны зависело от нас самих.

Необходимо также знать военные силы [противников], – сходны они с нашими или несходны, потому что и этим путем возможно как получить выгоду, так и понести ущерб. И для этого необходимо рассмотреть исход войн не только наших, но чужих, ибо от одинаковых причин получают одинаковые следствия.

Что касается обороны страны, то [необходимо] быть знакомым со способами обороны страны; [следует] также знать количество стражи и виды и места сторожевых пунктов; сведения эти невозможно иметь, не будучи хорошо знакомым со страной; [все это для того,] чтобы усилить охрану, если где-нибудь она слишком слаба, и отменить ее там, где она бесполезна, и чтобы тщательнее охранять важные пункты.

В вопросе о продовольствии страны [необходимо знать,] какое потребление достаточно для государства и каковы продукты, производимые страной и ввозимые в нее, а также – в каких государствах нуждается страна для вывоза продуктов и в каких для ввоза, чтобы заключать с ними договоры и торговые трактаты, так как необходимо предостерегать граждан от столкновений с двумя категориями государств: с теми, которые могущественнее [нас], и с теми, которые [могут быть полезны] стране в вышеуказанном отношении.

Если для [сохранения] безопасности в государстве необ-

ходимо быть знакомым со всеми этими вопросами, то не менее важно также знать толк в законодательстве, потому что благополучие государства зависит от законов.

Необходимо таким образом знать, сколько есть видов государственного устройства, и что полезно для каждого из них, и какие обстоятельства, как вытекающие из самой природы данной формы государственного устройства, так и чуждые ее природе, могут способствовать гибели этой формы. Я говорю о гибели известной формы правления от свойств, в ней самой заключающихся, потому что, за исключением лучшей формы правления, все остальные погибают как от излишнего ослабления, так и от чрезмерного напряжения, как, например, демократия гибнет не только при чрезмерном ослаблении, когда она под конец переходит в олигархию, но и при чрезмерном напряжении, подобно тому как крючковатый и сплюснутый нос не только при смягчении этих свойств достигает умеренной величины, но и при чрезмерной крючковатости и сплюснутости принимает уже такую форму, которая не имеет даже вида носа.

По отношению к законодательству нужно не только понимать на основании наблюдений над прошлым, какая форма правления полезна, но также и знать формы правления в других государствах: для каких людей какая форма правления годится. Очевидно, таким образом, что для законодательства полезны описания земли, потому что из них можно познакомиться с законами [других] народов, для совещания

же о делах государственных полезны творения деесписателей. Но все это относится к области политики, а не риторики.

Вот главнейшие пункты, относительно которых должен быть сведущ тот, кто желает давать советы [в делах государственных]. Теперь мы изложим положения, на основании которых следует советовать то или отсоветовать другое, как по вышеупомянутому, так и по всяким другим вопросам.

Глава V

Блаженство, как цель человеческой деятельности. – Четыре определения блаженства. – Составные части блаженства. – Внутренние и внешние блага. – Анализ понятий: благородство происхождения, хорошего и многочисленного потомства, богатства, хорошей репутации, почета, физической добродетели. – Определение понятия «друг». – Анализ понятия счастливой судьбы и случайного блага.

У всякого человека в отдельности и у всех вместе есть, можно сказать, известная цель, стремясь к которой они одно избирают, другого избегают; эта цель, коротко говоря, есть блаженство с его составными частями. Итак, разберем для примера, что такое, прямо говоря, блаженство и из чего слагаются его части, потому что все уговаривания и отговаривания касаются блаженства, того, что к нему ведет и что ему противоположно: то, что создает блаженство или какую-нибудь из его частей, или что делает его из меньшего большим, – все такое следует делать, а того, что разрушает блаженство, мешает ему или создает что-нибудь ему чуждое –

всего такого не следует делать.

Определим блаженство, как благосостояние, соединенное с добродетелью, или как довольство своей жизнью, или как приятнейший образ жизни, соединенный с безопасностью, или как избыток имущества и рабов в соединении с возможностью охранять их и пользоваться ими. Ведь, можно сказать, все люди согласны признать блаженством одну или несколько из этих вещей.

Если на самом деле блаженство есть нечто подобное, то к числу составных его частей необходимо будет принадлежать благородство происхождения, обилие друзей, друзья – хорошие люди, богатство, хорошее и обильное потомство, счастливая старость, кроме того еще преимущества физические, каковы здоровье, красота, сила, рост, ловкость в состязаниях, слава, почет, удача, добродетель; потому что человек наиболее счастлив в том случае, когда он обладает благами, находящимися в нем самом и вне его; других же благ помимо этих нет. В самом человеке есть блага духовные и телесные, а вне его благородство происхождения, друзья, богатство и почет. К этому, по нашему мнению, должно присоединяться могущество и удача, потому что в таком случае можно пользоваться в жизни наибольшей безопасностью.

Итак, рассмотрим, что такое представляет каждая из названных частей блаженства в отдельности. Быть благородного происхождения для какого-нибудь народа или государства – значит быть автохтонами или исконными [обитателя-

ми данной страны], иметь своими родоначальниками славных вождей и дать из своей среды многих мужей, прославившихся тем, что служит предметом соревнования.

Для отдельного человека чистокровность происхождения передается как по мужской, так и по женской линии, а также [обуславливается] гражданской полноправностью обоих родителей. Как для целого государства, так и здесь быть благородного происхождения значит иметь своими родоначальниками мужей, прославившихся доблестью, богатством или чем-нибудь другим, что служит предметом уважения, и насчитывать в своем роду много славных мужей и женщин, юношей и стариков.

Понятие хорошего и многочисленного потомства ясно: для государства иметь хорошее потомство значит иметь многочисленное и хорошее юношество, одаренное прекрасными физическими качествами, каковы рост, красота, сила, ловкость в состязаниях; что касается нравственных качеств, то добродетель молодого человека составляют скромность и мужество. Для отдельного человека иметь многочисленное и хорошее потомство значит иметь много собственных детей мужского и женского пола, обладающих вышеуказанными качествами.

Достоинство женщин составляют в физическом отношении красота и рост, а в нравственном – скромность и трудолюбие без низости. Каждому человеку в отдельности и целому государству следует стремиться к тому, чтобы как у муж-

чин, так и у женщин имелись все вышеуказанные качества, потому что те государства, где, как у лакедемонян, нравы женщин порочны, приблизительно вдвое менее благополучны.

Составными частями богатства являются обилие монеты, обладание землей и недвижимой собственностью, а также множеством стад и рабов, рослых и красивых; все эти объекты владения должны быть неоспоримы, сообразны с достоинством свободного человека и полезны. Полезные объекты владения – это преимущественно те, которые приносят плоды, сообразные с достоинством свободного человека, – те, которые доставляют наслаждение.

Приносящими плоды я называю те предметы владения, от которых [получается] доход, а доставляющими наслаждение – те, от которых [не получается] ничего, о чем бы стоило упомянуть, кроме пользования ими. Признаком неоспоримости владения является владение в таком месте и при таких условиях, что способ пользования объектами владения зависит от самого владельца, признаком же владения или невладения служит возможность отчуждать предметы владения; под отчуждением я разумею дачу и продажу. Вообще же сущность богатства заключается более в пользовании, чем в обладании: ведь операции над предметами владения и пользование ими и составляют богатство.

Иметь хорошую репутацию значит считаться у всех людей серьезным человеком или обладать чем-нибудь таким, что

составляет предмет стремления всех или большинства, или добродетельных или разумных людей. Почет служит признаком репутации благодетеля; по справедливости почетом пользуются преимущественно те люди, которые оказали благодеяние, но почитается также и тот, кто имеет возможность оказывать благодеяния. Благодеяние имеет отношение или к самому существованию и тому, что последнему способствует, или к богатству, или к какому-нибудь другому благу, приобретение которого представляется не легким или вообще, или для данного места или времени; многие заслуживают почет делами с виду маловажными, чему причиной служит место и время оказания услуги. Принадлежность почета составляют жертвоприношения, прославления в стихах и прозе, почетные дары, участки священной земли, первые места, похороны, статуи, содержание за счет государства; у варваров признаками почтения служит падение ниц, уступка места, дары, считающиеся у данного народа почетными. Дар есть дача известного имущества, а вместе и знак почета, потому-то даров домогаются как корыстолюбивые, так и честолюбивые люди; дар обладает свойствами, нужными для тех и других людей: он представляет собой известного рода ценность, которая составляет предмет стремления для корыстолюбивых, и, в то же время, он связан с почетом, которого домогаются люди честолюбивые.

Физическая добродетель есть здоровье; оно заключается в безболезненном пользовании своим телом, потому что мно-

гие, как, например, по преданию Иродик, пользуются таким здоровьем, которому никто бы не позавидовал, так как им приходится воздерживаться от всего или от очень многого, что доступно человеку.

Что касается красоты, то она различна для каждого возраста. Красота юности заключается в обладании телом, способным переносить труды, будут ли они заключаться в беге или в силе, и в обладании наружностью, своим видом доставляющей наслаждение: поэтому-то атлеты, занимающиеся пентатлом, обладают наибольшей красотой, так как они по своей природе равно способны как к телесным состязаниям, так и к быстрому бегу.

[Красота] зрелого [возраста заключается в обладании телом, способным переносить] военные труды, и наружностью приятной и, вместе с тем, внушительной. [Красота] старца заключается в обладании силами, достаточными для выполнения необходимых работ, и в беспечальном существовании благодаря отсутствию всего того, что позорит старость.

Сила есть способность приводить другого [человека или предмет] в движение по своему произволу, а это можно делать или ведя его, или толкая, или поднимая, или тесня, или сжимая, так что сильный человек должен оказываться сильным или во всех этих действиях, или в некоторых из них.

Достоинство роста заключается в обладании большей, чем у других людей, длиной (вышиной), толщиной и шириной, но так, чтобы вследствие излишка этих качеств движения не

стали чересчур медленны.

Атлетическая доблесть для состязаний слагается из достоинств роста, силы и быстроты; ведь и человек, быстро бегающий, есть в то же время человек сильный, именно, кто в состоянии известным образом передвигать ноги быстро и на дальнее расстояние, способен к бегу, а тот, кто умеет сжимать и удерживать [своего противника], тот способен к борьбе; человек, умеющий наносить удары, способен к кулачному бою, а человек, умеющий делать и то, и другое, способен к панкратию; что же касается человека, способного ко всем указанным видам телесных упражнений, то он способен к пентатлу.

Хорошая старость – старость поздно наступающая и вместе беспечальная: не имеет счастливой старости ни тот, кто старится рано, ни тот, чья старость, поздно наступая, сопровождается страданием. Хорошая старость является следствием как хороших физических качеств человека, так и благоприятной судьбы, потому что, не будучи здоровым и сильным, человек не будет лишен страданий, точно так же как без благоприятных условий судьбы жизнь его не может быть беспечальной и долговечной. Помимо силы и здоровья есть другие условия, способствующие долговечности; многие долговечны, хотя и не обладают хорошими физическими качествами. Но нет никакой нужды распространяться здесь об этом.

Понятия «обладание многими друзьями» и «обладание

друзьями – хорошими людьми» ясны, раз понятие друга определено так: друг – это такой человек, который делает для другого человека то, что считает для него благом, и делает это ради этого человека. Тот, у много таких [т. е. друзей], и есть «многодружественен», а тот, у которого [эти которого друзья] еще и хорошие люди, есть «благодружественен».

Удача заключается в приобретении и обладании или всеми, или большей частью, или главнейшими из тех благ, происхождение которых случайно. Случай бывает причиной некоторых таких благ, которые можно добыть с помощью человеческого искусства, но многие из них недостижимы этим путем, например, те, которые даются нам природой. Некоторые из благ [доставляемых случаем] могут существовать и независимо от природы; так здоровье может иметь своим источником искусство, но источником красоты и роста может быть только природа. Вообще говоря, те блага случайного происхождения, которые возбуждают зависть. Случай бывает причиной и таких благ, которые являются вопреки всякому расчету, например, если все братья безобразны и только один из них красив, или если никто другой не замечал клада, а один кто-нибудь нашел его, или если стрела попала в человека, стоявшего рядом, а в него не попала, или если человек, постоянно ходивший [в такое то место] не пришел, а другие, в первый раз пришедшие туда, погибли. Все подобные случаи кажутся следствием удачи.

Так как учение о добродетели имеет всего более связи с

учением о похвалах, то мы разберем вопрос о добродетели тогда, когда будем говорить о похвале.

Глава VI

Цель речи совещательной – польза, польза – благо; определение блага. – Три рода действующих причин. – К категории блага относятся: добродетель, удовольствие, блаженство, добродетели души, красота и здоровье, богатство и дружба, честь и слава, умение хорошо говорить и действовать, природные дарования, науки, знания и искусства, жизнь, справедливость. – Блага спорные. – Еще определения блага. – Два рода возможного.

Итак, ясно, что мы должны иметь в виду, как желательное в будущем или как уже существующее в настоящем, когда уговариваем кого-нибудь, и что, напротив, когда отговариваем кого-нибудь, потому что второе противоположно первому. Так как цель, которую преследует совещательный оратор, есть польза, потому что совещаются не о конечной цели, но о средствах, ведущих к цели, а такими средствами бывает то, что полезно при данном положении дел, полезное же есть благо, – ввиду всего этого следует вообще разобрать основные элементы добра и пользы.

Определим благо, как нечто такое, что желательно само по себе, ради чего мы желаем и другого, к чему стремится все или, по крайней мере, все, способное ощущать и одаренное разумом, или если бы было одарено разумом.

Благо есть то, что соответствует указаниям разума; для каждого отдельного человека благо то, что ему указывает разум относительно каждого частного случая; благо – нечто такое, присутствие чего делает человека спокойным и самоудовлетворенным; оно есть нечто самодовлеющее, нечто способствующее возникновению и продолжению такого состояния, нечто сопутствующее подобному состоянию, мешающее противоположному состоянию и устраняющее его.

А сопутствие [здесь] может быть двоякое: [что-нибудь существует] одновременно [с чем-нибудь другим] или является после [этого другого], например, знание является после учения, но жизнь существует одновременно со здоровьем. Способствование возникновению бывает тройкое: одно подобно тому, как состояние здоровья бывает причиной здоровья, другое – как причиной здоровья бывает пища, третье – как такой причиной бывает гимнастика, поскольку она по большей части производит здоровье.

Раз это установлено, отсюда необходимо следует, что хорошо всякое приобретение блага и всякое устранение зла, потому что одновременно с первым состоянием существует отсутствие зла, а вслед за вторым наступает обладание благом.

И получение большего блага вместо меньшего и меньшего зла вместо большего [есть также благо], потому что в одном случае мы обретаем, а в другом устраним то, чем большее имеет перевес над меньшим.

И добродетели необходимо суть благо, потому что люди, обладающие ими, счастливы; добродетели производят блага и научают пользоваться ими. Но мы скажем отдельно о каждой из них, что она такое и какова ее природа.

Удовольствие также необходимо есть благо, потому что все живое стремится в силу своей природы к удовольствию. Вследствие этого все приятное и прекрасное необходимо есть благо, потому что приятное доставляет удовольствие, а из прекрасных вещей одни приятны, другие желательны ради самих себя.

Одним словом, благом необходимо признать следующее: блаженство, потому что оно желательно само по себе и обладает свойством самодовлеемости; кроме того ради его мы избираем многое. Справедливость, мужество, умеренность, великодушие, щедрость и тому подобные качества, потому что это – добродетели души. Красота, здоровье и тому подобное – также блага, потому что все это – добродетели тела, которые создают много благ, например, здоровье создаст удовольствие и жизнь, почему оно и считается высшим благом, так как служит причиной двух вещей, имеющих для большинства наибольшую ценность – удовольствия и жизни. Богатство, так как оно представляет собой достоинство

имущественного состояния и служит причиной многих благ. Друг и дружба, потому что друг желателен сам по себе, а, кроме того, он может сделать многое. Честь, слава, потому что они приятны и потому что они создают многое, с ними по большей части сопряжено присутствие того, в силу чего [люди] пользуются почетом. Уменьше говорить и искусно действовать, потому что все подобное создает блага. Сюда же относятся даровитость, память, понятливость, сметливость и все тому подобные качества, потому что они создают блага. Равным образом [сюда принадлежат] все отрасли знания и все искусства.

Сама жизнь [есть благо], потому что, если бы даже с ней не было сопряжено никакое другое благо, она желательна сама по себе. Наконец, справедливость [есть также благо], потому что она полезна всем.

Вот приблизительно все то, что люди согласны признавать благом.

Что же касается благ спорных, то заключения относительно их нужно выводить на основании вышеупомянутых благ.

Благо – то, противоположное чему есть зло, а также то, противоположное чему полезно врагам, например, если трусость граждан приносит пользу врагам, то очевидно, что мужество очень полезно гражданам. Вообще же кажется полезным противоположное всему тому, чего желают враги и чему они радуются, поэтому-то сказано:

О! Возликует Приам...

Но так бывает не всегда, а лишь по большей части, потому что вполне возможно, что одно и то же будет полезно для обеих сторон, отчего и говорится, что «несчастье сводит людей», когда какая-нибудь одна и та же вещь вредна для обоих.

Благом можно назвать также и то, что не есть крайность, то же, что преступает должную меру, есть зло. То, ради чего совершено много трудов и сделано много издержек, также представляется благом, потому что такая вещь уже есть кажущееся благо; она понимается, как цель, увенчивающая многие усилия, а всякая цель есть благо, поэтому-то сказано:

Вы ли на славу Приаму...

и:

Стыд нам и медлить так долго...

Отсюда и пословица: «Выронить из рук кувшин с водой у самой двери».

[Благом представляется] также то, к чему многие стремятся и что кажется достойным предметом соревнования, ибо то, к чему все стремятся, есть благо, а понятие большинства людей представляется равным понятию «все люди». [Благо] и то, что заслуживает похвалы, потому что никто не будет

хвалить то, что не есть благо. То, что хвалят враги и дурные люди, также благо, потому что в этом случае все как бы согласны между собой, даже и те, которым это благо причинило вред: такое единодушие является следствием очевидно-сти блага. Подобно этому дурные люди – те, которых порицают друзья и не порицают враги, а хорошие – те, которых не порицают даже враги. Поэтому-то коринфяне считали себя оскорбленными стихом Симонида:

Илион не в претензии на коринфян.

Благо также то, чему оказал предпочтение кто-нибудь из разумных или хороших мужчин или женщин, например, Афина оказала предпочтение Одиссею, Фисей Елене, Александру богини и Ахиллу – Гомер. Вообще говоря, [благо] – то, что заслуживает предпочтения людей, потому что они предпочитают делать то, что принадлежит к числу вышеуказанных вещей, а также, что имеет значение зла для врагов и блага для друзей. Кроме того [они предпочитают еще делать] то, что возможно, возможное же бывает двух родов, одно – то, что уже совершалось, другое – что легко может совершиться. Легко [совершается] то, что [совершается] без не удовольствия или в короткое время, потому что трудность какой-нибудь вещи определяется или [сопряженным с ней] неудовольствием, или продолжительностью времени.

[Предпочитают] люди также и то, что случается согласно

их желанию, а желают они или того, что не заключает в себе никакого зла, или того, в чем меньше зла, чем добра, а так бывает в том случае, когда зло незаметно или незначительно. [Предпочтение оказывается также тому,] что принадлежит нам и чего ни у кого нет, а также всему чрезвычайному, потому что обладание такими вещами увеличивает почет.

[Пользуется предпочтением] также то, что имеет особенные удобства для нас, таково то, что подходит к нашему семейному и общественному положению и что, по нашему мнению, нам нужно, хотя бы это было и маловажно, несмотря на это, люди предпочитают делать подобные вещи. [Заслуживают предпочтения] также те вещи, которые легко хорошо выполнить, потому что они, как легкие, возможны, легкими для исполнения называются такие вещи, которые были совершены многими, или большинством, или подобными нам людьми, или людьми более слабыми [чем мы]. И то, чем мы можем угодить друзьям или досадить врагам, и что предпочитают делать люди, которым мы удивляемся, и то, к чему мы особенно способны и в чем сведущи, потому что есть надежда легче иметь успех в таком деле. И то, чего не сделает ни один дурной человек, потому что такие вещи больше заслуживают похвалы. И то, чего люди страстно желают, потому что такие вещи не только приятны, но представляются еще лучшими [чем они есть].

Всякий человек избирает то, к чему имеет расположение, как, например, славлюбивые люди, если дело идет о победе,

честолюбивые, если о почете, корыстолюбивые, если о деньгах; и все другие люди точно так же.

Итак, вот откуда нужно заимствовать способы убеждения относительно блага и полезного.

Глава VII

Понятия большего блага и более полезного; их анализ; различные определения этих понятий.

Но так как часто люди, признавая полезными какие-нибудь две вещи, недоумевают, которая из них полезнее, то вслед за вышесказанным следует разобрать вопрос о большем благе и более полезном. Вещь, превосходящая какую-нибудь другую вещь, заключает в себе то же, что есть в этой другой вещи, и еще нечто сверх того, а вещь, уступающая другой, есть нечто заключающееся в этой другой вещи. Большая величина и большее число всегда таково по отношению к чему-нибудь меньшему, а все большое и малое, многое и немногое таково по отношению к величине [или числу] большинства предметов; понятие большего обозначает превосходство, а понятие малого – недостаток; точно так же и понятия многого и немногого.

Так как мы называем благом то, что желательно само по себе, а не ради чего-нибудь другого, и то, к чему все стремится и к чему стремилось бы все, если бы было одарено

разумом и практическим смыслом, и то, что создает и берегает подобные вещи и с чем подобные вещи связаны. Так как цель есть то, ради чего что-нибудь делается, и так как ради нее делается все остальное, так как для данного человека благо есть то, что по отношению к этому человеку обладает указанными свойствами, то отсюда необходимо следует, что большее количество есть большее благо сравнительно с единицей и меньшим количеством, если единица или меньшее количество входит в состав большего; последнее имеет численное превосходство, в чем ему уступает входящая в его состав [единица и меньшее количество].

И если крупнейший [представитель какого-нибудь вида] превосходит крупнейшего [представителя другого вида], то и самый [вид] превосходит этот второй [вид], и [наоборот], если какой-нибудь [вид] превосходит другой [вид], то и крупнейший [экземпляр первого вида] превосходит крупнейший [экземпляр второго вида], например, если самый высокий мужчина выше самой высокой женщины, то и мужчины вообще выше женщин, и, [наоборот], если мужчины вообще выше женщин, то и самый высокий мужчина выше самой высокой женщины, потому что превосходство одного вида над другим аналогично с превосходством их крупнейших экземпляров.

И когда одно [благо] следует за другим, но это другое за первым не следует, [тогда это другое есть большее благо]. Последовательность же может быть тройкая: одно явление

или происходит одновременно с другим, или наступает вслед за ним, или обуславливается им, когда бытие следующего явления уже заключается [как возможность] в бытии предыдущего. Так здоровье всегда одновременно с жизнью, но жизнь с здоровьем не всегда нераздельна. Связь последовательности существует между учением и знанием, а связь возможности – между святотатством и грабежом, потому что человек, совершивший святотатство, способен на грабеж вообще.

И то, что в большей мере превосходит одну и ту же вещь, больше, потому что оно должно превосходить и большее, [чем эта вещь]. И то, что производит большее благо, само больше, потому что это и обозначает возможность производить большее. И то, производящая причина чего больше, также больше, ибо если то, что полезно для здоровья, предпочтительнее того, что приятно, и есть большее благо [по сравнению с ним], то и здоровье важнее удовольствия. И то, что желательно само по себе, [важнее] того, что желательно не само по себе, например, сила важнее здоровья, потому что здоровье желательно не само по себе, а сила – сама по себе, а это то и составляет критерий блага.

И если одно есть цель, а другое – не цель, [то первое выше], потому что второе желательно ради чего-нибудь другого, а первое – ради самого себя, например, гимнастика ради хорошего состояния тела. И то, что менее нуждается в другой вещи или других вещах, [выше], так как оно самостоятельнее; меньше же нуждается то, что нуждается в вещах ме-

нее важных или более легких. И если что-нибудь одно не бывает или не может быть без чего-нибудь другого, а это другое [бывает и может быть] без первого: то, что не нуждается ни в чем другом, более самостоятельно, а потому и кажется большим благом. И если одна какая-нибудь вещь есть начало, а другая не есть начало, или если одна вещь есть причина, а другая не есть причина, то по одному и тому же [первая важнее второй], потому что без причины и начала невозможно бытие или возникновение. И происходящее от большего из двух начал – больше, так же как происходящее от большей из двух причин больше, и, наоборот, из двух начал больше то, что служит началом большему, и из двух причин важнее та, которая служит причиной большему.

Из сказанного очевидно, что одна вещь может быть больше другой обоими способами: если она есть начало, а другая не есть начало, первая покажется важнее, точно так же [как и в том случае], если она не есть начало, а другая вещь есть начало, потому что цель важнее начала. Так и Леодамант, обвиняя Каллистрата, говорил, что советник виновнее исполнителя, потому что проступок не был бы совершен, не будь дан совет. И, наоборот, [произнося обвинительную речь] против Хабрия, [он говорил], что исполнитель виновнее советчика, потому что дело не совершилось бы, не будь человека, готового его совершить: люди – де с тем и составляют заговоры, чтобы кто-нибудь совершил их.

И то, что встречается реже, лучше того, что бывает в

изобилии, как, например, золото лучше железа, хотя оно и менее полезно; обладание им представляется большим благом, потому что оно труднее. С другой стороны, существующее в изобилии лучше того, что встречается, как редкость, потому что пользование им более распространено, ибо «часто» имеет преимущество перед «редко», отчего и говорится:

Всего лучше вода.

И вообще более трудное [лучше], чем более легкое, потому что реже, а с другой точки зрения более легкое [лучше], чем более трудное, потому что подчиняется нашим желаниям.

[Большее благо] и то, чему противоположно большее зло, и то, лишение чего чувствуется сильнее. И добродетель выше того, что не есть добродетель, а порок выше того, что не есть порок, потому что добродетель и порок суть цели, а эти другие [качества] такими не представляются. И из причин важнее те, следствия которых значительнее – в хорошую или дурную сторону. И более важны следствия того, хорошие и дурные стороны чего крупнее, потому что каковы причины и начала, таковы и следствия, и каковы следствия, таковы и причины и начала.

[Лучше] и то, высшая степень чего более желательна или прекрасна, как, например, желательнее хорошо видеть, чем

тонко обонять, потому что зрение лучше обоняния. И любить друзей лучше, чем любить деньги, так что и дружелюбие лучше корыстолюбия. Наоборот, чрезмерная степень чего-нибудь лучшего лучше и чего-нибудь прекрасного прекраснее, точно так же как лучше и прекраснее те вещи, которые возбуждают более высокие и прекрасные желания, потому что более сильные желания относятся к большим объектам, а по той же самой причине и желания, возбуждаемые более прекрасными и высокими предметами, прекраснее и выше.

И чем прекраснее и ценнее науки, тем прекраснее и ценнее их объекты, потому что какова наука, такова и истина, в ней заключающаяся, так как каждая наука располагает своей собственной истиной. По аналогии с этим науки тем прекраснее и ценнее, чем прекраснее и ценнее их объекты.

И то, что могут признать или признали большим благом люди разумные, или все, или многие из них, или большая часть их, или лучшие из них, будет считаться большим благом или вообще, или постольку, поскольку их суждение было разумно. Это правило распространяется и на другие вопросы, потому что сущность, степень и качество вещей таковы, какими их признали знание и рассудок. Но о вопросах блага мы уже сказали, так как мы определили благо, как нечто такое, что избрали бы для себя все существа, одаренные рассудком. Отсюда очевидно, что и большее благо – то, чему рассудок оказывает больше предпочтения. И то [каче-

ство], которое есть у лучших людей, есть большее благо или, безусловно, или постольку, поскольку они лучшие люди, например, мужество лучше силы. [Большее благо] и то, что предпочел бы лучший человек или, безусловно, или поскольку он лучший человек, так, например, терпеть несправедливость лучше, чем делать несправедливость, потому что первое предпочел бы более справедливый человек.

И более приятное [лучше], чем менее приятное, потому что все гонится за удовольствием и добивается удовольствия ради его самого, а такими чертами мы определили благо и цель. А из двух вещей приятнее та, которая доставляет удовольствие с меньшей примесью горечи и более продолжительное время. И более прекрасное приятнее, чем менее прекрасное, потому что прекрасное есть или нечто приятное, или желательное само по себе. И то, что люди с большей охотой делают для себя, или для своих друзей, есть большее благо, а то, чего они совсем не хотят делать [для себя или для друзей], есть большее зло. И более продолжительные блага [лучше] менее продолжительных точно так же, как более прочное [лучше] менее прочного, потому что первые имеют преимущество в отношении времени, а вторые – в отношении удовлетворения желания: когда у нас является желание, нам более доступно пользование прочным благом.

И так далее: оценкой одного понятия определяется оценка и другого сродного с первым или выраженного другой формой того же слова, [которым выражено первое], например,

если «мужественно» прекраснее и желательнее, чем «умеренно», то и мужество желательнее умеренности и быть мужественным желательнее, чем быть умеренным.

И то, что предпочитают все, [лучше того,] чему предпочтение оказывается не всеми, точно так же, как то, чему оказывает предпочтение большее число людей, [лучше того,] чему оказывает предпочтение меньшее число людей; так как благо было определено у нас, как нечто такое, к чему все [стремятся], откуда большее благо будет то, к чему люди больше стремятся.

И то, что предпочитают наши противники, или враги, или судьи, или посредники, избранные судьями, [лучше], потому что в первом случае мы как бы имеем дело с суждением, разделяемым всеми людьми, а во втором – с суждением людей знающих и сведущих. Иногда лучше то, чему причастны все, так как позорно не быть причастным такой вещи, а иногда то, чему никто [не причастен] или [причастны] немногие, потому что подобная вещь представляет большую редкость. И то, что заслуживает похвалы [ценнее], потому что прекраснее; равным образом [лучше] то, что влечет за собой больше почета, потому что почет есть как бы цена. [Наоборот, хуже] то, что влечет за собой большее наказание.

То, что выше вещей, признаваемых или кажущихся великими, [лучше], и одна и та же вещь, когда ее разложить на ее составные части, кажется больше, потому что она представляется большей большего числа вещей, откуда и рассказ

поэта о том, как Мелеагра убедили восстать [соображения о том]:

Что в завоеванном граде
людей постигает несчастных,
Граждан в жилищах их режут,
пламень весь град пожирает,
В плен и детей, и красноопоясанных
жен увлекают.

[Подобное же значение имеет] и сопоставление и соединение отдельных частей, которое употреблял Эпихарм, и по тем же причинам как разъединение их, потому что сопоставление частей придает целому вид сильного превосходства, и потому что тогда целое кажется началом и причиной великих вещей. Так как лучше то, что труднее и что представляет большую редкость, то указания на обстоятельства, возраст, место, время и силы могут увеличивать значение вещи, потому что если она была совершена вопреки силам и возрасту, вопреки тому, что совершают подобные нам, и если она была совершена именно там-то или тогда-то, – то она в таком случае получает вид вещей, значительных по красоте, полезности или справедливости, или же вещей им противоположных, откуда и эпиграмма в честь одного победителя на Олимпийских играх:

Некогда я, с изогнутым коромыслом на плечах,

Носил рыбу из Аргоса в Тегею.

Отсюда и Ификрат восхвалял себя, говоря: «вот с чего я начал».

И полученное от природы лучше, чем приобретенное извне, потому что первое труднее; поэтому-то и поэт говорит:

Я самоучка.

И самая большая часть чего-нибудь большего имеет наибольшее значение; так Перикл в своей надгробной речи сказал, что потеря юности имеет для отечества такое же значение, как если бы из года исчезла весна. Лучше также то, что оказывает помощь в большей нужде, например, в старости и болезнях. И из двух благ ценнее то, которое ближе к цели, а также то, которое хорошо и для меня, и вообще, и возможное выше невозможного, потому что первое имеет значение для человека, а второе нет. Лучше то, что бывает в конце жизни, ибо то, что бывает под конец, в большей степени обладает свойствами цели.

И то, что относится к области истины, лучше того, что делается для славы, а к области делаемого для славы относится то, чего никто бы не предпринял, зная, что это останется тайной. Лучше также и то, чем люди желают быть, а не казаться, потому что все такое заключает в себе более истины. Поэтому-то, по мнению некоторых, справедливость имеет ма-

ло значения, потому что-де лучше казаться таким или иным, чем быть, чего, однако, нельзя сказать о здоровье. Более ценности имеет и то, что во многих отношениях оказывается более полезным, например, помогает нам жить, быть счастливыми, пользоваться удовольствиями и делать добро, поэтому-то богатство и здоровье считаются величайшими благами: ведь они обуславливают собой все эти блага. И то, что влечет за собой меньше горя и что связано с удовольствием, лучше, потому что такая вещь включает в себе больше, чем одно благо, так как и удовольствие – благо, и отсутствие печали – также благо. И из двух благ больше то, которое, будучи сложено с той же величиной [как и другое], образует в результате большее целое.

И то, присутствие чего заметно, лучше того, присутствие чего незаметно, потому что первое ближе к истине; поэтому-то, пожалуй, лучше быть, чем казаться богатым. Ценнее также и то, что пользуется любовью, и один и тот же предмет дороже для того, у кого этот предмет только один, чем для того, у кого таких предметов много. Поэтому-то не одинаковое наказание постигает того, кто лишит глаза человека одноглазого, и того, кто сделает это с человеком, обладающим обоими глазами, потому что в первом случае у человека отнят особенно дорогой для него орган.

Итак, мы приблизительно сказали, откуда нужно черпать способы убеждения, когда приходится склонять или отклонять кого-нибудь.

Глава VIII

Совещательный оратор должен знать различные формы правления. – Четыре формы правления: демократия, олигархия, аристократия, монархия. – Цель каждой формы правления. – Совещательный оратор должен знать нравы каждой из форм правления.

Самое же главное и наиболее подходящее средство для того, чтобы быть в состоянии убеждать и давать хорошие советы, заключается в понимании всех форм правления, обычаев и законов каждой из них, а также в определении того, что для каждой из них полезно, потому что все руководятся полезным, полезно же то, что поддерживает государственное устройство. Решающее значение имеет выражение воли верховной власти, а виды верховной власти различаются согласно видам государственного устройства: сколько есть форм правления, столько и видов верховной власти.

Форм правления четыре: демократия, олигархия, аристократия и монархия, так что верховная власть и власть судебная принадлежит или всем членам государства, или части их.

Демократия есть такая форма правления, где должности занимаются по жребию, олигархия – где это делается сообразно имуществу граждан, аристократия – где это делается сообразно образованию граждан. Под образованием я разумею здесь образование, установленное законом, потому что люди, не выходящие из пределов законности, в аристократии пользуются властью, они кажутся лучшими из граждан, откуда получила название и самая форма правления. Монархия, как показывает самое название ее, есть такая форма правления, в которой один властвует над всеми. Из монархий одни, подчиненные известного рода порядку, представляют собой монархию [в настоящем смысле слова], а другие, извращенные, представляют собой тиранию.

Не должно упускать из виду цель каждой из форм правления, потому что люди всегда избирают то, что ведет к цели. Цель демократии – свобода, олигархии – богатство, аристократии – воспитание и законность, тирании – защита. Очевидно, что если люди принимают решения, имея в виду цель государства, то следует разобрать обычаи и законы каждой из форм правления и то, что для каждой из них полезно, – разобрать все это, как имеющее отношение к цели каждого из видов государственного устройства. Но так как можно убеждать не только посредством речи, наполненной доказательствами, но еще и этическим способом, – ведь мы верим оратору, потому что он кажется нам человеком известного склада, то есть, если он кажется нам человеком честным

или благомыслящим, или тем и другим вместе, – ввиду всего этого нам следовало бы обладать знанием нравов каждой из форм правления, потому что нравственные качества каждой из них представляются для каждой из них наиболее значимыми. Это достигается теми же самыми средствами, потому что нравственные качества обнаруживаются в связи с намерениями, а намерение имеет отношение к цели.

Итак, мы сказали, насколько это было здесь уместно, к чему, уговаривая, мы должны стремиться, имея в виду будущее или настоящее, и откуда должны черпать способы убеждения, касающиеся полезного, а также нравов и законов каждой из форм правления, и о том, какими способами и каким образом мы можем облегчить себе [разрешение] этих вопросов. Точнее об этом изложено в нашей «Политике».

Глава IX

Объекты эпидиктической речи. – Определение прекрасного. – Определение добродетели, части добродетели, величайшей добродетели; определение различных добродетелей. – Перечисление вещей прекрасных – Похвала Енкомий – Макариорбс. – Отношение похвалы к совету. – Усиливающие обстоятельства, сравнения и преувеличения пригодны для эпидиктической речи; для совещательной пригодны примеры, для судебной энтимемы.

Вслед за этим поговорим о добродетели и пороке, прекрасном и постыдном, потому что эти понятия являются объектами для человека, произносящего хвалу или хулу. Говоря об этом, мы вместе с тем выясним, в силу чего о нас может составиться понятие, как о людях известного нравственного характера, в чем [как мы сказали] заключается другой способ внушать доверие, потому что одним и тем же путем мы можем сделать и себя и других людьми, внушающими к себе доверие в нравственном отношении. Так как нам часто случается – серьезно или несерьезно – хвалить не только

человека или бога, но и неодушевленные предметы, и первое встречное животное, то следует и по отношению к этому пункту разобрать таким же образом основные положения, потому коснемся и этого вопроса, насколько это нужно для примера.

Прекрасное – то, что, будучи желательно само ради себя, заслуживает еще похвалы, или что, будучи благом, приятно, потому что оно благо. Если таково содержание понятия прекрасного, то добродетель необходимо есть прекрасное, потому что, будучи благом, она еще заслуживает похвалы.

Добродетель, как кажется, есть возможность приобретать блага и сохранять их, и, вместе с тем, возможность делать благодеяния [другим] во многих важных случаях и всем вообще во всевозможных случаях. Части добродетели составляют справедливость, мужество, благоразумие, щедрость, великодушие, бескорыстие, кротость, рассудительность, мудрость. Раз добродетель есть способность оказывать благодеяния, величайшими из добродетелей необходимо будут те, которые наиболее полезны для других. Вследствие этого наибольшим почетом пользуются люди справедливые и мужественные, потому что мужество приносит пользу людям во время войны, а справедливость и в мирное время. Затем следует бескорыстие, потому что бескорыстные люди легко отказываются от денег и не затевают споров из-за них, а они составляют главный предмет стремлений для других.

Справедливость – такая добродетель, в силу которой каждый владеет тем, что ему принадлежит, и так, как повелевает закон, а несправедливость – такое качество, в силу которого человек владеет тем, что ему не принадлежит, и не так, как повелевает закон.

Мужество – добродетель, в силу которой люди в опасностях совершают прекрасные дела, руководствуясь законом и повинаясь ему; трусость же – качество противоположное.

Умеренность – добродетель, в силу которой люди так относятся к физическим наслаждениям, как повелевает закон; невоздержанность – противоположное этому качество.

Бескорыстие заключается в оказывании денежных одолжений, скупость – качество противоположное.

Великодушие – добродетель, побуждающая к совершению великих благодеяний, малодушие – качество противоположное.

Щедрость – добродетель, побуждающая к крупным издержкам, малодушие же и скряжничество – качества противоположные.

Рассудительность есть интеллектуальная добродетель, в силу которой люди в состоянии здраво судить о значении перечисленных выше благ и зол для блаженства.

Итак, для настоящего случая мы достаточно сказали о добродетели и пороке вообще и о составных частях этих понятий; отсюда уже нетрудно вывести заключение относительно других пунктов, так как очевидно, что как то, что

производит добродетель, необходимо должно быть прекрасно, как имеющее отношение к добродетели, так и все, производимое ею; таковы признаки и дела добродетели. Если же признаки добродетели и то, что однородно с ними (а таковы поступки и страдательные состояния нравственно хорошего человека), прекрасны, то отсюда необходимо следует, что все то, что представляется делом или признаком мужества, или что было мужественно совершено, – все это прекрасно точно так же, как прекрасно все справедливое и справедливо – совершенное; что же касается страдательных состояний [носящих характер справедливости], то о них этого нельзя сказать, так как только в одной этой добродетели не всегда прекрасно все справедливое, например, в деле наказания позорнее быть справедливо наказанным, чем понести наказание напрасно относительно других добродетелей [можно сказать] то же самое.

Прекрасно и все то, возмездием за что служат призы и с чем сопряжено более почета, чем денег. И из поступков [подлежащих выбору] прекрасны те, которые человек совершает, имея в виду нечто желательное, но не для себя самого, прекрасны также и безотносительно хорошие поступки, которые кто-либо совершил для пользы отечества, презрев свою собственную выгоду, точно так же, как прекрасно все то, что хорошо по своей природе, и что хорошо, но не именно для данного человека, потому что такие вещи делаются ради самого себя.

Прекрасно и все то, что скорее может относиться к человеку умершему, чем к живому, потому что то, что делается для человека, находящегося в живых, сопряжено с эгоистическим интересом делающего. Прекрасны также те поступки, которые совершаются ради других, потому что такие поступки носят на себе меньший отпечаток эгоизма. Прекрасно и то благоденствие, которое имеет в виду других, а не самого себя, а также то, которое касается наших благодетелей, потому что это согласно с справедливостью. Прекрасны также благодеяния, потому что они относятся не к самому человеку [их совершающему]. Прекрасно и противоположное тому, чего люди стыдятся, потому что они испытывают стыд в том случае, если говорят, или делают, или намереваются сделать что-нибудь постыдное; в этом смысле выразилась в стихах Сафо по поводу слов Алкея:

«Я желаю сказать нечто, но меня удерживает стыд».

«Если бы ты желал чего-нибудь благородного или прекрасного, и если бы твой язык не намеревался высказать ничего дурного, то стыд не заволакивал бы твоих глаз, ты говорил бы о справедливом».

Прекрасно также то, из-за чего люди хлопочут, не будучи побуждаемы страхом, потому что они поступают так в вещах, ведущих к славе. Прекраснее добродетели и деяния лиц лучших по своей природе, так, например, добродетели мужчин выше, чем добродетели женщин. Точно так же прекраснее добродетели, от которых получается больше пользы для

других людей, чем для нас самих; поэтому-то так прекрасно все справедливое и сама справедливость. Прекрасно также мстить врагам и не примиряться с ними, так как справедливо воздавать равным за равное, а то, что справедливо, прекрасно, и так как мужественному человеку свойственно не допускать побед над собой. И победа, и почет принадлежат к числу прекрасных вещей, потому что как то, так и другое желательно, даже если и не соединено ни с какой материальной выгодой, и так как обе эти вещи служат признаком выдающихся достоинств. Прекрасно и все памятное, и чем вещь памятнее, тем она прекраснее. И то, что нас переживает и с чем соединен почет и что имеет характер чрезвычайного [— все это прекрасно]. Прекраснее то, что есть только в одном человеке, потому что такие вещи возбуждают больше внимания.

Прекраснее также собственность, не приносящая дохода, как более соответствующая достоинству свободного человека.

И то, что считается прекрасным у отдельных народов и что служит у них признаком чего-либо почетного, так же прекрасно, как, например, считается прекрасным в Лакедемоне носить длинные волосы, ибо это служит признаком свободного человека, и не легко человеку, носящему длинные волосы, исполнять какую-либо рабскую работу.

Прекрасно также не заниматься никаким низким ремеслом, так как свободному человеку не свойственно жить

в зависимости от других.

[При этом] нужно принимать качества близкие к данным за тождественные с ними как при одобрении, так и при порицании, так, например, человека осторожного нужно принимать за холодного и коварного, человека простоватого за доброго, а человека с тупой чувствительностью за кроткого, и каждое из свойств нужно истолковывать в наилучшую сторону, так, например, человека гневливого и необузданного [должно считать] человеком бесхитростным, человека своенравного – полным величавости и достоинства, и вообще людей, обладающих крайнею степенью какого-нибудь качества [должно принимать], за людей, обладающих добродетелями, например, человека, безрассудно смелого, за мужественного, а расточительного за щедрого, так как такое впечатление получится у толпы. Вместе с тем здесь можно построить паралогизм из причины: в самом деле, если человек кидается в опасность там, где в этом нет необходимости, то, по всей вероятности, он с гораздо большей готовностью делает это там, где этого требует долг. И если человек щедр ко всем встречным, он будет таковым и по отношению к своим друзьям, потому что благодетельствовать всем и означает крайнюю степень добродетели. При этом нужно обращать внимание и на то, среди кого произносится похвала, потому что, по выражению Сократа, не трудно восхвалять афинян среди афинян же.

Следует усвоить [восхваляемому лицу] то свойство, кото-

рое ценится у данного класса людей, например, у скифов, или у лаконцев, или у философов. Вообще понятие почетного следует возводить к понятию прекрасного, потому что эти понятия кажутся близкими одно другому. [Следует хвалить] и то, что является соответствующим и приличным, например, то, что достойно славы предков и деяний, ранее нами совершенных, потому что прибавить себе славы – счастье и прекрасно. Прекрасно и то, что случается несогласно с нашими ожиданиями в лучшем и более прекрасном смысле, например, если кто-нибудь в счастье был умерен, а в несчастье стал великодушен, или если кто-нибудь, по мере своего возвышения, становится все лучше и доступнее. В таком роде и слова Ификрата: «Из чего и к чему я пришел?», а также слова победителя на Олимпийских играх:

«Некогда я, с изогнутым коромыслом на плечах»..

Отсюда и стих Симонида:

«Будучи дочерью, женой и сестрой тиранов»?

Так как человеку воздается похвала за его дела и так как нравственно хорошему человеку свойственно действовать согласно заранее принятому намерению, то должно стараться показать, что человек [которого мы хвалим] действует согласно заранее принятому намерению. Хорошо также казаться человеком, часто действовавшим так; поэтому случайно-

сти и нечаянности следует считать за нечто, входившее в наше намерение, и если можно привести много подобных случаев, они покажутся признаком добродетели и намеренных поступков.

Похвала есть способ изъяснять величие добродетели какого-нибудь человека; следовательно, нужно показать, что деяния этого человека носят характер добродетели. Енкомий же относится к самим делам (другие же обстоятельства внешнего характера, например, благородство происхождения и воспитание служат поводом, так как естественно, что от хороших предков происходят хорошие потомки и что человек воспитанный именно так, будет именно таким). Поэтому-то мы и прославляем в енкомиях (37) людей, совершивших что-нибудь, деяния же служат признаком известного нравственного характера; ведь мы могли бы хвалить и человека, который не совершил таких деяний, если бы были уверены, что он способен их совершить. То, что называется «прославление счастья» и «прославление блаженства», тождественны между собой, но не тождественны с похвалой и енкомием: как понятие счастья заключает в себе понятие добродетели, так прославление блаженства должен обнимать собой похвалу или енкомий.

Похвала и совет сходны по своему виду, потому что то, что при подавании совета может служить поучением, то самое делается похвалой, раз изменен способ выражения: раз мы знаем, как мы должны поступать и какими мы должны

быть, нам нужно, чтобы произнести это в виде совета, лишь изменить и затем переставить выражения, например: «Следует гордиться не тем, что нам даровано судьбой, но тем, что приобретено нами самими». Выраженное в такой форме это положение имеет силу похвалы: «Он гордился не тем, что было даровано ему судьбой, а тем, что приобретено им самим». Так что, когда ты хочешь хвалить, посмотри, что бы ты мог посоветовать [в этом случае], а когда хочешь дать совет, посмотри, что бы ты мог похвалить. Что же касается способа выражения, то он здесь по необходимости будет противоположный, потому что перестановка касается выражений, в первом случае имеющих характер запрещения, а во втором случае не имеющих его.

Следует также принимать в расчет многие усиливающие обстоятельства, например, если человек [которого мы хотим хвалить] действовал один, или первый, или при содействии немногих лиц, потому что все такое прекрасно. [Можно также извлекать выгоду] из указаний на время [именно, выставляя на вид], что совершено нечто, несмотря на неблагоприятное время и на неблагоприятные обстоятельства. [Хвалят также человека], если ему часто удавалось одно и то же дело: это ведь и трудно, и может служить доказательством того, что восхваляемый обязан был успехом не случаю, а самому себе. [Заслуживает также похвалы] человек, ради которого изобретены и приведены в исполнение какие-нибудь способы поощрения и чествования, например,

тот, кто первым был воспет в похвальной песне, таков Гипполох, таковы и Гармодий и Аристогитон, в честь которых была впервые воздвигнута статуя на Агоре. Такие же соображения имеют значение и по отношению к обстоятельствам противоположного характера. Если ты не находишь, что сказать о человеке самом по себе, сравни его с другими, как это делал Исократ вследствие непривычки говорить в суде. Следует сравнивать человека с людьми знаменитыми, потому что, если он окажется лучше людей, достойных уважения, его достоинства от этого выиграют.

Преувеличение по справедливости употребляется при похвалах, потому что похвала имеет дело с понятием превосходства, а превосходство принадлежит к числу вещей прекрасных, поэтому если нельзя сравнивать человека со знаменитыми людьми, следует сопоставлять его вообще с другими людьми, потому что превосходство служит признаком добродетели. Вообще из приемов, одинаково принадлежащих всем [трем] родам речей, преувеличение всего более подходит к речам эпидиктическим, потому что здесь оратор имеет дело с деяниями, признанными за неоспоримый факт, ему остается только облечь их величием и красотой. Что же касается примеров, то они наиболее подходят к речам совещательным, потому что мы произносим суждения о будущем, делая предположения на основании прошедшего Энтимемы, напротив, [наиболее пригодны] для речей судебных, потому что прошедшее, вследствие своей неясности, особенно тре-

бует указания причины и доказательства.

Вот приблизительно все положения, на основании которых произносится почти всякая похвала и хула, вот что следует принимать в соображение, хваля или порицая; вот откуда берется содержание для енкомия и порицания: ведь раз известен этот вид речей [похвальных], очевидны положения противоположные, так как порицание произносится на основании положений противоположных вышеуказанным.

Глава X

Речи судебные. – Причины несправедливых поступков, настроения, вызывающие эти поступки, люди, по отношению к которым эти поступки совершаются. – Что значит поступать несправедливо? – Мотивы дурных поступков – порок и невоздержанность. – Поступки произвольные и непроизвольные. – Мотивы всей человеческой деятельности. – Понятие случайности, естественности, насильственности, привычности. – Совершаемое по соображению, под влиянием раздражения, под влиянием желания.

Далее следует сказать о числе и природе тех положений, из которых должно выводить умозаключения относительно обвинения и защиты. Здесь следует обратить внимание на три пункта, какова природа и как велико число тех причин, в силу которых люди поступают несправедливо; под влиянием какого настроения люди поступают несправедливо; по отношению к каким людям мы поступаем несправедливо и в каком положении находятся эти люди.

Итак, определим понятие несправедливости и разберем

затем каждый из указанных пунктов по порядку.

Пусть поступать несправедливо значит намеренно вопреки закону причинять вред другому лицу. Но есть два вида законов – частный и общий. Частным я называю написанный закон, согласно которому люди живут в государстве, общим – тот закон, который признается всеми людьми, хотя он и не написан. Добровольно люди делают то, что они делают сознательно и без принуждения. Не все то, что люди совершают добровольно, совершается ими намеренно, но все, что совершается ими намеренно, совершается ими добровольно, потому что человек никогда не находится в неведении относительно того, что он делает намеренно. Мотивы же, под влиянием которых мы добровольно причиняем вред и поступаем несправедливо, – это порок и невоздержанность: когда мы обладаем одним или несколькими пороками, мы оказываемся несправедливыми именно по отношению к объекту порока, например, корыстолюбивый по отношению к деньгам, невоздержанный по отношению к телесным наслаждениям, изнеженный по отношению ко всему тому, что способствует лени; трус по отношению к опасностям (потому что трусы под влиянием страха покидают своих товарищей в минуты опасности), честолюбец по отношению к почестям. Человек вспыльчивый поступает несправедливо под влиянием гнева; человек, страстно любящий победу, поступает так ради победы, человек мстительный – под влиянием мести, человек неразумный – вследствие неведения того, что спра-

ведливо и что несправедливо, человек бесстыдный – вследствие презрения к доброй славе. Подобным же образом каждый из остальных людей оказывается несправедливым соответственно своему пороку.

Но все это ясно отчасти из того, что мы сказали о добродетелях, отчасти из того, что мы скажем о страстях. Остается сказать, ради чего, под влиянием какого настроения и по отношению к кому люди поступают несправедливо.

Итак, предварительно разберем вопрос, к чему стремятся и чего избегают люди, принимаясь совершать несправедливости, потому что очевидно, что обвинитель должен выяснить, какие именно и насколько важные мотивы из тех, под влиянием которых люди поступают несправедливо по отношению к своим ближним, были у противника, а защищающийся – какие мотивы в данном случае отсутствовали.

Все люди делают одно произвольно, другое непроизвольно, а из того, что они делают непроизвольно, одно они делают случайно, другое по необходимости; из того же, что они делают по необходимости, одно они делают по принуждению, другое – согласно требованиям природы. Таким образом, все, что совершается ими непроизвольно, совершается или случайно, или в силу требований природы, или по принуждению. А то, что делается людьми произвольно и причина чего лежит в них самих, делается ими одно по привычке, другое под влиянием стремления, и притом одно под влиянием стремления разумного, другое неразумного.

Хотение есть стремление к благу, потому что всякий испытывает желание лишь в том случае, когда считает объект своего желания благом. Стремления же неразумные – это гнев и страсть.

Итак, все, что люди делают, они делают по семи причинам. случайно, согласно требованиям природы, по принуждению, по привычке, под влиянием размышления, гнева и страсти. Бесплезно было бы присоединять сюда классификацию таких мотивов, как возраст, положение и т. п., потому что если юношам свойственно быть гневливыми или страстными, то они совершают несправедливые поступки не по своей молодости, но под влиянием гнева и страсти. И не от богатства и бедности люди поступают несправедливо. Случается, конечно, бедным, вследствие их нужды, желать денег, а богатым, вследствие избытка средств, желать наслаждений, в которых нет необходимости, но и эти люди будут поступать известным образом не от богатства или бедности, но под влиянием страсти. Равным образом люди справедливые и несправедливые и все те, поступки которых объясняют их душевными качествами, действуют под влиянием тех же вышеуказанных мотивов – соображений рассудка или страсти, причем одни руководствуются добрыми нравами или страстями, а другие – нравами и страстями противоположного характера. Случается, конечно, что с такими-то душевными качествами связаны такие-то последствия, а с другими – другие: так у человека умеренного, именно вследствие его умеренности, пра-

вильные мнения и желания относительно наслаждений, а у человека невоздержанного относительно того же мнения – противоположные.

Вследствие этого следует оставить в стороне подобные классификации и рассмотреть, какие следствия связаны обыкновенно с какими душевными свойствами, потому что, если человек бел или черен, велик или мал, отсюда нельзя еще выводить никаких заключений, если же, напротив, человек молод или стар, справедлив или несправедлив, то это уже разница. То же можно сказать и относительно всего того, что производит разницу в нравах людей, как, например, считает ли человек себя богатым или бедным, счастливым или несчастным. Но об этом мы будем говорить после, теперь же коснемся остальных [ранее намеченных] вопросов.

Случайным называется то, причина чего неопределенна, что происходит не ради какой-нибудь определенной цели, и не всегда, и не по большей части, и не в установленном порядке. Все это очевидно из определения понятия случайности. Естественным мы называем то, причина чего подчинена известному порядку и заключается в самой вещи, так что эта вещь одинаковым образом случается или всегда, или по большей части. Что же касается вещей противозастенственных, то нет никакой нужды выяснять, происходят ли подобные вещи сообразно с какими-нибудь законами природы или по какой-нибудь другой причине; может показаться, что причиной подобных вещей бывает и случай. Насильственным

называется то, что делается нами самими, но вопреки своему желанию и доводам рассудка. Привычным называется то, что люди делают вследствие того, что часто это делали. По соображению [совершается] то, что кажется нам полезным из перечисленных нами благ, или как цель, или как средство, ведущее к цели, когда такая вещь делается ради приносимой ею пользы, потому что иногда и люди невоздержанные делают полезные вещи, но не для пользы, а ради удовольствия. Под влиянием раздражения и запальчивости совершаются дела мести. Между мстью и наказанием есть разница: наказание ради наказуемого, а мщение ради мстящего, что утоляет его гнев. Что такое гнев, это будет ясно из трактата о страстях. Под влиянием желания делается все то, что кажется нам приятным; к числу вещей приятных относится и то, с чем мы сжились и к чему привыкли, потому что люди в силу привычки с удовольствием делают многое из того, что по своей природе не представляет ничего приятного.

Таким образом, в результате всего сказанного мы получаем, что все то, что люди делают сами собой, все это – или благо, или кажущееся благо, или приятно, или кажется приятным. Но так как все то, что люди делают сами собой, они делают добровольно, а недобровольно они поступают не сами по себе, то все то, что люди делают добровольно, можно отнести к числу действительных или кажущихся благ, к числу вещей действительно приятных или кажущихся таковыми. К числу благ я отношу также избавление от действи-

тельного или кажущегося зла, равно как и замену большего зла меньшим, потому что подобные вещи в некотором отношении представляются желательными; точно так же я причисляю к приятным вещам избавление от неприятного или от чего-нибудь кажущегося неприятным, или замену более неприятного менее неприятным.

Итак, следует рассмотреть полезные и приятные вещи, – сколько их и каковы они. О полезном мы говорили раньше, говоря о речах, носящих характер совещательный; теперь поговорим о приятном. При этом достаточными нужно считать те определения, которые относительно каждого данного предмета не представляются ни слишком неопределенными, ни слишком мелочными.

Глава XI

Определение удовольствия. – Различные категории приятного.

Определим удовольствие, как некоторое движение души и как быстрое и осязаемое водворение ее в ее естественное состояние; неудовольствие же определим, как нечто противоположное этому. Если же все подобное есть удовольствие, то очевидно, что приятно и все то, что создает вышеуказанное нами душевное состояние, а все то, что его уничтожает или создает душевное состояние противоположного характера, все это неприятно. Отсюда необходимо следует, что по большей части приятно водворение в своем природном состоянии, и особенно в том случае, когда возвратит себе свою природу то, что согласно с ней происходит. [Приятны и] привычки, потому что привычное уже как бы получает значение природного, так как привычка несколько подобна природе, понятие «часто» близко к понятию «всегда», природа же относится к понятию «всегда», а привычка к понятию «часто». Приятно и то, что делается не насильно, потому что наси-

лие противно природе; на этом-то основании все необходимое тягостно, и справедливо говорится, что всякая необходимость по своей природе тягостна.

Неприятны также заботы, попечения и усилия; все это принадлежит к числу вещей необходимых и вынужденных, если только люди к ним не привыкли; в последнем случае привычка делает их приятными. Вещи, по своему характеру противоположные вышеуказанным, приятны, поэтому к числу вещей приятных относится легкомыслие, бездействие, беззаботность, шутка и сон, потому что ни одна из этих вещей не имеет ничего общего с необходимостью. Приятно и все то, что составляет объект желания, потому что желание есть стремление к удовольствию.

Из желаний одни неразумны, другие разумны; к числу неразумных я отношу те желания, которые люди испытывают независимо от такого или другого мнения [о предмете желания], [сюда принадлежат] желания, называемые естественными, каковы все желания, создаваемые нашим телом, например, желание пищи, голод, жажда и стремление к каждому отдельному роду пищи; сюда же относятся желания, связанные с предметами вкуса, сладострастия, а также с предметами осязания, обоняния, слуха и зрения. Разумные желания те, которые являются под влиянием убеждения, потому что мы жаждем увидеть и приобрести многие вещи, о которых мы слышали и [в приятности которых] мы убеждены.

Так как наслаждение заключается в испытывании извест-

ного впечатления, а представление есть некоторого рода слабое ощущение, то всегда у человека, вспоминающего что-нибудь или надеющегося на что-нибудь, есть некоторое представление о том, о чем он вспоминает или на что надеется; если же это так, то очевидно, что для людей, вспоминающих что-нибудь или надеющихся на что-нибудь, получается удовольствие, так как в этом случае они испытывают известного рода ощущение.

Таким образом, все приятное необходимо будет заключаться или в ощущении настоящего удовольствия, или в припоминании удовольствия прошедшего, или в надежде на будущее удовольствие, потому что люди чувствуют настоящее, вспоминают о свершившемся и надеются на будущее. Из того, что люди припоминают, приятно не только то, что было приятно, когда было настоящим, но и кое-что неприятное, если только то, что за ним последовало, было для нас вполне приятно. Отсюда и говорится:

Приятно человеку, избегшему гибели,
Вспоминать свои несчастья.

И:

... О прошлых бедах вспоминает охотно.

Муж, испытавший их много и долго бродивший на свете.
Причина этому та, что приятно уже и самое отсутствие

зла. А из того, чего мы ожидаем, нам приятно то, с присутствием чего связано или сильное удовольствие, или польза, и притом польза, не соединенная с горем. Вообще же все то, присутствие чего приносит нам радость, доставляет нам обыкновенно удовольствие и тогда, когда мы вспоминаем такую вещь или надеемся на нее; поэтому приятно гневаться, как и Гомер сказал о гневе:

Он в зарождении сладостней
тихо струящегося меду,

потому что мы не гневаемся на того, кого считаем недоступным нашей мести, и на людей более могущественных, чем мы, мы или совсем не гневаемся, или гневаемся в меньшей степени.

С большею частью желаний связано некоторое удовольствие: мы испытываем его, или вспоминая, как наше желание было удовлетворено, или надеясь на его удовлетворение в будущем; например, больные, мучимые жаждой в жару, испытывают удовольствие, и вспоминая о том, как они утоляли свою жажду в прошедшем, и надеясь утолить ее в будущем. Точно так же и влюбленные испытывают наслаждение, беседуя устно или письменно с предметом своей любви, или каким бы то ни было другим образом занимаясь им, потому что, живя воспоминанием во всех подобных состояниях, они как бы на самом деле ощущают присутствие любимого

человека. И для всех людей любовь начинается тем, что они не только получают удовольствие от присутствия любимого человека, но и в его отсутствии испытывают наслаждение, вспоминая его, и у них является досада на его отсутствие. И в горестях и в слезах есть также известного рода наслаждение: горечь является вследствие отсутствия любимого человека, но в припоминании и некоторого рода лицезнении его, что он делал и каков он был, заключается наслаждение, поэтому справедливо говорит поэт:

Так говорил и во всех возбудил он
желание плакать.

Приятна также месть, потому что приятно достигнуть того, не достигнуть чего тяжело. Гневаясь, люди безмерно печалятся, не имея возможности отомстить, и, напротив, испытывают удовольствие, надеясь отомстить. Приятно и побеждать – и это приятно не только для людей, любящих победу, но и для всех вообще, потому что в этом случае является мысль о собственном превосходстве, которого более или менее жаждут все. Если приятна победа, то отсюда необходимо следует, что приятны и игры, где есть место борьбе и состязанию, потому что в них часто случается побеждать; сюда относятся игры в бабки, в мяч, в кости и в шашки. Точно то же можно сказать и о серьезных забавах: одни из них делаются приятными, по мере того как к ним привыкаешь,

другие же сразу доставляют удовольствие, например, травля собаками и вообще всякая охота, потому что где есть борьба, там есть место и победе; на этом основании искусство тягаться по судам и спорить доставляет удовольствие тем, кто привык к подобному препровождению времени и имеет к нему способность.

Почет и добрая слава принадлежат к числу наиболее приятных вещей, потому что каждый воображает, что он именно таков, каков бывает человек хороший, и тем более в том случае, когда [почести и похвала] воздаются со стороны лиц, которых мы считаем правдивыми. В этом случае люди нам близкие значат больше, чем люди нам далекие, и люди коротко знакомые и наши сограждане больше, чем люди нам чужие, и наши современники больше, чем наши потомки, и разумные больше, чем неразумные, и многие больше, чем немногие, потому что есть больше основания считать правдивыми перечисленных нами людей, чем людей им противоположных. Раз человек с пренебрежением относится к какой-нибудь категории существ (как, например, он относится к детям или животным), он не придает никакого значения почестям со стороны их и доброй славе среди них, по крайней мере, ради самой этой славы, а если он и придает этим вещам значение, то ради чего-нибудь другого.

Друг также принадлежит к числу приятных вещей, потому что, с одной стороны, приятно любить: никто, кому вино не доставляет удовольствия, не любит его; а с другой стороны

– приятно также и быть любимым, потому что и в этом случае у человека является мысль, что он хорош, а этого жаждут все способные чувствовать люди; а быть любимым значит быть ценимым ради самого себя. Быть объектом удивления приятно уже потому, что с этим связан почет. Приятно также быть объектом лести, приятен и льстец, потому что он – кажущийся поклонник и друг. Приятно часто делать одно и то же, потому что, как мы сказали, все привычное приятно. Приятно также испытывать перемену, потому что перемены согласны с природой вещей, так как вечное однообразие доводит до преувеличения (чрезмерности) раз существующее настроение, откуда и говорится:

Во всем приятна перемена.

Вследствие этого приятно то, что является через известные промежутки времени – люди ли это, или неодушевленные предметы, – потому что это производит некоторую перемену сравнительно с настоящим; кроме того то, что мы видим через известные промежутки времени, представляет некоторую редкость.

По большей части приятно также учиться и восхищаться, потому что в восхищении уже заключается желание [познания], так что предмет восхищения скоро делается предметом желания, а познавать – значит следовать закону природы.

К числу приятных вещей относится оказывание и испытывание благодеяний, потому что испытывать благодеяние значит получать то, чего желаешь, а оказывать благодеяние значит обладать и притом обладать в большей степени, чем другие, – а того и другого люди добиваются. Так как приятно оказывать благодеяния, то приятно также поставить на ноги своего ближнего и, вообще говоря, приятно завершать неоконченное.

Раз приятно учение и восхищение, необходимо будет приятно и все подобное этому, например, подражание, а именно: живопись, ваяние, поэзия и вообще всякое хорошее подражание, если даже объект подражания сам по себе не представляет ничего приятного: в этом случае мы испытываем удовольствие не от самого объекта подражания, а от мысли (умозаключения), что это [то есть подражание] равняется тому [то есть объекту подражания], так что тут мы имеем познание. Приятны также внезапные перемены, приятно и с трудом спастись от опасностей, – это приятно потому, что все подобное возбуждает удивление.

Так как приятно все согласное с природой, а все родственное соответствует природе одно другому, то по большей части все родственное и подобное приятно; например, человек приятен для человека, лошадь для лошади, юноша для юноши, откуда произошли и поговорки, что сверстник веселит сверстника, что всякий ищет себе подобного, что зверь узнает зверя и что галка всегда держится галки, – и все другие

подобные пословицы. Так как все подобное и родственное приятно одно для другого и так как каждый человек наиболее испытывает это по отношению к самому себе, то все люди необходимо бывают более или менее себялюбивы, – потому что эти условия [подобия и равенства] имеют наиболее близкие места по отношению к самому себе. А раз все люди себялюбивы, для всякого человека необходимо бывает приятно все свое, например, свои дела и слова; поэтому-то люди по большей части любят льстецов и поклонников и бывают честолюбивы и чадолюбивы: ведь дети – наши создания. Приятно также завершить неоконченное дело, потому что оно в этом случае уже становится нашим собственным делом. Так как очень приятна власть, то приятно казаться мудрым, так как основание власти в знании, а мудрость есть знание многих удивительных вещей. Кроме того, так как люди по большей части честолюбивые, то отсюда необходимо следует, что приятно порицать своих ближних, приятно и властвовать. Приятно также человеку держаться того, в чем он, по своему мнению, превосходит сам себя, как говорит поэт:

И к тому труду он привязывается,
Уделяя ему большую часть каждого дня,
В котором сам себя превосходит.

Равным образом, так как шутки и всякое отдохновение – приятно, а равно и смех, то необходимо будет приятно и все, вызывающее смех, – и люди, и слова, и дела. Но вопрос о

смешном мы рассмотрели отдельно в «Поэтике». Итак, вот что мы имели сказать о приятном. Что же касается неприятного, то это понятие станет ясным из положения противоположных высказанным.

Глава XII

Настроения, вызывающие несправедливые поступки. – Условия, благоприятствующие безнаказанности преступлений и проступков.

Итак, вот причины, побуждающие людей поступать несправедливо. Теперь скажем о том, находясь в каком нравственном состоянии, они поступают несправедливо, и по отношению к кому они так поступают.

Люди поступают несправедливо, когда считают совершение данного поступка возможным безотносительно и возможным для себя; кроме того, когда думают, что их поступок останется необнаруженным, или что они не понесут за него наказания в случае его обнаружения, или, наконец, что хотя они и понесут за него наказание, но оно будет менее значительно, чем выгода, которая получится от этого поступка или для них самих, или для их близких. Позднее мы скажем, что именно кажется возможным и невозможным, потому что эти замечания имеют значение для всех родов речей. Безнаказанно совершать несправедливые поступки считают для се-

бя наиболее возможным люди, умеющие говорить, ловкие, имевшие много случаев вести подобную борьбу, люди, у которых много друзей и денег. Наиболее сильными люди считают себя в том случае, когда они сами удовлетворяют указанным условиям; если же этого нет, то в том случае, если у них есть такие друзья, слуги или сообщники; это дает им возможность совершать несправедливости, утаивать это и не нести за них наказания. [Надеяться на это можно еще и в том случае], когда мы дружны с тем, кому наносим обиду, или с судьей: друзья, с одной стороны, не принимают предосторожностей от несправедливостей, а с другой стороны, мирятся, не давая делу доходить до суда. Что же касается судей, то они угождают тем, с кем они дружны, и или совсем не взыскивают с них, или налагают незначительное наказание.

Легко скрыть свою вину тем людям, качества которых идут вразрез с взводимыми на них обвинениями, например, человеку бессильному [легко скрыть преступление], заключающееся в насилии, а человеку бедному и безобразному – прелюбодеяние. Легко также скрыть и то, что слишком явно и слишком бросается в глаза, так как таких вещей люди не замечают, считая невозможными. Точно так же [легко скрыть] преступление такой важности и такого сорта, какого никто не совершал, потому что таких вещей никто не остерегается: все остерегаются привычных преступлений, как это делают и по отношению к привычным болезням, но никто не принимает предосторожностей против того, чем никто никогда

не страдал. [Легко также нападать на тех людей], у которых или совсем нет врагов, или много их: в первом случае нападающий надеется остаться необнаруженным на том основании, что его жертва не принимает никаких мер предосторожности, а во втором он остается необнаруженным, потому что нападение на людей, принявших оборонительное положение, представляется со стороны данного человека делом невозможным, и виновный в свою защиту может сказать, что он никогда не отважился бы на подобное дело.

[Легко совершать преступления] и тем, кто может укрыться – благодаря ли способу, которым совершено преступление, или месту, где оно совершено, или для кого благоприятно слагаются обстоятельства. [На преступления решаются также те люди], у которых есть возможность, в случае обнаружения преступления, избежать суда, или выиграть время, или подкупить судей, а также те, у которых, в случае наложения наказания, есть возможность избежать приведения его в исполнение или добиться продолжительной отсрочки его; наконец, те, кому, вследствие крайней бедности, терять нечего.

Кроме того [на преступления решаются те лица], которым выгоды от преступления представляются очевидными, значительными или близкими, а наказание за него ничтожным, не верным или далеким. И те преступления, кара за которые не равна получаемой от них выгоде, всегда находят исполнителя; такова, например, тирания; то же можно сказать о

преступлениях, совершение которых влечет за собой осязательную выгоду, между тем как наказание за них заключается только в позоре. И, наоборот, [на преступление отваживаются] и в том случае, когда совершение его приносит некоторого рода славу, например, если удастся разом отомстить за отца или за мать, как это удалось Зенону, а наказание за него заключается в денежной пене, изгнании или в чем-нибудь подобном.

Люди поступают несправедливо под влиянием тех и других из указанных мотивов и в том и другом из указанных настроений, но это – не одни и те же люди, а лица совершенно противоположных характеров. [Решаются на преступления] еще и те, кому часто удавалось или скрыть свое преступление, или остаться безнаказанным, а также те, кто часто терпел неудачу, потому что в подобных вещах, как и на войне, некоторые способны добиваться победы во что бы то ни стало. [На преступление решаются] еще и в тех случаях, когда немедленно вслед за ним наступает удовольствие, а потом, уже позже, приходится испытывать нечто неприятное, или когда выгода близка, а наказание отдалено. В подобном положении находятся невоздержанные люди, а невоздержание может касаться всего, что составляет предмет наших желаний. [Преступление совершается] также и в тех случаях, когда, напротив, все неприятное, связанное с преступлением, и наказание за него постигает человека немедленно, а удовольствие и польза получаются лишь позже, но на более про-

должительное время; к такого рода вещам стремятся люди воздержанные и более разумные.

[Преступления совершаются также] теми людьми, у которых есть возможность объяснить свой поступок случайностью, или необходимостью, или законом природы, или привычкой, – вообще в тех случаях, где есть возможность доказывать, что совершена ошибка, а не преступление. [Несправедливость совершается и в том случае], когда можно получить снисхождение. [На несправедливый поступок решаются] также люди нуждающиеся, причем нужда может быть двоякого рода: или в вещах необходимых, как у людей бедных, или в вещах излишних, как у богатых. [На преступление решаются] также люди, имеющие или очень хорошую, или очень дурную славу, первые в расчете на то, что на них не падет подозрение, вторые – в той мысли, что от этого слава их не ухудшится.

Вот в каком настроении люди решаются на преступления. А люди и вещи, против которых направляются преступления, бывают обыкновенно таковы: они обладают тем, чего у нас нет, – идет ли дело о чем-нибудь необходимом, или о чем-нибудь, касающемся наслаждения. [Несправедливости совершаются] по отношению к людям как близким, так и далеким, так как в первом случае скоро получаешь, а во втором нельзя ожидать скорого мщения, например, в том случае, если бы были обокрадены карфагеняне. [Обида причиняется также людям], которые не принимают мер предосторожно-

сти, не берегутся, людям слишком доверчивым, потому что в этом случае легко укрыться от внимания всех, – а также людям беззаботным, потому что нужно быть человеком заботливым, чтобы вести дело через суд, – людям совестливым, потому что они не способны вступать в спор из-за выгоды, – людям, которые, будучи оскорбленными многими, не довели дело до суда, так как такие люди, по пословице, легко, как мизийцы, становятся добычей, – людям, которые никогда не терпели оскорблений или терпели их очень часто, потому что и те, и другие не принимают мер предосторожности, – первые, потому что полагают, что никто никогда их не оскорбит, а вторые, потому что, по их мнению, больше уж никто их не оскорбит. [Легко обидеть] также тех людей, которые оклеветаны или которых легко оклеветать, потому что такие люди обыкновенно не решаются начать процесс, боясь судей, и никому не могут внушить к себе доверия; так бывает с людьми, возбуждавшими всеобщую ненависть и зависть.

[Несправедливости направляются] также против людей, против которых мы имеем что-нибудь, – касается ли это их предков, или их самих, или их друзей, – за то, что они обидели или хотели обидеть нас самих, или наших предков, или людей нам близких, потому что, по пословице, злобе нужен только предлог. [Обижают] и врагов, и друзей, потому что первых обидеть легко, а вторых приятно, [обижают] и тех, у кого нет друзей, кто не умеет ни красиво говорить, ни вести дело, потому что такие люди или не пытаются вести де-

ло через суд, или идут на мировую, или ничего не доводят до конца. [Часто поступают несправедливо с людьми], которым неудобно тратить время, добиваясь суда или удовлетворения, каковы, например, чужеземцы и ремесленники, которые собственными руками зарабатывают себе хлеб, потому что эти люди мирятся на малом и легко прекращают дело.

[Несправедливость легко делается по отношению к тем людям], которые сами поступали несправедливо во многом или именно в том, в чем теперь поступают несправедливо относительно их, так как несправедливость почти не кажется несправедливостью, когда кому-нибудь причиняется именно такая обида, какие он привык причинять другим, например, если кто-нибудь оскорбит человека, привыкшего оскорблять других.

[Несправедливо поступают] также с теми людьми, которые обидели нас, или хотели обидеть, или хотят обидеть, или обидают; в этом случае несправедливость заключает в себе нечто приятное и прекрасное и уже почти не кажется несправедливостью. [Мы легко обижаем] также тех, унижение которых будет приятно или нашим друзьям, или тем, кому мы удивляемся, или кого любим, или нашим повелителям, или вообще тем людям, от которых мы зависим и от которых можем получить какую-нибудь выгоду. [Мы совершаем также несправедливости по отношению к тем людям], которых мы осудили и с которыми прервали сношения, как, например, поступил Каллипп по отношению к Диону, потому что и по-

добные поступки почти не кажутся несправедливыми. [Точно так же поступаем мы и с теми людьми], которых если не мы, так другие обидят, так как в этом случае кажется невозможным колебание; так, по преданию, поступил Энесидем, который послал Гелону, поработившему какой-то город, коттабий, поздравляя его, что он предупредил его именно в том, что сам он, Энесидем, намерен был сделать. [Обида часто причиняется в тех случаях], когда это дает возможность сделать много хорошего обиженным, потому что в этих случаях искупление представляется делом легким, как говорил фессалиец Язон, что «должно иногда поступать несправедливо, чтобы иметь возможность совершать много справедливых дел».

[Человек легко позволяет себе те несправедливые поступки], совершать которые вошло в привычку у всех, или у многих, потому что в этих случаях есть надежда получить прощение. [Мы легко решаемся на похищение тех предметов], которые легко скрыть, а также тех, которые легко истрачиваются, таковы, например, съестные припасы; [сюда же относятся предметы], которым легко придать другой вид, изменив их форму, цвет или состав, или предметы, которые во многих местах можно удобно спрятать; таковы вещи, которые можно или легко передвигать с места на место, или укрывать в маленьких пространствах, а также вещи, подобные которым в большом числе находились у похитителя. [Человек часто наносит другим такого рода оскорбления],

о которых потерпевшие лица стыдятся говорить, таково, например, бесчестье, наносимое нашим женам, или нам самим, или нашим сыновьям. [Часто также мы совершаем проступки], преследование которых путем суда могло бы показаться простой страстью к сутяжничеству со стороны лица, начинающего процесс. Сюда относятся проступки маловажные и легко извиняемые.

Глава XIII

Двоякий способ определения справедливости и несправедливости. – Закон частный и закон общий. – Две категории несправедливых поступков. – Два рода неписаных законов. – Понятие правды. Вот приблизительно все соображения, которые можно представить относительно настроения тех людей, которые поступают несправедливо, относительно тех лиц и вещей [против которых направляются несправедливости] и относительно причин, [по которым они совершаются]. Прежде всего разберем всякого рода поступки, согласные и несогласные со справедливостью.

Понятие справедливости и несправедливости определяется двояким образом: согласно двум категориям законов и согласно людям, которых они касаются.

Я утверждаю, что существует закон частный и закон общий; частным я называю тот закон, который установлен каждым народом для самого себя; этот закон бывает и писанный, и неписанный. Общим законом я называю закон естественный. Есть нечто справедливое и несправедливое по природе.

де, общее для всех, признаваемое таковым всеми народами, если даже между ними нет никакой связи и никакого соглашения относительно этого. Такого рода справедливое имеет, по-видимому, в виду Антигона, утверждая, что вполне согласно со справедливостью похоронить, вопреки запрещению, труп Полиника, так как это относится к области естественной справедливости, которая возникла.

Не сегодня и не вчера —
Она вечно живет и никто не может сказать,
откуда она явилась.

На таком же основании Эмпедокл запрещает умерщвлять всякое живое существо, такого рода поступок не может казаться справедливым в глазах одних и несправедливым в глазах других:

Но этот закон, обязательный для всех людей,
Имеет силу на пространстве всего
широкого эфира и неизмеримой земли.

То же говорит и Алкидамант в своей «Мессенской речи». По отношению к лицам, против которых [совершаются преступления], [преступления] определяются двояко: то, что нужно делать и что не нужно делать, может касаться или всего общества, или одного из его членов; сообразно с этим и поступки, согласные с справедливостью и противные ей, мо-

гут быть двух родов: они могут касаться или одного определенного лица, или целого общества; так человек, совершающий прелюбодеяние и наносящий побои, поступает несправедливо по отношению к одному определенному лицу, а человек, уклоняющийся от отбывания воинской повинности, поступает несправедливо по отношению ко всему обществу.

Подразделив, таким образом, все несправедливые поступки на поступки, касающиеся общества в его целом, и поступки, касающиеся одного или нескольких членов общества, возвратимся к вопросу, что значит быть объектом несправедливости. Быть объектом несправедливости – значит терпеть несправедливость со стороны лица, совершающего ее произвольно, так как мы раньше определили совершение несправедливости, как нечто произвольное; так как объект несправедливого действия необходимо терпит обиду, и при том терпит ее против своего желания, а понятие обиды ясно из сказанного выше (ибо мы выше определили понятие добра и зла самого по себе), а также и понятие произвольного (мы сказали, что произвольно все то, что человек совершает, сознавал, что он делает). Таким образом, все поступки необходимо относятся или ко всему обществу, или к отдельному члену его, и совершаются человеком или при полном неведении и против желания, или добровольно и вполне сознательно, и из этих последних поступков одни совершаются преднамеренно, другие же под влияем аффекта. О гневе мы будем говорить в трактате о страстях, а о том, что люди

делают преднамеренно и в каком состоянии они так поступают, об этом мы сказали раньше.

Так как часто люди, признаваясь в совершении известного поступка, не признают известной квалификации поступка или того, чего касается эта квалификация, – например, человек утверждает, что он что-нибудь взял, но не украл, или что он первый ударил, но не нанес оскорбления, что он с кем-нибудь был в связи, но не совершал прелюбодеяния, что он совершил кражу, но не святотатство, потому что похищенное не принадлежало Богу, что он запахал чужое, но не общественное поле, что он находился в сношениях с врагами, но не совершил измены, – имея в виду подобные случаи, следует также определить, что такое кража, оскорбление, прелюбодеяние, для того чтобы быть в состоянии выяснить истину, хотим ли мы доказать, что что-нибудь было или что чего-нибудь не было.

Во всех подобных случаях вопрос идет о том, было ли известное действие несправедливо и дурно, или нет: ведь в намерении заключается негодность и несправедливость человека, а такие выражения, как оскорбление и воровство, указывают на преднамеренность: не всегда ведь человек, нанесший удар другому человеку, причинил ему этим оскорбление, но лишь в том случае, если он сделал это с какой-нибудь целью, например, с целью обесчестить его или доставить самому себе удовольствие, и не всегда человек, тайно взявший что-нибудь, совершил воровство, но лишь в том случае, ко-

гда он сделал это, желая причинить ущерб другому и присвоить себе взятую вещь. Относительно других случаев можно сказать то же самое, что и относительно случаев, рассмотренных нами.

Так как есть два вида справедливого и несправедливого и так как мы уже сказали о том, о чем трактуют законы [писанные], то нам остается сказать о законах неписанных. Они бывают двух родов: одни из них имеют в виду крайние проявления добродетели и порока, с которыми связаны порицания и похвалы, бесчестие и почести, изъявление общего уважения; сюда относится, например, признательность по отношению к благодетелям, воздаяние добром за добро, помощь друзьям и т. п. Другие же из неписанных законов восполняют недостатки частного писаного закона, так как правда, относясь, по – видимому, к области справедливого, есть то, что справедливо вопреки закону. Подобные недостатки писаного закона допускаются законодателями иногда добровольно, а иногда и против воли; против воли, когда [недостатки закона] ускользают от их внимания, добровольно, – когда они не могут дать никакого предписания относительно данного случая, потому что их определения должны отличаться характером всеобщности, а данный случай касается не того, что бывает всегда, но того, что случается по большей части. То же можно сказать о случаях, относительно которых трудно давать какие-нибудь указания вследствие их беспредельности, так, например, запрещая наносить раны железом, труд-

но определить, какой длины и какое именно железо имеет в виду это запрещение: жизни человеческой не хватило бы для этого перечисления.

Когда, таким образом, нельзя дать точного определения, а между тем необходимо издать законодательное постановление, в таких случаях следует употреблять общие выражения. Отсюда следует, что если кто-нибудь, имея на руке железное кольцо, поднимет на другого человека руку или нанесет ему удар, то, согласно писаному закону, он виновен, поступает несправедливо, а на самом деле он не совершает несправедливости, – и это-то и есть правда. Если данное нами понятие есть понятие правды, то отсюда очевидно, что соответствует правде и что ей не соответствует и какие люди не соответствуют понятию правды. Все то, что должно заслуживать снисхождения, подходит под понятие правды.

Кроме того, правда требует неодинаковой оценки по отношению к ошибкам, несправедливым поступкам и несчастьям. К числу несчастий относится все то, что случается без умысла и без всякого злого намерения, к числу заблуждений – все то, что случается не без умысла, но не вследствие порочности; к числу несправедливых поступков – все то, что случается не без умысла, но, вместе с тем, вследствие порочности, потому что ведь и все, что делается под влиянием страсти, предполагает порочность.

Правда заключается и в том, чтобы прощать человеческие слабости, – в том еще, чтобы иметь в виду не закон, а за-

конодателя, не букву закона, а мысль законодателя, не самый поступок, а намерение человека, [его совершившего], не часть, а целое, – в том, чтобы обращать внимание не на то, каким выказал себя человек в данном случае, но – каков он был всегда или по большей части. Правда заключается еще и в том, чтобы более помнить полученное добро, чем испытанное зло, и добро, нами полученное, помнить более, чем добро, нами самими сделанное, в том, чтобы терпеливо переносить делаемые нам несправедливости и предпочитать судиться словом, а не делом, в том, наконец, чтобы охотнее обращаться к суду посредников, чем к суду публичному, потому что посредник заботится о правде, а судья о законе; для того и изобретен суд посредников, чтобы могла торжествовать правда.

Глава XIV

Различные мерилa несправедливого поступка – Отягощающие обстоятельства. – Нарушение закона неписаного и писаного.

Пусть, таким образом, будет изложено учение о правде. Всякое несправедливое действие представляется тем более несправедливым, чем больше нравственная испорченность, от которой оно происходит; поэтому-то [иногда] самые ничтожные поступки могут считаться величайшими преступлениями, так, например, Каллистрат обвинял Меланопа в том, что он обсчитал работников, строивших храм, на три священных полубола. В области справедливости [мы замечаем явления] противоположные. Такая оценка поступка вытекает из его виртуального смысла, а именно: человек, похитивший три священных полубола, может считаться способным на всякого рода преступления.

Иногда сравнительная важность поступка определяется таким образом, а иногда о поступке судят по тому вреду, который он приносит. Величайшим считается и [то преступле-

ние], для которого нет равносильного наказания: каждое наказание кажется ничтожным перед ним, – и то [преступление], от которого нет исцеления, потому что трудно и даже невозможно вознаградить за него, – и то, за которое потерпевший не может получить удовлетворения, потому что причиненное ему зло неисцелимо; суд же и наказание есть некоторого рода исцеление. И еще большего наказания заслуживает человек, совершивший несправедливость, в том случае, если лицо пострадавшее и обиженное само на себя наложит тяжелое наказание; так Софокл, произнося речь в защиту Эвктемона, который наложил на себя руки вследствие полученного оскорбления, сказал, что он не удовольствуется требованием меньшего наказания, чем то, которое счел для себя достойным пострадавший. [Иногда важность поступка оценивается в связи с тем соображением], что никто другой, или никто раньше не совершал такого преступления, или что лишь не многие решались на такое дело, а также – что он много раз совершал одно и то же преступление. И если для предупреждения и наказания какого-нибудь проступка приходится изыскивать и изобретать новые средства – [это также важно]; так, например, в Аргосе наказуется тот человек, из-за которого построена новая тюрьма. Затем несправедливое действие тем более важно, чем большим зверством оно отличается; более тяжело оно также в том случае, когда совершается более обдуманно, или когда рассказ о нем возбуждает в слушателях скорее страх, чем сострадание.

Соображения, которыми пользуется риторика, давая оценку какого-нибудь поступка, заключаются и в том, что такой-то человек нарушил или преступил многое, например, клятву, договор, поруку, право заключать брачные союзы, потому что в этом случае мы имеем дело с совокупностью многих несправедливых деяний. [Усиливает вину еще и то обстоятельство], если несправедливый поступок совершается в том самом месте, где налагается наказание на лиц, поступающих несправедливо; так делают, например, лжесвидетели, потому что где же они могут воздержаться от несправедливого поступка, если они решаются на него в самом судилище? [Важны также те проступки], которых люди особенно стыдятся, а также [важно], если человек поступает дурно со своим благодетелем: здесь его вина делается значительнее оттого, что он, во-первых, делает зло, и, во-вторых, не делает добра. [Большую важность получает поступок], нарушающий неписанные законы, потому что человек, обладающий лучшими нравственными качествами, бывает справедлив и без принуждения, а писаная правда имеет характер принуждения, чуждый неписаной. С другой стороны, [вину человека может увеличивать именно то обстоятельство], что его поступок идет вразрез с законами писаными, потому что человек, нарушивший законы, угрожающие наказанием, может нарушить и законы, не требующие наказания.

Таким образом, мы сказали о том, что увеличивает и смягчает преступление.

Глава XV

Пять родов нетехнических доказательств закон, свидетели, договоры, пытка, клятвы. – Как ими нужно пользоваться?

Теперь, после изложенного нами выше, по порядку следует сделать краткий обзор доказательств, которые называются нетехническими; они относятся специально к области речей судебных. Таких доказательств числом пять: законы, свидетели, договоры, показания под пыткой, клятвы. Прежде всего скажем о законах – как следует пользоваться ими, обвиняя или защищаясь. Очевидно, что когда писанный закон не соответствует положению дела, следует пользоваться общим законом, как более согласным с правдой и более справедливым [с тем соображением], что «судить по своему лучшему разумению» значит не пользоваться исключительно писаными законами и что правда существует вечно и никогда не изменяется, так же как и общий закон, потому что и правда, и общий закон сообразны с природой, а писанные законы изменяются часто.

Поэтому-то в Софокловой «Антигоне» мы и находим эти известные изречения: Антигона оправдывается как тем, что предала земле тело своего брата вопреки постановлению Креонта, но не вопреки неписаному закону:

Эти законы изобретены не вчера
или сегодня, но существуют вечно;
Я не могу пренебречь ими
ради кого бы то ни было...

так и тем, что справедливо то, что истинно и полезно, а не то, что только кажется таковым, так что писанный закон не есть истинный закон, потому что он не выполняет обязанности закона, – и тем, что судья есть как бы пробирщик, который должен различать поддельную справедливость и справедливость настоящую – и что человеку более высоких нравственных качеств свойственно руководствоваться законами неписаными преимущественно перед законами писанными.

При этом нужно смотреть, не противоречит ли данный закон какому-нибудь другому славному закону или самому себе, как, например, иногда один закон объявляет действительными постановления, какими бы они ни были, а другой запрещает издавать постановления, противоречащие закону. Если закон отличается двусмысленным характером, так что можно толковать его и пользоваться им в ту или другую сторону, в таком случае нужно определить, какое толкование его будет более согласно с видами справедливости или поль-

зы, и потом уже пользоваться им. И если обстоятельства, ради которых был принят закон, уже не существуют, а закон тем не менее сохраняет свою силу, в таком случае нужно постараться выяснить [это] и таким путем бороться с законом. Если же писанный закон соответствует положению дела, то следует говорить, что клятва «судить по своему лучшему разумению» дается не для того, чтобы судить против закона, но для того, чтобы судья не оказался клятвopеступником в тех случаях, когда он не знает, что говорит закон.

[Можно еще прибавить], что всякий ищет не блага самого по себе, а того, что для него представляется благом, и что все равно – не иметь законов или не пользоваться ими, и что в остальных искусствах, например, в медицине, нет никакой выгоды обманывать врача, потому что не столько бывает вредна ошибка врача, как привычка не повиноваться власти, и что, наконец, стремление быть мудрее законов есть именно то, что воспрещается наиболее прославленными законами.

Таким образом, мы рассмотрели вопрос о законах.

Что касается свидетелей, то они бывают двоякого рода: древние и новые, а эти последние разделяются еще на тех, которые сами рискуют так или иначе в случае дачи ложного показания, и на тех, которые не подвергаются при этом риску. Под древними свидетелями я разумею поэтов и других славных мужей, приговоры которых пользуются всеобщей известностью. Так, например, афиняне все пользовались свидетельством Гомера относительно Саламина и те-

недосцы недавно обращались к свидетельству коринфянина Периандра против жителей Сигея. Точно так же и Клеофонт все пользовался против Крития элегиями Солона, говоря, что дом его давно уже отличался бесчинством, так как иначе Солон никогда не сочинил бы стиха:

Скажи краснокудрому Критию,
чтобы он слушался своего отца.

Таковы свидетели относительно событий свершившихся. Относительно же событий грядущих свидетелями служат люди, изъясняющие прорицания, как, например, Фемистокл говорил, что деревянная стена означает, что должно сражаться на кораблях. Кроме того и пословицы, как мы говорили, служат свидетельствами, например, для человека, который советует не дружить со стариком, свидетельством служит пословица: «никогда не одолжай старика», а для того, кто советует умерщвлять сыновей тех отцов, которые убиты, – пословица:

Не разумен тот, кто, умертвив отца,
оставляет в живых сыновей.

Новые свидетели – те люди, которые, будучи лицами всем известными, выразили свое мнение [по поводу какого-нибудь вопроса]; их мнение приносит пользу людям, которые находятся в недоумении относительно этих же самых вопро-

сов, как, например, Эвбул на суде воспользовался против Харита словами Платона, сказавшего об Архивие, что [благодаря ему] в государстве развился явный разврат. К числу новых свидетелей принадлежат люди, которое рискуют подвергнуться опасности в случае уличения их во лжи. Такие люди служат свидетелями только при решении вопроса, имело ли место это событие, или нет, существует данный факт или нет, но при определении свойств факта они свидетелями быть не могут, например, при решении вопроса о справедливости или несправедливости, полезности или бесполезности какого-нибудь поступка. В подобных случаях свидетели, не причастные делу, заслуживают наибольшего доверия; самыми верными свидетелями являются свидетели древние, потому что они неподкупны.

Для человека, не имеющего свидетелей, место доказательств должно занять правило, что судить следует на основании правдоподобия, что это и значит «судить по своему лучшему разумению», что невозможно придать вероятностям ложный смысл из-за денег и что вероятности не могут быть ложно свидетельствованы. А человек, имеющий за себя свидетелей, может, в свою очередь, сказать человеку, не имеющему их, что вероятности не подлежат ответственности, что не было бы никакой нужды в свидетельствах, если бы достаточно было рассмотреть дело на основании одних слов.

Что касается свидетельств, то они могут относиться ча-

стью к самому оратору, частью к его противнику, могут касаться частью самого факта, частью характера [противников]; очевидно, таким образом, что никогда не может быть недостатка в полезном свидетельстве, которое, если и не будет иметь прямого отношения к делу, в благоприятном смысле для оратора или неблагоприятном для его противников, во всяком случае послужит для характеристики нравственной личности или самого тяжущегося – со стороны честности, или его противника – со стороны негодности. Остальные соображения относительно свидетеля, который может относиться к тяжущемуся или дружественно, или враждебно, или безразлично, может пользоваться хорошей или дурной репутацией или не пользоваться ни той, ни другой, – все эти соображения, и другие подобные им различия, нужно делать на основании тех самых общих положений, из которых мы получаем и энтимемы.

Что касается договоров, то о них оратору полезно говорить лишь постольку, поскольку он может представить их значение большим или меньшим, показать их заслуживающими веры или нет. Если договоры говорят в пользу оратора, следует выставлять их надежными и имеющими законную силу; если же они говорят в пользу противника, [следует доказывать] противоположное. Доказательства надежности или ненадежности договора ничем не отличаются от рассуждения о свидетелях, потому что договоры получают характер надежности в зависимости от того, каковы лица, подписав-

шие их или хранящие их. Раз существование договора признано, следует преувеличивать его значение, если он для нас благоприятен: ведь договор есть частный и частичный закон, и не договоры придают силу закону, а законы дают силу тем договорам, которые согласны с законом, и вообще самый закон есть некоторого рода договор, так что кто не доверяет договору или упраздняет его, тот нарушает и закон. К тому же большая часть добровольных сношений между людьми покоится на договорном начале, так что с уничтожением силы договора уничтожается и самая возможность сношений людей между собой.

Легко видеть, какие другие соображения пригодны в этом случае. Если же закон неблагоприятен для нас и благоприятен для наших противников, в этом случае пригодны прежде всего те возражения, которые можно сделать по поводу неблагоприятного для нас закона, а именно, что бессмысленно считать для себя обязательным договор, если мы не считаем себя обязанными повиноваться самим законам, раз они не правильно постановлены и раз законодатели впали в заблуждение, что, кроме того, судья решает, что справедливо, поэтому для него должен быть важен не договор, а то, что более соответствует справедливости, что справедливое нельзя исказить ни с помощью обмана, ни путем принуждения, потому что оно вытекает из самой природы вещей, между тем как договоры часто возникают на основании обмана и принуждения. Затем нужно посмотреть, не противво-

речит ли данный договор какому-нибудь писаному или общему закону, и из писаных законов какому-нибудь туземному или иноземному закону, кроме того, не противоречит ли он каким-нибудь другим договорам, более ранним или более поздним. [В таком случае можно утверждать], или – что сила на стороне более поздних договоров, или – что правильны более ранние договоры, а что более поздние неправильны, – смотря по тому, как будет полезнее. Кроме того, следует обсуждать договор с точки зрения пользы: не противен ли он [пользам] судей. Много других подобных возражений можно сделать, их легко вывести из сказанного.

Пытка является некоторого рода свидетельством; она кажется чем-то убедительным, потому что заключает в себе некоторую необходимость. Не трудно и в отношении к ней привести все возможные соображения: если пытка может быть для нас выгодна, следует преувеличивать ее значение, утверждая, что из всех видов свидетельств одна она может считаться истинной. Если же пытка невыгодна для нас и выгодна для нашего противника, в таком случае можно оспаривать истинность такого рода свидетельств путем рассуждения о характере пыток вообще, – что во время пытки под влиянием принуждения ложь говорится так же легко, как и правда, причем одни более выносливые, упорно утаивают истину, а другие легко говорят ложь, чтобы поскорей избавиться от пытки. При этом нужно иметь наготове подобные действительно бывшие примеры, известные судьям. Следует

говорить, что пытка не может способствовать обнаружению истины, потому что многие тупые и крепкие люди, будучи сильны духом, мужественно выносят пытку, а люди трусливые и робкие, еще не видя пытки, пугаются ее, так что пытка не заключает в себе ничего надежного.

Что касается клятв, то здесь следует различать следующие четыре случая: или одна сторона требует клятвы от другой и, в то же время, принимает также требование от другой стороны; или нет ни того, ни другого; или есть что-нибудь одно и нет другого, то есть, или требуют клятвы, не принимая сами требования ее, или принимают требование, сами не требуя ее. Помимо этого может быть еще случай другого рода – если клятва была принесена раньше истцом или его противником.

Не требуют принесения клятвы под тем предлогом, что люди легко приносят ложные клятвы и что, принеся клятву, противник освобождается от своего обязательства, между тем как, если клятва не принесена противником, истец может рассчитывать на его осуждение, что опасности, которой подвергается истец в зависимости от судей, он отдает предпочтение, потому что судьям он доверяет, противнику же нет.

Отклонять требование клятвы можно под тем предлогом, что она была бы произнесена в видах получения денежной выгоды, и что он, говорящий, принес бы нужную клятву, если бы был дурным человеком, потому что лучше быть дур-

ным ради чего-нибудь, чем без всякой причины, если же [зная], что принеся присягу, я получу желаемое, а не принеся, ничего не получу, все же отказываюсь принести ее, то отказ от клятвы нужно объяснять моими прекрасными нравственными качествами, а не страхом оказаться клятвопреступником.

В этом случае пригодно изречение Ксенофана, что когда человек безбожный делает вызов человеку благочестивому, стороны представляются неравными; здесь мы имеем дело с таким же случаем, как если бы человек сильный вызывал слабого человека на бой или [лучше сказать] на побиение. Если мы принимаем требование клятвы от нашего противника, мы можем мотивировать это тем, что мы доверяем себе, а к своему противнику никакого доверия не чувствуем. Здесь снова можно привести изречение Ксенофана, изменив его в том смысле, что «положение уравнивается, если нечестный человек требует клятвы, а человек честный принесет ее», что странно отказаться от принесения клятвы в деле, в котором от самих судей требуешь клятвы.

Если же мы требуем клятвы от противника, то для объяснения этого можно сказать, что желание вверить свое дело Богу – желание благочестивое, что мы не имеем никакой нужды желать других судей, потому что решение дела предоставляется самому противнику и что бессмысленно не желать приносить клятву там, где от других требуешь клятвы.

Раз выяснено, что нужно говорить относительно каждого

из вышеуказанных случаев, ясно также, что нужно говорить при сочетании двух случаев в один, например, если человек желает принять клятву, а сам приносить ее не желает, или если он приносит ее, но не желает принять ее от противника, или если он желает и принести, и принять ее, или если не желает ни того, ни другого. Эти случаи получатся от сочетания указанных случаев, так что и доводы относительно их получатся от сочетания доводов, касающихся каждого отдельного случая.

Если человек раньше принес клятву, противоречащую клятве, ныне приносимой, то он может в свое оправдание сказать, что это не клятвопреступление, потому что преступление есть нечто добровольное, что приносить ложную клятву значить совершить преступление, но что действия, совершаемые под влиянием насилия и обмана, произвольны. Отсюда можно и относительно клятвопреступления вывести заключение, что суть его в умысле человека, а не в том, что произносятся уста.

Если же противник наш раньше принес клятву, противоречащую [ныне произносимой], то можно сказать, что человек, не остающийся верным своей клятве, ниспровергает все, что поэтому и судьи, лишь произнося клятву, приводят в исполнение законы. «И от вас они требуют соблюдения тех клятв, принеся которые вы отправляете правосудие, а сами не соблюдают принесенных ими клятв». Пользуясь амплификацией, можно сказать и многое другое подобное. Вот все,

что можно сказать по поводу нетехнических доказательств.

Книга II

Глава I

Цель риторики. – Условия, придающие речи характер убедительности. – Причины, возбуждающие доверие к оратору. – Определение страсти. – Три точки зрения, с которых следует рассматривать каждую из страстей.

Итак, вот те основания, исходя из которых следует склонять к чему-нибудь или отвращать от чего-нибудь, хвалить и хулить, обвинять и оправдываться, и вот представления и положения, которые способствуют доказательности доводов, потому что по поводу их и с помощью их строятся энтимемы, как это можно сказать относительно каждого из родов речи в частности.

Так как риторика имеет в виду решение – ведь и о предметах речей совещательных составляют известное решение, и судебное дело есть также решение, – ввиду этого необходимо не только заботиться о том, чтобы речь была доказа-

тельной и возбуждающей доверие, но также и показать себя человеком известного склада и настроить известным образом судью, потому что для убедительности речи весьма важно (особенно в речах совещательных, а затем и в судебных), чтобы оратор показался человеком известного склада и чтобы [слушатели] поняли, что он к ним относится известным образом, а также, чтобы и они были к нему расположены известным образом.

Выказать себя человеком известного склада бывает для оратора полезнее в совещательных речах, а вызвать у слушателя известное отношение полезнее в речах судебных, потому что дело представляется неодинаковым тому, кто находится под влиянием любви, и тому, кем руководит ненависть, тому, кто сердится, и тому, кто кротко настроен, но или совершенно различным или различным по значению. Когда человек с любовью относится к тому, над кем он творит суд, ему кажется, что тот или совсем не виновен, или мало виновен; если же он его ненавидит, [тогда ему кажется] наоборот; и когда человек стремится к чему-нибудь или надеется на что-нибудь, что для него должно быть приятно, ему кажется, что это будет и будет хорошо, а человеку равнодушному и недовольному [кажется] наоборот.

Есть три причины, возбуждающие доверие к говорящему, потому что есть именно столько вещей, в силу которых мы верим без доказательств, – это разум, добродетель и благорасположение; люди ошибаются в том, что говорят или сове-

туют, или по всем этим причинам в совокупности, или по одной из них в отдельности, а именно: они или неверно рассуждают, благодаря своему неразумию, или же, верно рассуждая, они, вследствие своей нравственной негодности, говорят не то, что думают, или, наконец, они разумны и честны, но не благорасположены, почему возможно не давать наилучшего совета, хотя и знаешь, [в чем он состоит]. Кроме этих [трех причин], нет никаких других. Если таким образом слушателям кажется, что оратор обладает всеми этими качествами, они непременно чувствуют к нему доверие.

[Чтобы увидеть], отчего люди могут казаться разумными и нравственно хорошими, нужно обратиться к трактату о добродетелях, потому что одним и тем же способом можно сделать человеком известного склада как себя, так и другого человека; о благорасположении же и дружбе следует сказать в трактате о страстях.

Страсти – все то, под влиянием чего люди изменяют свои решения, с чем сопряжено чувство удовольствия или неудовольствия, как, например, гнев, сострадание, страх и все этим подобные и противоположные им [чувства]. Каждую из них следует рассмотреть с трех точек зрения, например, гнев: в каком состоянии люди бывают сердиты, на кого они обыкновенно сердятся, за что. Если бы мы выяснили один или два из этих пунктов, но не все, мы были бы не в состоянии возбудить гнев; точно то же [можно сказать] и относительно других [страстей]. Как по отношению к вышеизло-

женному мы наметили общие принципы, так мы сделаем и здесь и рассмотрим [страсти] вышеуказанным способом.

Глава II

Определение гнева. – Определение пренебрежения; три вида его. – Состояние, в котором люди гневаятся. – На кого и за что люди гневаятся? – Как должен пользоваться ора- тор этой страстью для своей цели?

Пусть гнев будет определен, как соединенное с чувством неудовольствия стремление к тому, что представляется наказанием, за то что представляется пренебрежением или к нам самим, или к тому, что нам принадлежит, когда пренебрегать бы не следовало. Если таково понятие гнева, то человек гневающийся всегда гневается непременно на какого-нибудь определенного человека, например, на Клеона, а не на человека [вообще], и [гневается] за то, что этот человек сделал или намеревался сделать что-нибудь самому [гневающемуся] или кому-нибудь из его близких; и с гневом всегда бывает связано некоторое удовольствие, вследствие надежды наказать, так как приятно думать, что достигнешь того, к чему стремишься. Никто не стремится к тому, что ему представляется невозможным, и гневающийся человек стремится

ся к тому, что для него возможно. Поэтому хорошо сказано о гневе:

Он в зарождении сладостней
тихо струящегося меда,
Скоро в груди человека,
как пламенный дым, возрастает!

Некоторого рода удовольствие получается от этого и, кроме того, [оно является еще и] потому, что человек мысленно живет в мщении; являющееся в этом случае представление доставляет удовольствие, как и представления, являющиеся во сне.

Но пренебрежение есть акт рассудка по отношению к тому, что нам кажется ничего не стоящим, ибо зло и добро и то, что с ними соприкасается, мы считаем достойными внимания, а ничего не стоящими мы считаем вещи, совсем [к ним] не [относящиеся], или [относящиеся] очень мало.

Видов пренебрежения три: презрение, самодурство и оскорбление. Человек, выказывающий презрение, обнаруживает тем самым пренебрежение, ибо люди презирают то, что в их глазах ничего не стоит, а вещами, ничего не стоящими, люди пренебрегают. И человек, выказывающий самодурство, по-видимому, обнаруживает презрение, потому что самодурство есть препятствие желаниям другого, не для того, чтобы [доставить] что-нибудь себе, а для того, чтобы оно не [досталось] другому; и так как [здесь он действует] не [с тою

целью], чтобы самому получить что-нибудь, он выказывает пренебрежение [к своему противнику], потому что, очевидно, он считает его неспособным ни причинить ему вред, – так как в этом случае он боялся бы его, а не пренебрегал бы им, – ни принести сколько-нибудь значительную пользу, – так как в таком случае он постарался бы стать его другом.

Человек, наносящий оскорбление, также выказывает пренебрежение, потому что оскорблять – значит делать и говорить вещи, от которых становится стыдно тому, к кому они обращены, и притом [делать это] не с той целью, чтобы он подвергся чему-нибудь, кроме того, что уже было, [то есть уже заключалось в словах или действии], но с целью получить самому от этого удовольствие. Люди же, воздающие равным за равное, не оскорбляют, а мстят. Чувство удовольствия у людей, наносящих оскорбление, является потому, что они, оскорбляя других, в своем представлении от этого еще более возвышаются над ними. Поэтому-то люди молодые и люди богатые легко наносят оскорбления: им представляется, что, нанося оскорбления, они достигают тем большего превосходства.

Оскорбление связано с умалением чужой чести, а кто умалит чужую честь, тот пренебрегает, ибо не пользуется никаким почетом то, что ничего не стоит – ни в хорошем, ни в дурном смысле. Поэтому-то Ахилл в гневе говорит:

...[Агамемнон] меня обесчестил:

Подвигов бранных награду похитил
и властвует ею.

И еще:

...обесчестил меня перед целым
народом ахейским
Царь Агамемнон, как будто бы был я
скиталец презренный.

Как видно, именно за это он гневается. Уважения к себе люди требуют от лиц, уступающих им в происхождении, могуществе, доблести и вообще во всем, в чем один человек имеет большое преимущество перед другими, например, богатый перед бедным в деньгах, обладающий красноречием перед неспособным говорить, имеющий власть перед подвластным и считающий себя достойным власти перед достойным быть под властью. Поэтому [поэт] говорит:

Тягостен гнев царя, питомца Крониона Зевса,

а также

... (царь) сокрытую злобу, доколе ее не исполнит,
В сердце хранит.

Ведь они сердятся именно вследствие своего преимущества. Кроме того, [человек имеет притязание на уважение со

стороны лиц], от которых он считает себя вправе ожидать услуг, а таковы лица, которым оказал или оказывает услуги он сам, или кто-нибудь через его посредство, или кто-нибудь из его близких, – или хочет, или хотел оказать.

Итак, из вышесказанного уже очевидно, в каком состоянии люди гневаются и на кого и за что. Они гневаются, когда испытывают чувство неудовольствия, потому что, испытывая неудовольствие, человек стремится к чему-нибудь. И, притом, прямо ли кто противодействует в чем-либо, например, жаждущему в утолении жажды, или не прямо, он является делающим совершенно то же [то есть служит препятствием]. И если кто противодействует или не содействует человеку, или чем-нибудь другим надоедает ему, когда он находится в таком состоянии [то есть страдает], он сердится на всех этих людей.

Поэтому люди больные, голодные, ведущие войну, влюбленные, жаждущие, вообще люди, испытывающие какое-нибудь желание и не имеющие возможности удовлетворить его, бывают гневливы и раздражительны, особенно по отношению к людям, которые с пренебрежением относятся к данному положению, таков, например, бывает больной по отношению к людям, [так относящимся] к болезни, голодный по отношению к людям, так относящимся к голоду, воюющий по отношению к людям, [так относящимся] к войне, влюбленный по отношению к людям, [так относящимся] к любви, и подобным же образом [относится он] и к другим: каж-

дый своим настоящим страданием бывает подготовлен к гневу против каждого человека.

[Сердится человек] и в том случае, когда его постигает что-нибудь противное его ожиданиям, ибо то, что [постигает человека] совершенно неожиданно, способно более огорчить его, точно так же, как человека радует вещь, вполне неожиданно случившаяся, если случилось именно то, чего он желал. Отсюда ясно, какие обстоятельства, какое время, расположение духа и какой возраст располагают к гневу, где и когда; и чем больше люди зависят от этих условий, тем легче поддаются гневу.

Итак, вот в каком состоянии люди легко поддаются гневу.

Сердятся они на тех, кто над ними насмехается, позорит их и шутит над ними, потому что такие люди выказывают пренебрежение к ним. [Сердятся они] также на тех, кто причиняет им вред поступками, носящими на себе признаки пренебрежения, а таковыми необходимо будут поступки, которые не имеют характера возмездия и не приносят пользы людям, их совершающим, потому что [такие поступки], по-видимому, совершаются ради пренебрежения. [Сердимся мы] еще на людей, дурно говорящих и презрительно относящихся к вещам, которым мы придаем большое значение, как, например, [сердятся] люди, гордящиеся своими занятиями философией, если кто-нибудь так относится к их философии, и люди, гордящиеся наружностью, если кто [так относится] к их наружности, и подобным же образом и в дру-

гих случаях. И тут [мы сердимся] гораздо больше, если подозреваем, что [того, что в нас подвергается осмеянию], в нас или совсем нет, или что оно есть в незначительной степени, или же что [другим] кажется, что этого в нас нет. Если же мы считаем себя в высокой степени обладающими тем, из-за чего над нами смеются, тогда мы не обращаем внимания [на насмешки]. И на друзей [в таких случаях мы сердимся] больше, чем на недругов, потому что считаем более естественным видеть с их стороны добро, чем зло.

[Сердимся мы] также на тех, кто обыкновенно обнаруживает по отношению к нам уважение или внимание, если эти люди начинают иначе относиться к нам, ибо полагаем, что они нас презирают, – иначе они поступали бы по – прежнему. [Мы сердимся] еще и на тех, кто не платит нам за добро и не воздает нам равным за равное, а также на тех, кто, будучи ниже нас, действует нам наперекор, ибо все такие люди, по-видимому, презирают нас, одни – [потому что смотрят на нас], как на людей, ниже их стоящих, другие – [так как считают, что благодеяние оказано им людьми], ниже их стоящими. И еще больше [мы сердимся], когда нам выказывают пренебрежение люди, совершенно ничтожные, потому что гнев вызывается пренебрежением со стороны лиц, которыми не следовало бы нами пренебрегать, а людям, ниже нас стоящим, именно не следует относиться к нам с пренебрежением.

[Сердимся мы] и на друзей, если они не говорят хорошо

о нас или не поступают по-дружески по отношению к нам, и еще более [мы сердимся], если они держатся противоположного образа действий и если они не замечают, что мы в них нуждаемся, как, например, Плексипп в трагедии Антифонта сердился на Мелеагра, потому что не замечать этого есть признак пренебрежения, и [нужды тех], о ком мы заботимся, не ускользают от нашего внимания.

[Сердимся мы] еще на тех, кто радуется нашим несчастьям или кто вообще чувствует себя хорошо при наших бедствиях, потому что такое отношение свойственно врагу или человеку, относящемуся к нам с пренебрежением. [Гнев наш обращается] и против тех лиц, которые, огорчая нас, несколько об этом не заботятся; поэтому мы сердимся на тех, кто приносит нам дурные вести, – а также на тех, кто спокойно слышит о наших несчастьях или созерцает их, потому что такие люди тождественны с людьми, презирающими нас, или враждебны нам, так как друзья соболезнают нам и все чувствуют печаль, взирая на свои собственные бедствия.

Еще [мы сердимся] на тех, кто выказывает нам пренебрежение в присутствии пяти родов лиц: тех, с кем мы соперничаем, кому мы удивляемся, для кого желаем быть предметом удивления, кого совестимся и кто нас совестится; если кто-нибудь обнаружит к нам пренебрежение в присутствии таких лиц, мы сильнее сердимся. Еще [мы сердимся] на тех, кто обнаруживает пренебрежение к лицам, которых нам стыдно не защитить, например, к нашим родителям, детям, женам,

подчиненным.

[Сердимся мы] и на тех, кто не благодарит нас, потому что в [этом случае] пренебрежение противно приличию, а также на тех, кто иронизирует, когда мы говорим серьезно, так как ирония заключает в себе нечто презрительное, и на тех, кто, благотворя другим, не благотворит нам, потому что не удостаивать человека тем, чем удостаиваешь других, значит презирать его.

И забвение может вызывать гнев, например, забвение имен, хотя это вещь незначительная. Дело в том, что забвение кажется признаком пренебрежения: забвение является следствием некоторого рода нерадения, а нерадение есть некоторого рода пренебрежение.

Итак, мы сказали о том, на кого люди сердятся, в каком состоянии и по каким причинам. Очевидно, что обязанность [оратора] – привести слушателей в такое состояние, находясь в котором люди сердятся, и [убедить их], что противники причастны тому, на что [слушатели] должны сердиться, и что [эти противники] таковы, каковы бывают люди, на которых сердятся.

Глава III

Определение понятия «быть милостивым». – К кому и почему люди бывают милостивы? – В каком настроении люди бывают милостивы? – Как должен пользоваться ора- тор этой страстью для своей цели?

Так как понятие «сердиться» противоположно понятию «быть милостивым» и гнев противоположен милости, то следует рассмотреть, находясь в каком состоянии, люди бывают милостивы, по отношению к кому они бывают милостивы и вследствие чего они делаются милостивыми. Определим понятие «смилоствиться», как прекращение и успокоение гнева. Если же люди гневаются на тех, кто ими пренебрегает, а пренебрежение есть нечто произвольное, то очевидно, что они бывают милостивы по отношению к тем, кто не делает ничего подобного, или делает это непроизвольно, или кажется таковым, и к тем, кто желал сделать противоположное тому, что сделал, и ко всем тем, кто к нам относится так же, как к самому себе, ибо ни о ком не думают, что он относится с пренебрежением к самому себе, – и к тем, кто со-

знается и раскаивается [в своей вине]: в этом случае люди перестают сердиться, как бы получив вознаграждение в виде сожаления о сделанном. Доказательство этому [можно найти] при наказании рабов: мы больше наказываем тех, кто нам возражает и отрицает свою вину, а на тех, кто признает себя достойным наказания, мы перестаем сердиться. Причина этому та, что отрицание очевидного есть бесстыдство, а бесстыдство есть пренебрежение и презрение, потому что мы не стыдимся тех, кого сильно презираем.

[Мы бываем милостивы] еще к тем, кто принижает себя по отношению к нам и не противоречит нам, ибо полагаем, что такие люди признают себя более слабыми, [чем мы], а люди более слабые испытывают страх, испытывая же страх, никто не склонен к пренебрежению. А что гнев исчезает по отношению к лицам, принижаящим себя, это видно и на собаках, которые не кусают людей, когда они садятся.

[Милостивы мы] и по отношению к тем, кто серьезно относится к нам, когда мы серьезны: нам кажется, что такие люди заботятся о нас, а не относятся к нам с презрением, – и к тем, кто оказал нам услуги большей важности [чем их вина перед нами], и к тем, кто упрощает и умоляет нас, потому что такие люди ниже нас.

[Милостивы мы] и к тем, кто не относится высокомерно, насмешливо и пренебрежительно или ни к кому, или ни к кому из хороших людей, или ни к кому из таких, каковы мы сами. Вообще понятие того, что способствует милостивому

настроению, следует выводить из понятия противоположного.

Не сердимся мы и на тех, кого боимся или стыдимся, пока мы испытываем эти чувства, потому что невозможно в одно и то же время бояться и сердиться. И на тех, кто сделал что-нибудь под влиянием гнева, мы или совсем не сердимся, или менее сердимся, потому что они, как представляется, поступили так не вследствие пренебрежения, ибо никто не чувствует пренебрежения в то время, как сердится – пренебрежение не включает в себе огорчения, а гнев соединен с ним.

[Милостиво мы относимся] еще к тем, кто нас уважает.

Очевидно, что те, состояние которых противоположно гневу, милостивы, а такое [состояние сопровождает] шутку, смех, праздник, счастье, успех, насыщение, вообще беспечальное состояние. Невысокомерное удовольствие и скромную надежду.

[Милостивое настроение является] и в тех случаях, когда гнев затягивается и не имеет свежести, потому что время утоляет гнев. Точно так же наказание, наложенное раньше на какое-нибудь лицо, смягчает даже более сильный гнев, направленный против какого-нибудь другого лица. Поэтому-то, когда народ гневался на Филократа, последний на вопрос какого-то человека: «Почему ты не оправдываешься?» – благоразумно отвечал: «Еще не время». – «А когда же будет время?» – «Когда увижу, что кто-нибудь другой оклеветан». Потому что люди смягчаются, когда сорвут свой гнев

на ком-нибудь другом, как это было с Эргофилом: хотя на него сердились больше, чем на Каллисфена, однако оправдали его именно потому, что накануне осудили на смерть Каллисфена.

[Милостивы мы] и к тем, к кому чувствуем сострадание, а также к тем, кто перенес большее бедствие, чем какое мы могли бы причинить им под влиянием гнева; в этом случае мы как бы думаем, что получили удовлетворение.

[Мы бываем милостивы] и тогда, когда, по нашему мнению, мы сами неправы и терпим по справедливости, потому что гнев не бывает направлен против справедливого, в данном же случае, по нашему мнению, мы страдаем не противно справедливости, а гнев, как мы сказали, возбуждается именно этим [то есть противным справедливости]. Ввиду этого прежде [чем наказывать делом], следует наказывать словом; в таком случае даже и рабы, подвергаемые наказанию, менее негодуют.

[Гнев наш смягчается] еще и в том случае, когда мы думаем, что [наказываемый] не догадается, что он [терпит] именно от нас и именно за то, что мы от него претерпели, потому что гнев бывает направлен против какого-нибудь определенного лица, как это очевидно из определения гнева. Поэтому справедливо говорит поэт:

Назови Одиссея, городов сокрушителя...

как будто бы он не счел себя отмищенным, если бы [его противник] не почувствовал, кем и за что [он наказан]. Таким образом, мы не сердимся и на всех тех, кто не может этого чувствовать, и на мертвых, ввиду того, что они испытали самое ужасное бедствие и не почувствуют боли и не ощутят нашего гнева, чего именно и хотят гневающиеся. Поэтому хорошо [сказал] поэт о Гекторе, желая утишить гнев Ахилла за умершего друга:

Землю, землю немую
неистовый муж оскорбляет!

Очевидно, что ораторы, желающие смягчить [своих слушателей], должны в своей речи исходить из этих общих положений; таким путем они могут [слушателей] привести в нужное настроение, а тех, на кого [слушатели] гnevаются, выставить или страшными, или достойными уважения, или оказавшими услугу ранее, или поступившими против воли, или весьма сожалеющими о своем поступке.

Глава IV

Определение понятия «любить» и понятия «друг». – Кого и почему люди любят? – Виды дружбы и отношение дружбы к услуге. – Понятия вражды и ненависти, отношение их к гневу. – Как может пользоваться этими понятиями оратор для своей цели?

Кого люди любят и кого ненавидят и почему, об этом мы скажем, определив понятия «дружбы» и «любви». Пусть любить значит желать кому-нибудь того, что считаешь благом, ради него [то есть этого другого человека], а не ради самого себя, и стараться по мере сил доставлять ему эти блага. Друг – тот, кто любит и взаимно любим. Люди, которым кажется, что они так относятся друг к другу, считают себя друзьями. Раз эти положения установлены, другом необходимо будет тот, кто вместе с нами радуется нашим радостям и горюет о наших горестях, не ради чего-нибудь другого, а ради нас самих. Все радуются, когда сбывается то, чего они желают, и горюют, когда дело бывает наоборот, так что горести и радости служат признаком желания. [Друзья] и те, у кого од-

ни и те же блага и несчастья, и те, кто друзья одним и тем же лицам и враги одним и тем же лицам, потому что такие люди необходимо имеют одинаковые желания. Итак, желающий другому того, чего он желает самому себе, кажется другом этого другого человека.

Мы любим и тех, кто оказал благодеяние или нам самим, или тем, в ком мы принимаем участие – если [оказал] большое благодеяние, или [сделал это] охотно, или [поступил так] при таких-то обстоятельствах и ради нас самих; [любим] и тех, в ком подозреваем желание оказать благодеяние.

[Любим мы] также друзей наших друзей и тех, кто любит людей, любимых нами, и тех, кто любим людьми, которых мы любим.

[Любим мы] также людей, враждебно относящихся к тем, кому мы враги, и ненавидящих тех, кого мы ненавидим, и ненавидимых теми, кому ненавистны мы сами. Для всех таких людей благом представляется то же, что для нас, так что они желают того, что есть благо для нас, а это, как мы сказали, свойство друга.

[Любим мы] также людей, готовых оказать помощь в отношении денег или в отношении безопасности; поэтому-то таким уважением пользуются люди щедрые, мужественные и справедливые, а такими считаются люди, не живущие в зависимости от других, каковы люди, существующие трудами рук своих, и из них в особенности люди, добывающие себе пропитание обработкой земли и другими ремеслами.

[Мы любим] также людей скромных, за то что они не несправедливы, и людей спокойных по той же причине.

[Любим мы] и тех, кому желаем быть друзьями, если и они, как нам кажется, желают этого; таковы люди, отличающиеся добродетелью и пользующиеся хорошей славой или среди всех людей, или среди лучших, или среди тех, кому мы удивляемся, или среди тех, кто нам удивляется.

[Любим] мы и тех, с кем приятно жить и проводить время, а таковы люди обходительные, несклонные изобличать ошибки [других], не любящие спорить и ссориться, потому что все люди такого сорта любят сражаться, а раз люди сражаются, представляется, что у них противоположные желания.

[Любим мы] и тех, кто умеет пошутить и перенести шутку, потому что умеющие перенести шутку и прилично пошутить, и те, и другие доставляют одинаковое удовольствие своему ближнему.

[Мы любим] также людей, хвалящих те хорошие качества, которые в нас есть, особенно, если мы боимся оказаться лишенными этих качеств.

[Пользуются любовью] еще люди чистоплотные в своей внешности, одежде и во всей своей жизни, а также люди, не имеющие привычки попрекать нас нашими ошибками и оказанными благодеяниями, потому что те и другие имеют вид обличителей.

[Любим мы] также людей, незлопамятных, не помнящих

обид и легко идущих на примирение, ибо думаем, что они по отношению к нам будут такими же, какими по отношению к другим – а также людей незлоречивых и обращающих внимание не на дурные, а на хорошие качества людей, нам близких и нас самих, потому что так поступает человек хороший.

[Любим мы] также тех, кто нам не противоречит, когда мы сердимся или когда заняты, потому что такие люди склонны к столкновениям.

[Любим мы] и тех, кто оказывает нам какое-нибудь внимание, например, удивляется нам, или считает нас людьми серьезными, или радуется за нас, особенно если они поступают так в тех случаях, где мы особенно желаем возбудить удивление или показаться серьезными или приятными.

[Любим мы] также подобных нам и тех, кто занимается тем же, [чем мы], если только эти люди не досаждают нам и не добывают себе пропитание тем же, [чем мы], потому что в последнем случае «и горшечник негодует на горшечника».

[Любим мы] и тех, кто желает того же, чего желаем мы, если есть возможность обоим достигнуть желаемого, если же [этой возможности] нет, и здесь будет то же.

[Любим мы] также людей, к которым относимся так, что не стыдимся их в вещах, от которых может зависеть репутация в свете, если такое отношение не обусловлено презрением, и тех, кого мы стыдимся в вещах действительно постыдных. Мы любим или желаем быть друзьями тех, с кем соперничаем и для кого желаем быть объектом соревнования, а не

зависти.

[Любим мы] и тех, кому помогаем в чем-нибудь хорошим, если от этого не должно произойти большее зло для нас самих.

[Мы любим] и тех, кто с одинаковой любовью относится к нам в глаза и за глаза, поэтому-то все любят тех, кто так относится к мертвым.

Вообще [мы любим] тех людей, которые сильно привязаны к своим друзьям и не покидают их, потому что из хороших людей наибольшей любовью пользуются именно те, которые хороши в любви.

[Любим мы] и тех, кто не притворяется перед нами, – таковы, например, те люди, которые говорят о своих недостатках, ибо, как мы сказали, перед друзьями мы не стыдимся того, от чего может зависеть репутация; итак, если человек, испытывающий [в подобных случаях] стыд, не любит, то человек, не испытывающий стыда, похож на любящего.

[Мы любим] еще людей, которые не внушают нам страха и на которых полагаемся, потому что никто не любит того, кого боится. Виды любви – товарищество, свойство, родство и т. п. Порождает дружбу услуга, когда окажешь ее, не ожидая просьбы, и когда, оказав ее, не выставляешь ее на вид, ибо в таком случае кажется, что [услуга оказана] ради самого человека, а не ради чего-нибудь другого.

Что касается вражды и ненависти, то очевидно, что их нужно рассматривать с помощью понятий противополож-

ных. Вражду порождает гнев, оскорбление, клевета. Гнев проистекает из вещей, имеющих непосредственное отношение к нам самим, а вражда может возникнуть и без этого, потому что раз мы считаем человека таким-то, мы ненавидим его. Гнев всегда бывает направлен против отдельных объектов, например, против Каллия или Сократа, а ненависть [может быть направлена] и против целого рода объектов, например, всякий ненавидит вора и клеветника. Гнев врачуетя временем, ненависть же неизлечима. Первый есть стремление вызвать досаду, а вторая [стремится причинить] зло, ибо человек гневающийся желает дать почувствовать свой гнев, а для человека ненавидящего это совершенно безразлично.

Все, возбуждающее огорчение, дает себя чувствовать, но вовсе не дает себя чувствовать величайшее зло, несправедливость и безумие, так как нас несколько не огорчает присутствие порока. Гнев соединен с чувством огорчения, а ненависть не соединена с ним: человек сердящийся испытывает огорчение, а человек ненавидящий не испытывает; первый может смягчиться, если [на долю ненавидимого] падет много [неприятностей], а второй [не смягчится] ни в каком случае, потому что первый желает, чтобы тот, на кого он сердится, за что-нибудь пострадал, а второй желает, чтобы [его врага] не было.

Из вышесказанного очевидно, что возможно как доказать, что такие-то люди друзья или враги, когда они действительно таковы, так и выставить их таковыми, когда на самом деле

они не таковы, возможно и уничтожить [дружбу или вражду], существующую только на словах, и склонить в какую угодно сторону тех, кто колеблется под влиянием гнева или вражды.

Глава V

Определение страха. – Чего люди боятся? – Что подходит под понятие страшного и почему? – В каком состоянии люди испытывают страх? – Понятие смелости, определение его. – Когда и почему люди бывают смелы?

Чего и кого и в каком состоянии люди боятся, будет ясно из следующего. Пусть будет страх – некоторого рода неприятное ощущение или смущение, возникающее из представления о предстоящем зле, которое может погубить нас или причинить нам неприятность: люди ведь боятся не всех зол, например, [не боятся] быть несправедливыми или ленивыми, – но лишь тех, которые могут причинить страдание, сильно огорчить или погубить, и притом в тех случаях, когда [эти бедствия] не [угрожают] издали, а находятся так близко, что кажутся неизбежными. Бедствий отдаленных люди не особенно боятся. Все знают, что смерть неизбежна, но так как она не близка, то никто о ней не думает.

Если же в этом заключается страх, то страшным будет все то, что, как нам представляется, имеет большую возмож-

ность разрушать или причинять вред, влекущий за собой большие горести. Поэтому страшны и признаки подобных вещей, потому что тогда страшное кажется близким. Это ведь называется опасностью, близость чего-нибудь страшного; такова вражда и гнев людей, имеющих возможность причинить какое-нибудь зло: очевидно в таком случае, что они желают [причинить его], так что близки к совершению его. Такова и несправедливость, обладающая силой, потому что человек несправедливый несправедлив в том, к чему он стремится.

[Такова] и оскорбленная добродетель, когда она обладает силой: очевидно, что, раз она получает оскорбление, она всегда стремится [отметить], в данном же случае она может [это сделать]. [Таков] и страх людей, которые имеют возможность сделать нам что-нибудь [дурное], потому что и такие люди необходимо должны быть наготове [причинить нам какое-нибудь зло]. Так как многие люди оказываются дурными и слабыми ввиду выгод и трусливыми в минуту опасности, то вообще страшно быть в зависимости от другого человека, и для того, кто совершал что-нибудь ужасное, люди, знающие об этом, страшны тем, что могут выдать или покинуть его. И те, кто может обидеть, [страшны] для тех, кого можно обидеть, потому что по большей части люди обижают, когда могут. [Страшны] и обиженные или считающие себя таковыми, потому что [такие люди] всегда выжидают удобного случая. Страшны и обидевшие, раз они обладают силой,

потому что они боятся возмездия, а подобная вещь, как мы сказали, страшна.

[Страшен] и соперник, добивающийся всего того же, [чего добиваемся мы], если оно не может достаться обоим вместе, – потому что с соперниками постоянно ведется борьба. [Страшны для нас] также люди, страшные для людей, более сильных, чем мы, потому что если [они могут вредить] людям более сильным, чем мы, то тем более могут повредить нам. По той же причине [страшны] те, кого боятся люди более сильные, чем мы, а также те, кто погубил людей более сильных, чем мы. [Страшны] и те, кто нападает на людей более слабых, чем мы, они страшны для нас или уже [в данный момент] или по мере своего усиления.

Из числа людей нами обиженных, наших врагов и соперников [страшны] не пылкие и откровенные, а спокойные, насмешливые и коварные, потому что незаметно, когда они близки [к исполнению возмездия], так что никогда не разберешь, далеки ли они от этого.

И все страшное еще страшнее во всех тех случаях, когда совершившим ошибку не удастся исправить ее, когда [исправление ее] или совсем невозможно, или зависит не от нас, а от наших противников.

[Страшно] и то, в чем нельзя или нелегко оказать помощь. Вообще же говоря, страшно все то, что возбуждает в нас сострадание, когда случается и должно случиться с другими людьми.

Вот, можно сказать, главные из вещей, которые страшны и которых мы боимся.

Скажем теперь о том, находясь в каком состоянии люди испытывают страх. Если страх всегда бывает соединен с ожиданием какого-нибудь страдания, которое может погубить нас и которое нам предстоит перенести, то, очевидно, не испытывает страха никто из тех людей, которые считают себя огражденными от страдания: [они не боятся] ни того, чего, как им кажется, им не придется переносить, ни тех людей, которые, по их мнению, не заставят их страдать, ни тогда, когда, по их мнению, им не угрожает страдание. Отсюда необходимо следует, что испытывают страх те, которые, как им кажется, могут пострадать, и притом [они боятся] таких-то людей и таких-то вещей и тогда-то.

Недоступными страданию считают себя люди, действительно или, как кажется, находящиеся в высшей степени благоприятных условиях (тогда они бывают горды, пренебрежительны и дерзки; такими их делает богатство, физическая сила, обилие друзей, власть), а также люди, которым кажется, что они перенесли уже все возможные несчастья, и которые поэтому окоченели по отношению к будущему, подобно людям, забитым уже до потери чувствительности. [Для того, чтобы испытывать страх], человек должен иметь некоторую надежду на спасение того, за что он тревожится; доказательством этому служит то, что страх заставляет людей размышлять, между тем как о безнадежном никто не раз-

мышляет. Поэтому в такое именно состояние [оратор] должен приводить своих слушателей, когда для него выгодно, чтобы они испытывали страх; [он должен представить их] такими людьми, которые могут подвергнуться страданию, [для этого он должен обратить их внимание на то], что пострадали другие люди, более могущественные, [чем они], что люди, им подобные, страдают или страдали и от таких людей, от которых не думали [пострадать], и в таких вещах и в таких случаях, когда не ожидали.

Раз ясно, что такое страх и страшные вещи, а также – в каком состоянии люди испытывают страх, – ясно будет также, что такое быть смелым, по отношению к чему люди бывают смелы и в каком настроении они бывают смелы, потому что смелость противоположна страху и внушающее смелость противоположно страшному. Таким образом, смелость есть надежда, причем спасение представляется близким, а все страшное – далеким или совсем не существующим. Быть смелым значит считать далеким все страшное и близким все, внушающее смелость. [Смелость является в том случае], если есть много способов исправить и помочь, или если эти способы значительны, или и то и другое вместе.

[Мы чувствуем себя смелыми], если никогда не испытывали несправедливости и сами никогда не поступали несправедливо, если у нас или совсем нет противников, или же они бессильны, или если они, обладая силой, дружески к нам расположены, в силу того, что они или оказали нам beneficia

ние, или сами видели от нас добро, и если люди, интересы которых тождественны с нашими, составляют большинство, или превосходят остальных силой, или то и другое вместе.

А смелое настроение появляется у людей в тех случаях, когда они сознают, что, имея в прошлом во многом успехи, они ни в чем не терпели неудачи, или что, будучи много раз в ужасном положении, они всегда счастливо выходили из него.

Вообще люди бесстрастно относятся [к опасности] по одной из двух причин: потому что не испытали ее и потому что знают, как помочь. Так и во время морского путешествия смело смотрят на предстоящие опасности люди, незнакомые с бурями, и люди, по своей опытности знающие средства к спасенью.

[Смелы мы] и в тех случаях, когда данная вещь не страшна для подобных нам, или для более слабых, чем мы, и для тех, кого, как нам кажется, мы превосходим силой, а таковыми мы считаем людей в том случае, если мы одержали верх над ними самими, или над людьми, превосходящими их силой, или над людьми им подобными.

[Смелы мы] и тогда, когда, как нам кажется, на нашей стороне перевес и в количестве, и в качестве тех средств, обладание которыми делает людей страшными, а таковы: значительное состояние, физическая сила, могущество друзей, укрепленность страны, обладание всеми или важнейшими способами для борьбы.

[Смелы мы] и в том случае, если мы никого не обидели,

или обидели немногих, или тех, кого не боимся, и если боги вообще нам покровительствуют, [и это выражается] как во всем прочем, так и в знамениях и прорицаниях оракула: гнев соединен с смелостью, а сознание, что не мы неправы, а нас обижают, возбуждает гнев; божество же мы представляем себе помощником обиженных.

[Мы бываем смелы] еще тогда, когда, делая сами нападение, мы полагаем, что ни теперь, ни впоследствии мы не можем потерпеть никакой неудачи, или что, напротив, будем иметь успех.

Глава VI

Определение стыда. – Что постыдно и почему? – Кого люди стыдятся и почему? – В каком состоянии люди испытывают стыд?

Итак, мы сказали о том, что внушает страх и делает смелым. Из последующего станет ясно, чего мы стыдимся и чего не стыдимся, перед кем и в каком состоянии мы испытываем стыд. Пусть будет стыд – некоторого рода страдание или смущение по поводу зол, настоящих, прошедших или будущих, которые, как представляется, влекут за собой бесчестье, а бесстыдство есть некоторого рода презрение и равнодушие к тому же самому.

Если стыд таков, как мы его определили, то человек необходимо должен стыдиться всех тех зол, которые кажутся постыдными или ему самому, или тем, на кого он обращает внимание. Таковы, во-первых, все действия, проистекающие от дурных нравственных качеств, например, бросить щит или убежать [с поля битвы], потому что это является следствием трусости; присвоить себе вверенный залог, пото-

му что это происходит от несправедливости; сближаться с людьми, с которыми не следует, где не следует или когда не следует, потому что это происходит от распущенности.

[Постыдно] также добиваться выгоды в вещах незначительных или постыдных или от лиц беззащитных, например, бедных или мертвых, откуда и пословица «содрать с мертвого» – потому что это происходит от позорного корыстолюбия и скарденности.

Постыдно, имея возможность оказать помощь деньгами, не помочь или помочь меньше, [чем можно], а также [постыдно] получать пособие от людей менее достаточных, [чем мы], и занимать деньги у человека, который, по-видимому, сам готов просить займы, и просить еще, когда [тот, по-видимому, хочет] получить обратно, и требовать обратно у того, кто, [по-видимому, хочет] просить, и хвалить вещь для того, чтобы показалось, будто мы ее просим, и продолжать это, потерпев неудачу; все это – признаки скарденности.

Хвалить людей в лицо – признак лести; слишком расхваливать хорошее и замазывать дурное, чрезмерно соболезновать горю человека в его присутствии и все подобное постыдно, потому что все это – признаки лести.

[Постыдно] также не переносить трудов, которые переносят люди более старые или более изнеженные, [чем мы], или люди, находящиеся в лучшем положении, [чем мы], или вообще люди более слабые, потому что все это – признаки изнеженности.

[Постыдно] получать благодеяния от другого и часто получать их, [постыдно] также попрекать оказанным благодеянием, потому что все это – признаки малодушия и низости.

[Постыдно] также постоянно говорить о себе, выставлять себя напоказ и выдавать чужое за свое, потому что [все это – признаки] хвастовства. Сюда же относятся и поступки, вытекающие из всех других дурных нравственных качеств, признаки их и все подобное им, потому что [все такое] позорно и бесстыдно.

Сверх того [позорно] быть совершенно непричастным тем прекрасным качествам, которыми обладают все, или все подобные нам люди, или большинство их (подобными называю единоплеменников, сограждан, сверстников, родственников, вообще всех, находящихся в равных с нами условиях); постыдно во всяком случае не обладать, например, образованием в той степени, в какой они им обладают, а также и другими подобными качествами. Все это тем еще более [постыдно], если недостаток является следствием собственной вины человека: если он сам виноват в том, что с ним происходит, происходило или будет происходить, то это прямо зависит от его нравственного несовершенства.

Во – вторых, стыд вызывается и тем, что люди претерпевают со стороны других, именно когда они переносят, перенесли или могут перенести что-либо такое, что ведет к бесчестию и позору; когда, например, оказывают услуги своим телом или являются объектом позорящих деяний, которы-

ми наносится оскорбление. Если эти поступки проистекают от распущенности, [они постыдны], произвольны они или непроизвольны; если они являются следствием насилия, [то они постыдны], если непроизвольны, потому что терпеть и не защищаться значит выказать отсутствие мужества и трусость.

Итак, люди стыдятся таких и им подобных вещей. Так как стыд есть представление о бесчестии и имеет в виду именно бесчестие, а не его последствия, и так как всякий человек заботится о мнении других людей, имея в виду именно людей, имеющих это мнение, то отсюда необходимо вытекает, что человек стыдится тех, кого уважает.

Уважает же он тех, кто ему удивляется, кому он сам удивляется, для кого желает быть предметом удивления и с кем соперничает – вообще чье мнение он не презирает. Люди желают быть предметом удивления для тех и сами удивляются тем, кто обладает чем-нибудь хорошим из числа вещей почетных, или у кого они просят чего-нибудь такого, чем те обладают, например, [в таком положении бывают] влюбленные.

Соперничают люди с себе равными, заботятся же о мнении людей мудрых, как обладающих истиной, таковы люди старые и образованные.

[Люди] больше [стыдятся того], что делают на глазах других и явно, откуда и пословица «стыд находится в глазах». Поэтому мы больше стыдимся тех, кто постоянно будет с на-

ми и кто на нас обращает внимание, потому что в том и другом случае мы находимся на глазах этих людей.

[Стыдимся мы] также тех, кто не подвержен одинаковым с нами [недостаткам], потому что такие люди, очевидно, не могут быть согласны с нами.

[Стыдимся мы] также тех, кто не относится снисходительно к людям, по – видимому, заблуждающимся, ибо что человек сам делает, за то, как говорится, он не взыщет с ближних, из чего следует, что чего он сам не делает, за то он, очевидно, взыщет.

[Стыдимся мы] и тех, кто имеет привычку разглашать многим [то, что видит], потому что не быть замеченным [в чем-нибудь] и не служить объектом разглашения – одно и то же. А разглашать склонны люди обиженные, вследствие того что они поджидают [удобного случая для мести], и клеветники; ибо если они [затрагивают] и людей, ни в чем невиновных, то тем скорее [затронут] людей виновных.

Сюда [относятся] также люди, которые из ошибок своих близких делают предмет постоянного внимания, таковы насмешники и комические поэты; до некоторой степени они злые языки и болтуны.

[Стыдимся мы] также тех, от кого никогда не получали отказа, потому что перед такими людьми мы как бы находимся в положении человека, пользующегося особенным уважением. Поэтому мы стыдимся и тех, кто впервые обращается к нам с просьбой, потому что мы ничего не сделали, что бы

унизило нас в их мнении. Таковы между прочим люди, лишь с недавнего времени ищущие нашей дружбы, ибо они видят только самые лучшие из наших качеств; поэтому справедлив ответ Еврипида сиракузянам.

Таковы также люди, из числа наших старых знакомых, не знающие о нас ничего [дурного].

Мы стыдимся не только вышеуказанных постыдных поступков, но и признаков их, например, не только прелюбодеяния, но и признаков его, не только постыдных поступков, но и постыдных слов, равным образом мы стыдимся не только лиц вышеуказанных, но и тех, которые могут им донести, например их слуг и друзей. Вообще же мы не стыдимся тех, за коими мы не признаем основательного мнения, ибо никто не стыдится ни детей, ни зверей, и [стыдимся] не одного и того же перед знакомыми и незнакомыми: перед знакомыми [мы стыдимся] того, что нам кажется действительно [постыдным], а перед людьми далекими того, что считается [постыдным] перед лицом закона.

Вот в каком настроении люди могут испытывать стыд: во – первых, если перед ними находятся люди такого сорта, каких, как мы сказали, они стыдятся, а таковы, как мы заметили, люди, которых мы уважаем, которые нам удивляются и для которых мы желаем быть предметом удивления; [кроме того], такие, которых мы просим о каком-нибудь одолжении, причем оно не будет оказано, если мы окажемся обесславленными в глазах этих лиц, и если эти люди или видят [про-

исходящее], (как говорил в народном собрании Кидий о разделении самосских владений, убеждая афинян представить себе, что греки стоят здесь же вокруг, так что они увидят, а не только услышат о том, что они постановят), или находятся близко, так что непременно узнают обо всем. Поэтому-то в несчастье мы иногда не желаем быть на глазах своих соперников, ибо соперники обыкновенно чувствуют к нам некоторое удивление.

[Мы испытываем стыд] еще тогда, когда знаем за собой, или за своими предками, или за кем-нибудь другим, с кем у нас есть некоторая близость, такие поступки или вещи, которых принято стыдиться. [Сюда же относятся] вообще [все те лица], за которых мы стыдимся, а таковы лица перечисленные, а также те, которые имеют к нам какое-нибудь отношение, или для которых мы были учителями и советниками; [сюда же относятся] другие подобные люди, с которыми мы соперничаем, потому что, под влиянием стыда перед такими людьми, многое мы делаем и многого не делаем.

Люди более стыдливы в том случае, когда им предстоит быть на глазах и служить предметом внимания для тех, кто знает [их проступки]. Вот почему и поэт Антифонт, приговоренный к смертной казни по повелению Дионисия, сказал, видя, как люди, которым предстояло умереть вместе с ним, закрывали себе лица, проходя через городские ворота: «Для чего вы закрываетесь? Или для того, чтобы кто-нибудь из них не увидел вас завтра?»

Вот что можно сказать о стыде. А о бесстыдстве мы можем составить себе понятие из противоположных положений.

Глава VII

Определение благодеяния (услуги), кому и когда следует оказывать его? – Как может пользоваться этим понятием оратор для своей цели?

Что касается того, к кому люди чувствуют благодарность, за что или в каком состоянии, то это станет для нас ясно, когда мы определим, что такое благодеяние. Пусть благодеяние (то есть поступок, который дает повод сказать, что человек, совершающий его, оказывает благодеяние) будет услуга человеку, который в ней нуждается, не взамен услуги и не для того, чтобы [из этого получилась] какая-нибудь [выгода] для человека, оказывающего услугу, но чтобы получилась выгода для того, [кому услуга оказывается]. [Услуга важна], если она оказывается человеку, сильно нуждающемуся в ней, или если [она касается] важных и трудных вещей, или если [она оказывается] именно в такой-то момент, или если человек оказывает ее один, или первый, или в наибольшей степени.

Нужда суть стремление, и особенно к таким вещам, отсутствием которых причиняется некоторое страдание: тако-

вы страсти, например, любовь, а также те страсти, которые [человек испытывает] во время физических страданий и в опасностях, потому что, подвергаясь опасности или испытывая страдание, человек чувствует страстное желание [избежать их]. Потому-то люди, явившиеся на помощь человеку в бедности или в изгнании, даже если их одолжение ничтожно, считаются оказавшими услугу, так велика нужда и [важно] время; так, например, поступил человек, давший в лице рогожу.

Итак, услуга непременно должна касаться таких вещей, если же не [таких], то равных им или более важных, так что раз ясно, кого, за что и в каком состоянии люди благодарят, отсюда, очевидно, следует вывести заключение, показав, что одни люди находятся или находились в таком огорчении и нужде, а другие оказали или оказывают какую-нибудь подобную услугу в такой нужде. Очевидно также, каким образом можно уничтожить значение услуги и избавить человека от необходимости благодарить: [можно сказать], или что люди оказывают или оказали услугу ради собственной выгоды – а это, как мы сказали, не есть услуга – или что они поступили так под влиянием стечения обстоятельств, или были принуждены так поступить, или что они не просто дали, а отдали – с умыслом или без умысла; в обоих случаях [услуга оказывается] ради чего-то другого, так что и не может быть названа услугой. При этом нужно иметь в виду все категории, потому что услуга есть услуга, поскольку она есть то-то, или

[поскольку она] такова по объему или [поскольку она обладает] такими-то качествами; или [поскольку она совершается] тогда-то или там-то.

Доказательством же [могут служить соображения], что нам не оказали услугу в менее важном случае, или что для врагов сделали то же самое, или что-нибудь равное, или что-нибудь большее, ибо, очевидно, и это [делается] не ради нас, – или [если] сделано сознательно что-нибудь дурное, ибо никто не сознается, что имеет нужду в дурных вещах.

Глава VIII

Определение сострадания. – Кто доступен и кто недоступен этому чувству? – Что и кто возбуждает сострадание?

Итак, мы сказали и о том, что такое оказывать благодеяние и не оказывать его.

Скажем теперь о том, что возбуждает в нас сострадание, к кому и находясь в каком состоянии мы испытываем сострадание. Пусть будет сострадание некоторого рода печаль при виде бедствия, которое может повлечь за собой гибель или вред и которое постигает человека, этого не заслуживающего, [бедствие], которое могло бы постигнуть или нас самих, или кого-нибудь из наших, и притом, когда оно кажется близким. Ведь, очевидно, человек, чтобы почувствовать сострадание, должен считать возможным, что сам он или кто-нибудь из его близких может потерпеть какое-нибудь бедствие, и притом такое, какое указано в [данном нами] определении, или подобное ему, или близкое к нему. Поэтому-то люди совершенно погибшие не испытывают состра-

дания: они полагают, что больше ничего не могут потерпеть, ибо [все уже] претерпели; также и те люди, которые считают себя вполне счастливыми, не [испытывают сострадания], но держат себя надменно: если они считают себя обладающими всеми благами, то, очевидно, и благом не терпеть никакого зла, ибо и это принадлежит к числу благ.

К числу же тех, которые считают для себя возможным потерпеть, принадлежат люди уже пострадавшие и избежавшие гибели, и люди более зрелые, и вследствие размышления, и вследствие опыта, люди слабые и еще более, люди очень трусливые, также люди образованные, ибо [такие люди] правильно рассуждают. И те, у кого есть родители, или дети, или жены, ибо все они нам близки и способны потерпеть указанные [несчастья]. И люди, не находящиеся под влиянием мужественной страсти, например, гнева или смелости, ибо здесь не рассуждают о будущем, и не находящиеся в высокомерном настроении, ибо такие люди не размышляют о том, что могут потерпеть, но [по своему настроению] занимающие середину между теми и другими. [Сюда относятся] также люди, вполне находящиеся под влиянием страха, ибо люди перепуганные не испытывают сострадания, будучи поглощены своим собственным состоянием.

И [испытывают сострадание] только те люди, которые некоторых людей считают хорошими, ибо тот, кто никого не считает таким, будет считать всех заслуживающими несчастья.

Вообще [мы испытываем сострадание], когда обстоятельства складываются так, что мы вспоминаем о подобном несчастье, постигшем нас или близких нам людей, или думаем, что оно случится с нами или с близкими нам.

Итак, мы сказали, в каком состоянии люди испытывают сострадание. Что же касается вещей, возбуждающих наше сострадание, то они ясны из определения все горестное и мучительное, способное повлечь за собой гибель, возбуждает сострадание, точно так же, как все, что может отнять жизнь; [сюда же относятся] и все великие бедствия, причиняемые случайностью. К числу вещей мучительных и влекущих за собой гибель относятся различные роды смерти, раны, побои, старость, болезни и недостаток в пище, а к числу вещей, причиняемых случайностью, – неимение друзей или малое количество их, возбуждает сострадание также насильственная разлука с друзьями и с близкими, позор, слабость, увечье, беда, явившаяся именно с той стороны, откуда можно было ожидать чего-нибудь хорошего, частое повторение одного и того же подобного, и благо, приходящее уже тогда, когда человек испытал горе, как, например, были присланы от персидского царя Диопифу дары, когда он уже был мертв; наконец, [возбуждает сострадание] такое положение, когда или совсем не случилось ничего хорошего, или оно случилось, но им нельзя было воспользоваться.

Такие и им подобные вещи возбуждают сострадание. Мы чувствуем сострадание к людям знакомым, если они не

очень близки нам, к очень близким же относимся так же, как если бы нам самим предстояло [несчастье]; потому-то и Амазис, как рассказывают, не плакал, видя, как его сына ведут на смерть, и заплакал при виде друга, просящего милостыню: последнее возбудило в нем сострадание, а первое ужас. Ужасное отлично от того, что возбуждает сострадание, оно уничтожает сострадание и часто способствует возникновению противоположной [страсти].

Мы испытываем еще сострадание, когда несчастье нам самим близко. Мы чувствуем сострадание к людям подобным нам по возрасту, по характеру, по способностям, по положению, по происхождению, ибо при виде всех подобных лиц нам кажется более возможным, что и с нами случится нечто подобное. Вообще и здесь следует заключить, что мы испытываем сострадание к людям, когда с ними случается все то, чего мы боимся для самих себя. Если страдания, кажущиеся близкими, возбуждают сострадание, а те, которые были десять тысяч лет тому назад или будут через десять тысяч лет, или совсем не возбуждают сострадания, или [возбуждают его] не в такой степени, ибо вторых мы не дождемся, а первых не помним, то отсюда необходимо следует, что люди, воспроизводящие что-нибудь наружностью, голосом, костюмом и вообще игрой, в сильной степени возбуждают сострадание, ибо, воспроизводя перед глазами какое-нибудь несчастье, как грядущее или как свершившееся, они достигают того, что оно кажется близким. Весьма также возбужда-

ет сострадание [то бедствие], которое недавно случилось или должно скоро случиться. Поэтому [мы чувствуем сострадание] по поводу признаков, например, платья людей, потерпевших несчастье, и тому подобных вещей, и по поводу слов или действий людей, находящихся в беде, например, людей уже умирающих. Особенно же мы испытываем сострадание, если в подобном положении находятся люди хорошие.

Все эти обстоятельства усиливают в нас сострадание, ибо в таких случаях беда кажется близкой и незаслуженной и, кроме того, она у нас перед глазами.

Глава IX

Определение негодования, отношение негодования к зависти. – Кто и что возбуждает в людях негодование, и почему? – В каком состоянии люди легко приходят в негодование? – Как может пользоваться этим понятием оратор для своей цели?

Сожалению противопоставляется главным образом негодование, ибо противоположностью чувству печали при виде незаслуженных бедствий является некоторым образом и из того же источника чувство печали при виде незаслуженного благоденствия. Обе эти страсти составляют принадлежность честного характера, ибо должно испытывать печаль и сострадание при виде людей, незаслуженно бедствующих, и негодовать при виде людей, [незаслуженно] благоденствующих, так как то, что выпадает незаслуженно, несправедливо; поэтому-то мы приписываем и богам чувство негодования.

Может показаться, что и зависть таким же образом противоположна состраданию, как понятие, близкое к негодованию и тождественное с ним, но [на самом деле] она есть

нечто иное: зависть точно так же есть причиняющая нам беспокойство печаль, точно так же [она возникает] при виде благоденствия, но не человека [его] недостойного, а [при виде благоденствия] человека нам равного и подобного. У всех этих понятий одинаково должен быть тот смысл, что они касаются нашего ближнего и не [имеют в виду того], случится ли с нами от этого что-нибудь дурное: ибо, раз возникает в нас смятение или печаль оттого, что вследствие благоденствия другого человека с нами должно случиться что-нибудь дурное, это уже не есть негодование или зависть, а будет страх.

Очевидно, что в связи с этими страстями стоят страсти противоположные: человек, огорчающийся при виде людей, которые незаслуженно терпят горе, будет радоваться или не будет горевать, если терпят горе люди противоположного рода, например, ни один честный человек не огорчится, если понесут наказание убийцы и отцеубийцы, ибо в подобных случаях мы должны радоваться – точно так же, как при виде людей, которые по заслугам пользуются счастьем, и то и другое справедливо и заставляет радоваться хорошего человека, ибо у него необходимо является надежда самому получить на свою долю то, что выпало на долю подобного [ему]. И все эти [черты] представляют свойства одного и того же характера, а черты противоположные – свойства противоположного характера, ибо один и тот же человек бывает злораден и завистлив: тот, кого огорчает возникновение и присут-

ствие чего-нибудь, необходимо будет радоваться отсутствию или уничтожению того же самого. Поэтому все эти [страсти] препятствуют возникновению сострадания; они различаются между собой по вышеуказанным причинам, так что одинаково пригодны для того, чтобы делать все невозбуждающим сострадание.

Прежде всего, скажем о негодовании – на кого, за что и в каком состоянии люди негодуют, затем после этого [скажем] и об остальном. Из сказанного это ясно: если негодовать – значит горевать при виде счастья кажущегося незаслуженным, то отсюда очевидно прежде всего, что нельзя негодовать при виде всякого счастья: мы не будем негодовать на человека, если он справедлив, мужествен или обладает добродетелью, равно как мы не будем чувствовать сострадания к людям противоположного характера; [негодование является] при виде богатства, могущества и т. п. – при виде всего того, чего, вообще говоря, достойны только люди прекрасные и люди, обладающие благами, даруемыми от природы, каковы благородство происхождения, красота и все подобное. Но так как давно существующее кажется до некоторой степени близким к природному, то человек необходимо будет сильнее негодовать на тех, кто обладает тем же самым благом, но обладает им с недавнего времени и вследствие этого [т. е. обладания благом] благоденствует; люди, недавно разбогатевшие, причиняют больше огорчения, чем люди давно, из рода в род [владеющие богатством]; то же са-

мое [можно сказать] о людях, обладающих властью, могуществом, множеством друзей, прекрасным потомством и другими тому подобными благами.

Точно так же [бывает] в том случае, если вследствие этого [т. е. одного блага] у них получается какое-нибудь другое благо; поэтому-то больше огорчают люди, недавно разбогатевшие, если через свое богатство они получают власть, чем люди, владеющие родовым богатством. Точно то же бывает и в других случаях, и причина этому та, что вторые имеют вид людей, владеющих тем, что составляет их собственность, а первые – нет, истинным представляется то, что всегда имеет одинаковый вид, так что первые [из названных нами людей] имеют вид людей, владеющих не тем, что составляет их собственность. Так как не всякое благо достойно всякого человека, то здесь есть некоторая аналогия и соответствие, как, например, прекрасное оружие подходит не для справедливого, а для храброго человека, то и блестящие партии [приличные] не людям, недавно разбогатевшим, а людям благородного происхождения; и досадно, если человеку хорошему выпадает на долю что-нибудь неподходящее, точно так же, как если более слабый тягается с более сильным, особенно, если оба они в одинаковом положении, почему и сказано:

Но с Аяксом борьбы избегал,
с Теламоновым сыном:
Зевс раздражился бы, если б он
с мужем сильнейшим сразился.

Если же это и не так [то есть они не в одинаковом положении], то [досадно], если человек, в чем бы то ни было более слабый, тягается с более сильным, например, человек, занимающийся музыкой, с человеком справедливым, ибо справедливость выше музыки.

Из сказанного ясно, на кого и за что люди негодуют: это бывает в указанных и им подобных случаях. Сами же люди в том случае склонны приходить в негодование, если они заслуживают величайших благ и обладают ими, ибо несправедливо, чтобы люди, неравные между собой, удостоились одинаковых [благ]. Во – вторых, [люди легко приходят в негодование], если они честны и серьезны, потому что [в таком случае] они имеют правильные суждения и ненавидят все несправедливое; еще, когда люди честолюбивы и стремятся к каким-нибудь целям, особенно если их честолюбие касается того, чего другие достигли незаслуженно. Вообще люди, считающие себя достойными того, чего не считают достойными других, легко приходят в негодование на этих людей за это. Поэтому-то люди с рабской душой, низкие и нечестолюбивые не легко приходят в негодование, потому что нет ничего такого, что они считали бы себя достойным.

Из сказанного очевидно, какого рода те люди, несчастье, бедствие и неуспех которых должен радовать или не причинять огорчения, ибо из изложенного очевидно противоположное ему, так что если речь приведет судей в такое на-

строение и покажет, что люди, просящие о сострадании, и то, ради чего они просят о сострадании, не заслуживает того, чтобы достигнуть [своей цели], а заслуживает того, чтобы не иметь успеха, – [в таком случае] невозможно иметь [к ним] сострадание.

Глава X

Определение зависти. – Кто завистлив? – Что возбуждает зависть? – Кто возбуждает зависть? – Как может влиять зависть на решение судей?

Очевидно также, из-за чего люди завидуют, кому и в каком состоянии, если зависть есть некоторого рода печаль, являющаяся при виде благоденствия подобных нам людей, наслаждающихся выше указанными благами – [печаль], не имеющая целью доставить что-нибудь самому завидующему [человеку], но имеющая в виду только этих других людей. Зависть будут испытывать такие люди, для которых есть подобные или кажущиеся подобными. Подобными – я разумею, по происхождению, по родству, по возрасту, по дарованиям, по славе, по состоянию. [Завидуют] и те, которые обладают почти всем, поэтому-то люди высокопоставленные и пользующиеся счастьем бывают завистливы, так как думают, что все пользуются их собственностью. [Завистливы] бывают также люди, особенно пользующиеся уважением за что-нибудь, преимущественно же за мудрость или удачу. И люди

честолюбивые более завистливы, чем люди без честолюбия. И мнимые мудрецы [также завистливы], потому что их честолюбие имеет своим объектом мудрость, и вообще люди, славолюбивые по отношению к чему-нибудь, бывают завистливы в этом отношении. И люди малодушные [также завистливы], потому что им все представляется великим.

Мы назвали блага, из-за которых люди завидуют: где люди обнаруживают любовь к славе, где есть место честолюбию – касается ли это их поступков или их состояния, – где они домогаются славы, и во всех родах успеха – во всех этих случаях, можно сказать, бывает зависть, и в особенности по отношению к тем вещам, которых люди домогаются и которыми они считают себя вправе обладать, или в обладании которыми они немного превосходят [других] или немного уступают [им]. Очевидно также, кому люди завидуют, так как мы сказали об этом одновременно: люди завидуют тем, кто к ним близок по времени, по месту, по возрасту и по славе, откуда и говорится:

Родня умеет и завидовать.

[Завидуют] также тем, с кем соперничают, потому что соперничают с перечисленными категориями лиц; что же касается тех, кто жил десятки тысяч лет раньше нас, или кто будет жить через десятки тысяч лет после нас, или кто уже умер – то им никто [не завидует], точно так же, как тем, кто жи-

вет у Геркулесовых столпов. [Не завидуем мы] и тем, кто, по нашему мнению или по мнению других, сильно нас превосходят или сильно нам уступают. Одинаковым образом [мы относимся] и к людям, занимающимся подобными вещами.

Так как люди соперничают со своими противниками в бою, соперниками в любви и вообще с теми, кто домогается того же, [чего они], то необходимо они завидуют всего больше этим лицам, почему и говорится «и горшечник [завидует] горшечнику». Завидуем мы и тем, чьи приобретения или успехи являются для нас упреком; ведь такие люди нам близки и подобны нам, здесь очевидно, что мы по собственной вине не обладаем данным благом, так что это [соображение], причиняя нам печаль, порождает зависть. [Завидуем мы] и тем, кто имеет или приобрел то, чем следовало бы обладать нам или чем мы обладали; поэтому-то старики [завидуют] молодым, а люди, много истратившие на что-нибудь, завидуют тем, кто истратил на то же немного. И те, кто еще не достиг или совсем не достиг чего-нибудь, завидуют тем, кто быстро [достиг этого же самого].

Очевидно, из-за чего такие люди радуются, по отношению к кому и в каком состоянии: как в одном случае они огорчаются, потому что не обладают чем-нибудь, так в случаях противоположных они будут радоваться, потому что обладают чем-нибудь.

Таким образом, если [судьи] придут в такое настроение, а люди, просящие их о сострадании или о даровании како-

го-нибудь блага, таковы, каковы указанные нами люди, то очевидно, что эти последние не добьются сострадания от власть имеющих.

Глава XI

Определение соревнования. – Кто доступен соревнованию? – Что возбуждает соревнование? – Кто возбуждает соревнование? – Отношение соревнования к презрению.

Отсюда ясно, в каком состоянии люди соревнуются, с кем они соревнуются и в чем. Соревнование есть некоторая печаль при виде кажущегося присутствия у людей, подобных нам по своей природе, благ, которые связаны с почетом и которые могли быть приобретены нами самими, [печаль, являющаяся] не потому, что эти блага есть у другого, а потому что их нет также у нас самих. Поэтому-то соревнование есть нечто хорошее и бывает у людей хороших, а зависть есть нечто низкое и бывает у низких людей. В первом случае человек, под влиянием соревнования, старается сам о том, чтобы достигнуть благ, а во втором, под влиянием зависти, – о том, чтоб его ближний не пользовался этими благами. Склонными же к соревнованию будут необходимо люди, считающие себя достойными тех благ, которых они не имеют, ибо никто не желает того, что кажется невозможным. По-

этому-то такими [то есть склонными к соревнованию] бывают люди молодые и люди великодушные, а также люди, обладающие такими благами, которые достойны мужей, пользующихся уважением; к числу этих благ принадлежит богатство, обилие друзей, власть и другие тому подобные блага: так как им подобает быть людьми хорошими, то они соревнуются в достижении таких благ, потому что они должны принадлежать людям хорошим. [Склонны к соревнованию] также люди, которых другие считают достойными [этих благ]. Точно так же люди, предки, или родственники, или близкие, или соотечественники, или отечество которых пользуется уважением, выказывают в этом отношении соревнование, потому что считают это близким себе и себя достойными этого.

Если соревнование проявляется по отношению к благам, пользующимся уважением, то сюда необходимо нужно отнести добродетели и все то, с помощью чего можно приносить пользу и оказывать благодетельствие другим людям, потому что люди уважают благодетелей и людей добродетельных, а также все те блага, которыми могут пользоваться и наши ближние, каковы, например, богатство и красота более, чем здоровье.

Очевидно также, кто такие люди, возбуждающие соревнование: возбуждают соревнование люди, обладающие этими и им подобными благами. Эти блага таковы, как вышеуказанные, например, мужество, мудрость, власть, потому что люди, власть имеющие, могут благодетельствовать многим; та-

ковы полководцы, ораторы, вообще все, обладающие подобным могуществом. [Сюда, т. е. к лицам, возбуждающим соревнование, относятся люди], которым многие желают быть подобны или знакомы или с которыми многие желают быть друзьями, также те, кому многие удивляются или кому мы удивляемся, и те, кого воспевают и прославляют поэты или писатели.

Люди противоположного сорта пользуются презрением, ибо презрение противоположно соревнованию, и «презирать» [противоположно] понятию «соревноваться». Люди, находящиеся в таком состоянии, что соревнуются с кем-нибудь или служат предметом соревнования для кого-нибудь, необходимо склонны презрительно относиться ко всем вещам и лицам, обладающим недостатками, противоположными тем благам, которые возбуждают соревнование. Поэтому они часто презирают людей, пользующихся удачей, когда удача выпадает им без благ, пользующихся уважением.

Мы сказали, при помощи чего возникают и исчезают страсти, из чего образуются способы убеждения. Вслед за этим изложим, каковы бывают нравы сообразно со страстями людей, их качествами, возрастом и жребием.

Глава XII

Нравы (черты характера) людей в различных возрастах, черты, свойственные юности.

Я называю страстями гнев, желание и тому подобные [движения души], о которых мы говорили раньше качествами – добродетели и пороки – о них сказано раньше, а также о том, что предпочитают отдельные личности и что они способны делать. Возраст – это юность, зрелый возраст и старость. Жребием я называю благородство происхождения, богатство, власть и вещи противоположные этим, и вообще удачу и неудачу.

Юноши по своему нраву склонны к желаниям, а также склонны исполнять то, чего пожелают, и из желаний плотских они всего более склонны следовать желанию любовных наслаждений и невоздержанны относительно его. По отношению к страстям они переменчивы и легко пресыщаются ими, они сильно желают и скоро перестают [желать]; их желания пылки, но не сильны, как жажда и голод у больных. Они страстны, вспыльчивы и склонны следовать гневу. Они

слабее гнева [не могут совладать с гневом], ибо по своему честолюбию они не переносят пренебрежения и негодуют, когда считают себя обиженными. Они любят почет, но еще более любят победу, потому что юность жаждет превосходства, а победа есть некоторого рода превосходство.

Обоими этими качествами они обладают в большей степени, чем корыстолюбием: они совсем не корыстолюбивы, потому что еще не испытали нужды, как говорит изречение Питтака против Амфиарая. Они не злы, а добродушны, потому что еще не видели многих низостей. Они легковверны, потому что еще не во многом были обмануты. Они исполнены надежд, потому что юноши так разгорячены природой, как люди, упившиеся вином; вместе с тем [они таковы], потому что еще не во многом потерпели неудачу. Они преимущественно живут надеждой, потому что надежда касается будущего, а воспоминания – прошедшего, у юношей же будущее продолжительно, прошедшее же кратко: в первый день не о чем помнить, надеяться же можно на все.

Их легко обмануть вследствие сказанного: они легко поддаются надежде. Они чрезвычайно смелы, потому что пылки и исполнены надежд; первое из этих качеств заставляет их не бояться, а второе быть уверенными. Никто, будучи под влиянием гнева, не испытывает страха, а надеяться на что-нибудь хорошее – значит быть смелым. Молодые люди стыдливы: они воспитаны исключительно в духе закона и не имеют понятия о других благах. Они великодушны, потому что

жизнь еще не унизила их и они не испытали нужды; считать себя достойным великих [благ] означает великодушие, и это свойственно человеку, исполненному надежд.

В своих занятиях они предпочитают прекрасное полезному, потому что живут более сердцем, чем расчетом; расчет касается полезного, а добродетель прекрасного. Юноши более, чем люди в других возрастах, любят друзей, семью и товарищей, потому что находят удовольствие в совместной жизни и ни о чем не судят с точки зрения пользы, так что и о друзьях не [судят так]. Они во всем грешат крайностью и излишеством вопреки Хилонову изречению: они все делают через меру: чересчур любят и чересчур ненавидят и во всем остальном так же. Они считают себя всеведущими и утверждают [это]; вот причина, почему [они все делают] чрез меру. И несправедливости они совершают по своему высокомерию, а не по злобе. Они легко доступны состраданию, потому что считают всех честными и слишком хорошими: они меряют своих ближних своей собственной неиспорченностью, так что полагают, что те терпят незаслуженно. Они любят посмеяться и сказать острое словцо, так как остроумие есть отшлифованное высокомерие.

Глава XIII

Таков нрав юношей. Что же касается людей более старых и пожилых, то их нравы слагаются, можно сказать, по большей части из черт, противоположных вышеизложенным: так как они прожили много лет и во многом были обмануты и ошиблись, так как большая часть [человеческих дел] оказывается ничтожными, то они ничего положительно не утверждают и все делают в меньшей мере, чем следует. И все они «полагают», но ничего не «знают»; в своей нерешительности они всегда прибавляют «может быть» и «пожалуй», и обо всем они говорят так, ни о чем не рассуждая решительно. Они злонравны, потому что злонравие есть понимание всего в дурную сторону. Они подозрительны вследствие своей недоверчивости, а недоверчивы вследствие своей опытности. Поэтому они сильно не любят и не ненавидят, но, согласно совету Бианта, любят, как бы готовясь возненавидеть, и ненавидят, как бы намереваясь полюбить. Они малодушны, потому что жизнь смирила их: они не жаждут ничего великого и необыкновенного, но лишь того, что полезно для существования. Они не щедры, потому что имущество – од-

на из необходимых вещей, а вместе с тем они знают по опыту, как трудно приобрести и как легко потерять. Они трусливы и способны всего заранее опасаться; они настроены противоположно юношам: они охлаждены годами, а юноши пылки; таким образом старость пролагает дорогу трусости, ибо страх есть охлаждение.

Они привязаны к жизни, особенно в последний день, потому что желание касается того, чего нет, и в чем люди нуждаются, того они особенно желают. Они эгоисты более, чем следует, потому что и это есть некоторого рода малодушие. Они более чем следует живут для полезного, а не для прекрасного, потому что они эгоисты, ибо полезное есть благо для самого [человека], а прекрасное есть безотносительное благо. И они более бесстыдны, чем стыдливы, потому что, неодинаково заботясь о прекрасном и полезном, они пренебрегают тем, из чего слагается репутация. Они не поддаются надеждам вследствие своей опытности, ибо большая часть житейского – ничтожна и по большей части оканчивается дурно; [они таковы] еще вследствие своей трусости. И они более живут воспоминанием, чем надеждой, потому что для них остающаяся часть жизни коротка, а прошедшая – длинна, а надежда относится к будущему, воспоминание же к прошедшему. В этом же причина их болтливости: они постоянно говорят о прошедшем, потому что испытывают наслаждение, предаваясь воспоминаниям.

И гнев их пылок, но бессилен, а из страстей одни у них

исчезли, другие утратили свою силу, так что они не склонны желать и не склонны действовать сообразно своим желаниям, но сообразно выгоде. Поэтому люди в таком возрасте кажутся умеренными, ибо страсти их ослабели и подчиняются выгоде. И они в своей жизни более руководятся расчетом, чем сердцем, потому что расчет имеет в виду полезное, а сердце – добродетель. Они поступают несправедливо вследствие злобы, а не вследствие высокомерия. И старики доступны состраданию, но не по той самой причине, по какой [ему доступны] юноши: эти последние – вследствие человеколюбия, а первые – по своему бессилию, потому что на все бедствия они смотрят, как на близкие к ним, а это, как мы сказали, делает человека доступным состраданию. Поэтому они ворчливы, не бойки и не смешливы, потому что ворчливое противоположно смешливому.

Таковы нравы юношей и стариков, и так как все хорошо относится к речам, соответствующим их характеру, и к людям себе подобным, то отсюда очевидно, как должно поступать в речи, чтобы и сами [ораторы] и их речи показались таковыми.

Глава XIV

Что касается людей зрелого возраста, то очевидно, что они по своему характеру будут между указанными возрастными, не обладая крайностями ни того, ни другого, не выказывая ни чрезмерной смелости, потому что подобное качество есть дерзость, ни излишнего страха, но как следует относясь к тому и другому, не выказывая всем ни доверия, ни недоверия, но рассуждая более соответственно истине, не живя исключительно ни для прекрасного, ни для полезного, но для того и другого вместе, не склоняясь ни на сторону скупости, ни на сторону расточительности, но держась надлежащей меры. Подобным же образом [они относятся] и к гневу, и к желанию. Они соединяют благоразумие с храбростью и храбрость с благоразумием.

В юношах же и старцах эти качества являются разъединенными, ибо юноши мужественны и необузданны, а старые люди – благоразумны и трусливы. Вообще говоря, они обладают всеми полезными качествами, которые есть у юности и у старости в отдельности, что же касается качеств, которыми юность и старость обладают в чрезмерной или недоста-

точной степени, то ими они обладают в степени умеренной и надлежащей. Тело достигает цветущей поры от тридцати до тридцати пяти лет, а душа – около сорока девяти лет.

Глава XV

Вот что следует сказать о юности, старости и зрелом возрасте – каким характером обладает каждый из этих возрастов. Скажем теперь о всех тех зависящих от жребия (судьбы) благах, вследствие которых у людей является данный характер.

Благородство происхождения влияет на характер так, что обладающий этим благородством более честолюбив: все люди, раз у них есть что-нибудь, обыкновенно копят это [свое достояние], а благородство происхождения есть почетное положение предков. [Люди благородного происхождения] склонны презирать даже и тех, кто подобен их предкам, потому что [деяния] этих последних, как далеко отстоящие, кажутся более почетными и дают более повода к хвастовству, чем то, что происходит близко от нас. Название «благородного по происхождению» указывает на знатность рода, а название «благородного по характеру» – на невырождение в сравнении с природой, чего по большей части не случается с людьми благородного происхождения, так как обыкновенно они – люди ничтожные. В родах мужей, как и в произведе-

ниях земли, бывает как будто урожай, и иногда, если род хорош, из него в продолжение некоторого времени происходят выдающиеся мужи, но затем они исчезают, прекрасно одаренные роды вырождаются в сумасбродные характеры, как, например, потомки Алкивиада и Дионисия Старшего, а роды солидные – в глупость и вялость, как, например, потомки Кимона, Перикла и Сократа.

Глава XVI

Что касается характера, который связан с богатством, то его легко видеть всем: [обладающие им люди] высокомерны и надменны, находясь в некоторой зависимости от богатства. Они так настроены, как будто обладают всеми благами; богатство есть как бы мерка для оценки всех остальных благ, поэтому кажется, что все они могут быть куплены с помощью богатства. Они склонны к роскоши и хвастовству – к роскоши ради самой роскоши и ради выказывания своего внешнего благосостояния; они хвастливы и дурно воспитаны, потому что все люди обыкновенно постоянно говорят о том, что они сами любят и чему удивляются, и потому что они [то есть богатые] думают, что другие заботятся о том же, о чем они. Вместе с тем они вправе так думать, потому что есть много нуждающихся в тех, кто имеет [состояние]. Отсюда изречение Симонида о мудрых и богатых, обращенное к жене Иерона, спросившей, каким лучше быть – богатым или мудрым? Богатым, сказал он, потому что приходится видеть, как мудрецы постоянно торчат у дверей богатых.

[Богатые отличаются] еще тем, что считают себя достой-

ными властвовать, потому что, по их мнению, они обладают тем, что делает людей достойными властвовать. И вообще характер, сообщаемый богатством, есть характер человека неразумного и счастливого. Характер у людей, недавно разбогатевших, и у людей, давно богатых, различен именно тем, что люди, недавно разбогатевшие, обладают всеми пороками в большей и худшей степени, потому что быть вновь разбогатевшим значит как бы быть невоспитанным богачом. И несправедливые поступки, которые они совершают, порождаются не злобой, но высокомерием и невоздержанностью, как, например, побои и прелюбодеяние.

Глава XVII

Равным образом очевидны, можно сказать, все главнейшие черты характера, стоящие в связи с властью, ибо власть обладает отчасти теми же чертами, какими обладает богатство, отчасти лучшими. По своему характеру люди, обладающие властью, честолюбивее и мужественнее людей богатых, потому что они стремятся к делам, которые им возможно исполнить вследствие их власти. Они заботливее, так как находятся в хлопотах, принужденные смотреть за [всеми], что касается их власти. Они держатся с большей торжественностью и важностью, потому что их сан делает их более торжественными; поэтому-то они сдерживают себя. Торжественность их отличается мягкостью, а важность благопристойностью. И когда они поступают несправедливо, их проступки значительны, а не ничтожны.

Что касается счастья [удачи], то оно отчасти обладает указанными чертами характера, потому что счастье, кажущееся величайшим, сводится к этому и еще к хорошим детям; счастье влечет за собой обилие физических благ. Под влиянием счастья люди делаются высокомернее и безрассуднее; со сча-

ствием связана одна прекраснейшая черта характера – именно та, что люди счастливые боголюбивы; они известным образом относятся к божеству, веря в него, под влиянием того, что им дает жребий.

Мы сказали о чертах характера сообразно возрасту и счастью; противоположное же очевидно из противоположного, например, характер человека бедного, несчастного и не имеющего власти.

Глава XVIII

Цель, которую преследует в своей речи всякий оратор. – Способы доказательства, пригодные для всех трех родов речей.

Убеждающие речи употребляются ради решения (ибо для того, что мы знаем и относительно чего приняли известное решение, не нужно никаких речей), а это бывает в том случае, когда кто-нибудь с помощью речи склоняет или отклоняет какое-нибудь отдельное лицо, как, например, делают люди, уговаривая и убеждая, так как один человек есть все-таки судья; вообще говоря, тот судья, кого нужно убедить; и все равно, обращает ли человек свою речь к противнику, или говорит на предложенную тему, потому что необходимо воспользоваться речью и уничтожить противоположные мнения, к которым, как к противнику, обращается речь. Таким же образом нужно поступать и в эпидиктических речах, ибо речь представляет себя как бы судью в слушателе.

Вообще в политических прениях есть один настоящий судья – [именно], решающий данный вопрос. Вопросом же яв-

ляется то, относительно чего сомневаются и о чем совещаются.

Раньше, говоря о речах совещательных, мы сказали о характерах соответственно видам государственного устройства, так что теперь нам следовало бы разобрать вопрос, как и с помощью чего можно сделать речи этическими.

Так как для каждого рода речей мы указали свою особую цель и так как относительно всех их были взяты нами мнения и посылки, из которых черпают способы убеждения ораторы в речах совещательных, эпидиктических и судебных, так как, кроме того, мы рассмотрели, с помощью чего возможно сделать речи этическими, то нам остается сказать об общих [принципах], ибо всем необходимо пользоваться в своих речах рассуждением о возможном и невозможном и пытаться показать, – одним, что что-нибудь было, другим – что что-нибудь будет. Кроме того, топ о величине является общим для всех речей, так как фигурой преувеличения и умаления пользуются все ораторы: советующие и отсоветывающие, хвалящие и порицающие, обвиняющие и оправдывающие.

Рассмотрев это, мы попытаемся вообще сказать об энтимемах, если найдем что, и о примерах, чтобы, присоединив остальное, исполнить поставленную с самого начала задачу. Из общих топов, преувеличение наиболее свойственно речам эпидиктическим, как было сказано, совершившееся – речам судебным, ибо по поводу совершившегося принима-

ется решение, а возможное и будущее – речам совещатель-
ным.

Глава XIX

Понятие возможного и невозможного. – Что подходит под эти понятия? – Доказательства, основанные на предположении (вероятности): 1) относительно прошедшего, 2) относительно будущего. – О большем и меньшем.

Сначала скажем о возможном и невозможном.

Если одна из противоположностей может быть или явиться, то может показаться возможной и другая противоположность, например, если возможно для человека выздороветь, то возможно и заболеть, ибо одна и та же возможность (способность) относится к противоположностям, в чем они и противоположны.

И если возможно одно подобное, то и другое подобное ему [возможно].

И если возможно более трудное, то [возможно] и более легкое.

И если что-нибудь может возникнуть в хорошем и прекрасном виде, то оно вообще может возникнуть, ибо труднее быть хорошему дому, чем дому [просто].

И конец того, начало чего может возникнуть, [также может возникнуть], ибо ничто не возникает и не начинает возникать из вещей невозможных, например, не может начать возникать и не возникает соизмеримость диаметра.

Возможно также начало того, конец [чего возможен], ибо все возникает с начала. И если может возникнуть последующее по бытию или по возникновению, то возможно и предыдущее: например, если может возникнуть муж, [может возникнуть] и ребенок, ибо последнее возникает раньше. И если [возможно возникнуть] ребенку, возможно и мужу, ибо первое есть начало.

[Возможно] и то, что от природы бывает предметом любви или страсти, ибо никто по большей части не любит и не желает вещей невозможных. И то, что бывает предметом наук и искусств, может быть, и бывает, и возникает.

[Возможно] и то, начало возникновения чего во власти тех, кого мы можем принудить или убедить, а таковы люди, которых мы превосходим силой, которыми мы распоряжаемся или с которыми дружны.

Возможно также целое, части которого возможны, и [по большей части возможны] части, целое которых возможно; ибо если может возникнуть разрез, шапочка и сандалии, может возникнуть и обувь, и если [может возникнуть] обувь, [может возникнуть] и разрез и шапочка.

И если весь род принадлежит к числу вещей возможных, то возможен и вид, а если [возможен] вид, [возможен] и

род, например, если может возникнуть корабль, [возможна] и триера, и если [возможна] триера, [возможен] и корабль.

И если [возможна] одна из двух вещей, по своей природе находящихся во взаимном соотношении, то [возможна] и другая из них, например, если [возможно] двойное, то [возможна] и половина, и если [возможна] и половина, [возможно] и двойное.

И если что-нибудь может возникнуть без искусства и приготовления, то еще более оно возможно при помощи искусства и прилежания, отчего и сказано у Агафона:

И одно нужно делать с помощью искусства,
Другое достается нам благодаря
необходимости и судьбе.

И то, что возможно для людей более дурных, более слабых и более неразумных, еще более [возможно] для людей противоположных, как сказал и Исократ, что странно, если он не будет в состоянии сам изобрести то, чему научился Евфин.

Что касается невозможного, то очевидно, что оно вытекает из противоположного сказанному.

[Доказательства того], что что-нибудь случилось, нужно выводить из следующего.

Во – первых, если случилось то, что по естественному ходу вещей случается реже, то могло случиться и то, что [случается] чаще.

И если случилось то, что обыкновенно случается после,

то случилось и предыдущее, например, если кто-нибудь что-нибудь забыл, то некогда и научился [этому].

И если кто-нибудь мог и желал [сделать что-нибудь], то и сделал, ибо все, когда пожелают чего-нибудь, имея возможность [исполнить свое желание], делают [то, чего желают], так как ничто им не мешает.

Еще если [человек] чего-нибудь желал и ничто извне ему не мешало, и если [он желал] возможного, и если он гневался, и если мог и стремился, [то сделал], ибо по большей части люди делают то, к чему стремятся, если только могут – негодные вследствие своей неводержности, а люди нравственно хорошие, потому что желают хорошего.

И если [кто-нибудь] намеревался [сделать что-нибудь], ибо естественно что человек, намеревавшийся [сделать что-нибудь], сделал.

И если случилось что-нибудь такое, что по своей природе [бывает] раньше чего-нибудь другого или вследствие чего-нибудь другого, например, если прогремел гром, то сверкнула молния, и если человек сделал что-нибудь, то и попытался сделать это. И из всех этих случаев одни имеют характер необходимости, а другие – случающегося по большей части.

А относительно того, что не случилось, [доказательства], очевидно, черпаются из противоположного сказанному.

Что касается того, что будет, то здесь дело очевидно из того же самого: будет то, что для нас возможно и чего мы же-

лаем, и то, что соответствует нашей страсти, гневу и расчету в соединении с возможностью [сделать это], а также то, что находится в области наших стремлений и намерений, ибо обыкновенно больше случается то, что входит в наши намерения, чем то, что не входит в них.

И если уже случилось то, что по своей природе случается раньше [чего-нибудь другого], например, если небо покрылось облаками, то, вероятно, пойдет дождь.

И если случилось [что-нибудь], что [всегда] бывает ради чего-нибудь другого, например, если [воздвигнуто] основание, [будет] и дом.

Что касается великости и малости вещей, большего и меньшего и вообще великих и малых вещей, то все это ясно для нас из ранее сказанного, ибо по поводу речей совещательных мы говорили о величине благ и вообще о большем и меньшем; так как соответственно каждому роду речи есть определенная цель в виде блага, каковы понятия прекрасного и справедливого, то, очевидно, с помощью указанных [доказательств] следует для каждого рода речи приводить увеличения.

Делать же помимо сказанного исследование вообще о величине и о превосходстве значило бы говорить пустое, ибо для практики больше значения имеют частные случаи, чем общее.

Вот что нужно сказать о возможном и невозможном, о том, случилось что-нибудь или нет, будет или нет, а также о

ВЕЛИКОСТИ И МАЛОСТИ ВЕЩЕЙ.

Глава XX

Пример и энтимема. – Два рода примеров, сравнения и басни (притчи). – Как и когда следует пользоваться примерами?

Остается сказать о способах убеждения, общих для всех [случаев], раз мы сказали о частных способах.

Общие способы убеждения бывают двоякого рода: пример и энтимема, так как изречение есть часть энтимемы. Итак, скажем сначала о примере, потому что пример подобен наведению, а наведение есть начало.

Есть два вида примеров; один вид примера заключается в том, что приводятся факты, прежде случившиеся, другой в том, что [оратор] сам сочиняет таковые; в последнем случае может быть, во-первых, притча, во-вторых, басня, каковы, например, басни Эзопа и басни Ливийские.

Приводить в пример факты можно в таком роде: можно сказать, что нужно готовиться к войне против Персидского царя и не позволять ему захватить Египет, ибо и прежде Дарий перешел [в Грецию] не прежде, чем захватил Египет, а,

захватив его, переправился. Точно так же и Ксеркс двинулся [на Грецию] не прежде, чем взял [Египет], а, взяв [его], переправился, так что и этот [то есть царствующий ныне] переправится [в Грецию], если захватит [Египет], поэтому нельзя ему этого позволять.

Притча (сравнение) – это прием Сократа, например, если бы кто-нибудь сказал, что не следует избирать власти по жребию, ибо это подобно тому, как если бы кто-нибудь избирал по жребию в атлеты – не тех, кто в состоянии состязаться, но тех, кому выпадет жребий, или из корабельщиков избирал по жребию того, кому нужно управлять кораблем, как будто это нужно делать не знающему человеку, а тому, кому выпадет жребий.

Басня же бывает подобна рассказу Стисихора о Фалариде и рассказу Эзопа в защиту демагога.

Когда жители Имеры избрали Фаларида полководцем с неограниченной властью и намеревались дать ему телохранителей, Стисихор, приведя различные доводы [против этого], рассказал им также басню о том, как лошадь одна владела пастбищем; когда же пришел олень и начал портить пастбище, то лошадь, желая отомстить оленю, спросила какого-то человека, не может ли он посодействовать ей в этом; он отвечал, что может, если возьмет узду и сам сядет на нее, с копьем в руках. Когда лошадь согласилась на это и он сел на нее, то вместо того, чтобы отомстить оленю, лошадь сама попала в рабство. Так и вы, сказал Стисихор, берегитесь,

как бы желая отомстить врагам, не попасть в такое же положение, в какое попала лошадь: у вас уже есть узда, раз вы избрали полководца с неограниченной властью; если вы еще дадите ему телохранителей и позволите ему сесть на себя, то будете рабами Фаларида.

А Эзоп на острове Самосе, защищая демагога, которого осуждали на смерть, рассказал, как лисица, переправляясь через реку, попала в обрыв; не будучи в состоянии выбраться оттуда, она долго там страдала, и в нее впилось множество клещей; еж, пробиравшийся мимо, увидев ее, сжалился над ней и спросил, не вытащить ли из нее клещей, но она не согласилась на это и на вопрос – почему? – отвечала: эти клещи уже полны мною и поглощают мало крови; если же ты вытащишь этих, то явятся другие, голодные, и высосут у меня остальную кровь. Точно так же и вам, мужи самосские, этот человек не может больше причинить вреда, потому что он богат. Если же вы умертвите его, то явятся другие, бедные, которые, расхищая общественное достояние, разорят вас.

Басни употребляются в народных собраниях; они имеют ту хорошую сторону, что подыскать в прошедшем факты, подобные [данному случаю], трудно, басни же [подыскать] легче; их следует сочинять, как и притчи, если кто может видеть сходные черты, а это легче делать с помощью философии. Легче подыскать [примеры] из области вымысла, но полезнее посоветовать что-нибудь, опираясь на факты, ибо по большей части будущее подобно прошедшему.

Примерами следует пользоваться в том случае, когда не имеешь энтимем для доказательства, ибо для того, чтобы убедить, требуется [какое-нибудь] доказательство; когда же [энтимемы] есть, то примерами следует пользоваться, как свидетельствами, помещая их вслед за энтимемами в виде эпилога. Если их поставить в начале, то они походят на наведение, а риторическим речам наведение не свойственно, за исключением немногих случаев; когда же они помещены в конце, они походят на свидетельства, а свидетель всегда возбуждает доверие. Поэтому необходимо бывает привести много примеров тому, кто помещает их в начале, а кто помещает их в конце, для того достаточно одного [примера], ибо свидетель, заслуживающий веры, бывает полезен даже в том случае, когда он один.

Итак, мы сказали о том, сколько есть видов примеров и как и когда следует ими пользоваться.

Глава XXI

*Определение изречения, его отношение к энтимемам. –
Четыре рода изречений. – Как следует пользоваться изречениями? – Две выгодные стороны, получающиеся от употребления в речи изречений.*

Что касается употребления изречений (афоризмов), то после определения того, что такое изречение, станет совершенно ясно, относительно чего, когда и кому прилично пользоваться изречениями в речах. Изречение есть утверждение, которое относится однако не к отдельным случаям, например, не к тому, какой человек Ификрат, но имеет общее значение; впрочем, оно [касается] не всех областей, (например, что «прямое противоположно кривому»), но лишь того, около чего вращаются житейские дела; [они имеют в виду то], что можно избирать и чего должно избегать в своей деятельности. А так как энтимемы суть силлогизмы, касающиеся подобных вещей, то заключения и посылки энтимем, если у них отнять форму силлогизма, являются, можно сказать, изречениями, например:

Никогда не следует мужу, одаренному
от природы здравым смыслом,
Настолько выучить своих детей,
чтобы они стали чересчур мудры.

Это – изречение, а если присоединить к нему причину и
[объяснение], почему это так, то все вместе составит энтимемому, например:

Так как, помимо праздности,
которую они обнаруживают,
Они возбуждают в своих согражданах
враждебную зависть.

Также:

Нет мужа, который был бы
счастлив во всем.

Также:

Из мужей нет ни одного,
который был бы свободен.

Это – изречение, но оно делается энтимемой, если к нему
присоединить следующее:

Ибо (всякий из них) раб денег или жребия.

Если приведенные примеры – изречения, то необходимо признать четыре вида изречений, – ибо изречение может быть с эпилогом и без него. Те из них, которые говорят о чем-нибудь парадоксальном или спорном, нуждаются в доказательстве; те же, в которых нет ничего парадоксального, бывают без эпилога. Из этих последних одни совсем не нуждаются в эпилоге, потому что раньше было известно то [о чем они говорят], например:

Самое лучшее для мужа,
как нам кажется, быть здоровым,

ибо это мнение большинства; а другие – потому, что раз их произнесешь, смысл их ясен при первом взгляде, например:

Не любит тот, кто не любит всегда.

Из числа [изречений] с эпилогом одни представляют собой часть энтимемы, например:

Никогда не следует мужу, одаренному
от природы здравым смыслом...

Другие – энтимематического характера, но не составляют

части энтимемы: они-то и пользуются наибольшей известностью; к числу их принадлежат все те, в которых видна причина того, что в них говорится, например:

Не питай бессмертного гнева,
сам будучи смертным.

ибо слова «не должно питать» представляют изречение, а присоединенные к ним слова «будучи смертным» представляют объяснение причины; точно так же и изречение, что «смертному нужно думать о смертном, а не о бессмертном».

Из сказанного ясно, сколько есть видов изречений и для чего каждый из них пригоден; когда дело касается вещей спорных и парадоксальных, нельзя [употреблять] изречение без эпилога, но следует, или поместив эпилог впереди, пользоваться изречением, как заключением, например, таким образом: что касается меня, то так как не следует ни быть предметом зависти, ни предаваться лени, — я полагаю, что не следует быть воспитанным, — или же следует, сказав последнее сначала, поместить в конце сказанное впереди. А когда дело касается вещей не парадоксальных, но неясных, то [следует пользоваться изречением], присоединив к нему самое сжатое объяснение причины. В подобных случаях пригодны также лаконичные изречения и изречения, имеющие вид загадки, как, например, если кто-нибудь скажет то, что сказал Стисихор локрийцам, что им не следует быть высокомерны-

ми, чтобы кузнечики не пели с земли.

По возрасту пользоваться изречениями прилично людям зрелым, и относительно того, в чем человек опытен: употреблять изречения, а также рассказывать мифы неприлично человеку, не достигшему такого возраста, употребление же изречений по поводу того, в чем человек неопытен, есть признак неразумия и невоспитанности. Это достаточно доказывается тем, что сельские жители особенно изобретательны по части нравоучительных изречений и легко употребляют их.

Говорить вообще, когда дело не в общем, подобает преимущественно при жалобах и преувеличениях; при этом [общее выражение следует употреблять] или в начале, или после доказательства. Следует пользоваться и распространенными и общеупотребительными изречениями, если они пригодны: именно потому, что они общеупотребительны, они кажутся справедливыми, ибо как бы признаны всеми за таковые, например: [полководец], побуждающий [своих воинов] идти навстречу опасности, не принеся предварительно жертв, [может им сказать]:

Знаменье лучшее всех: за отечество
храбро сражаться!

а [побуждающий их идти], хотя они слабее [противников], [может сказать]:

Общий у смертных Арей...

и [полководец, приказывающий] умерщвлять детей врагов, хотя они ни в чем неповинны, [может сказать]:

Неразумен тот, кто, умертвив отца,
оставит в живых детей.

Кроме того, некоторые из пословиц являются в то же время изречениями, например, пословица, «Аттический сосед». Следует употреблять также изречения, противоречащие ходячим изречениям, (я называю, например, ходячим изречение «познай самого себя» и «ничего слишком») в тех случаях, когда [приводимое] изречение или может показаться лучшим со стороны нравственного смысла, или произноситься под влиянием страсти.

Изречение имеет своим источником страсть, например, в том случае, если кто, под влиянием гнева, назовет ложью изречение, что должно познать самого себя, ибо если бы таковой-то человек знал самого себя, он никогда не счел бы себя способным быть полководцем. А со стороны нравственного смысла [представляется] лучшим изречение, что не следует, как принято говорить, любить, как бы намереваясь возненавидеть, но скорее [следует] ненавидеть, как бы намереваясь полюбить. При этом следует словами вполне ясно выражать свою мысль, если же она не [выражена ясно], следует присоединять объяснения в виде эпилога, например, вы-

разившись так: следует любить не так, как принято это говорить, но как бы намереваясь любить вечно, ибо [любить] иначе свойственно человеку коварному. Или можно выразиться так: не нравится мне это распространенное [изречение], ибо истинный друг должен любить так, как будто бы он намеревался любить вечно. Точно так же [не нравится мне] изречение: «ничего слишком», ибо дурных людей нужно ненавидеть в крайней степени.

[Изречения] представляют большую подмогу для речей, во – первых, вследствие тщеславия слушателей, которые радуются, когда кто-нибудь, говоря вообще, выскажет мнения, которых держатся слушатели в отдельных случаях. То, что я говорю, станет ясно из последующего, так же, как и способ, каким должно их [то есть изречения] выискивать.

Изречение, как мы сказали, есть утверждение с общим значением, а слушатели радуются, когда оратор придает общее значение тому, что они раньше признали своим мнением по отношению к частным случаям; так, например, кто-нибудь, у кого дурные соседи или дурные дети, согласится со словами [оратора], что «нет ничего тяжелее соседства» или что «нет ничего нелепее деторождения». Таким образом [оратор] должен иметь в виду, какие условия к каким ведут предубеждениям, и говорить о том же с общей точки зрения. Таково первое из преимуществ, которые представляет употребление в речи изречений; второе преимущество еще важнее: [изречения] придают речам характер этический. Те ре-

чи отражают в себе характер [оратора], в которых ясны его намерения, а все изречения таковы, ибо [в них] приводящий изречение высказывается вообще о намерениях; так что если изречения по своему нравственному смыслу хороши, то они показывают, что и человек, приводящий их, обладает нравственно хорошим характером.

Вот что мы сочли нужным сказать об изречении: что оно такое, сколько видов его, как следует пользоваться им и какую пользу оно приносит.

Скажем теперь об энтимемах вообще – каким образом следует их искать, а потом о топах, так как каждая из этих вещей представляет особый вид.

Глава XXII

Энтимема, ее необходимые свойства. – На основании чего следует строить энтимемы? – Два рода энтимем.

Ранее мы сказали, что энтимема есть силлогизм, и каким образом она есть силлогизм и чем она отличается от диалектических силлогизмов. Не следует составлять энтимему, заимствуя [посылки] издалека или заключая в них все [возможное], ибо в первом случае получится неясность, благодаря длине [энтимемы], а во втором это просто болтовня, так как говорятся вещи пошлые. В этом причина, почему люди необразованные в глазах толпы кажутся более убедительными, чем образованные, как говорят и поэты, что люди необразованные говорят более музыкально перед толпою: одни [т. е. люди образованные] говорят об общих вопросах с общей точки зрения, а другие [т. е. люди необразованные говорят] на основании того, что знают, и о вещах, близких [толпе].

Таким образом, нужно говорить не на основании всего, что покажется пригодным, но на основании определенной

категории вещей, например, [тех, которые кажутся истинными] судьям или тем, с мнениями которых судьи соглашаются, и это потому, что такие вещи и кажутся очевидными всем или большинству; при этом следует составлять энтимему не только из необходимого, но и из того, что бывает по большей части.

Прежде всего, нужно признать, по поводу чего следует говорить и строить силлогизмы или политические, или какие-либо иные, относительно этого необходимо иметь в своем распоряжении и соответствующие данные, или все, или некоторые, ибо, раз ничего не имеешь в распоряжении, не из чего и строить силлогизм. Я разумею здесь, например, [такой случай]: каким образом могли бы мы советовать афинянам, следует им продолжать войну или нет, если бы мы не знали, каковы их силы, в чем они заключаются – в морском или сухопутном войске, или в том и другом вместе, и как велики их силы, каковы их доходы, кто их друзья и враги, какие войны они вели раньше и как вели и другие подобные же вопросы.

Или [как могли бы мы их] хвалить, если бы не имели у [себя в памяти] морского сражения при Саламине, или сражения при Марафоне, или того, что сделано было для Ираклидов, или чего-нибудь другого подобного же, потому что все произносят похвалу на основании прекрасных деяний или кажущихся таковыми. Точно так же и хулят на основании фактов противоположного характера, рассматривая, что подобное есть за ними [то есть за Афинянами] или кажется, что

есть, например, [указывая на то], что они поработили греков или обратили в рабство эгинетов и потидейцев, сподвижников и союзников своих в борьбе против варваров и т. д., вообще на все их прегрешения этого рода.

Точно таким же образом и люди, обвиняющие и защищающие, обвиняют и защищают, основываясь на имеющихся в наличности фактах. Итак, нужно поступать безразлично и по отношению к афинянам, и к лакедемонянам, и к человеку, и к богу: подавая Ахиллу совет, и хваля или хуля его, и обвиняя или защищая его – во всех этих случаях нужно брать факты действительные или кажущиеся таковыми, для того чтобы на основании их говорить в смысле хвалы или порицания, если есть что-нибудь прекрасное или постыдное, в смысле обвинения или оправдания, если есть что-нибудь справедливое или несправедливое, и в смысле совета, если есть что-нибудь полезное или вредное. Подобно этому [следует рассуждать] и о всяком другом вопросе, например, о справедливости, есть ли она благо или нет – следует говорить на основании того, что заключается в понятии справедливости и блага. И так как все, по-видимому, таким образом строят доказательства – составляют ли они силлогизмы более строгие или менее строгие (ибо они заимствуют свои доказательства не отовсюду, но из того, что есть в наличности относительно каждого вопроса), и так как ясно, что доказывать иначе с помощью речи невозможно – в виду всего этого, очевидно, необходимо, как [мы сказали это] в «Топике»,

прежде всего иметь наготове относительно каждого вопроса избранные доказательства, касающиеся того, что есть и что наиболее существенно.

А относительно вопросов, возникающих случайно, [следует] разыскивать [доказательства] точно таким же образом, обращая при этом внимание не на что-нибудь неопределенное, но на то, что заключается в вопросе, о котором идет речь, и излагая как можно большее число [доказательств], как можно более близких к делу, ибо чем больше доказательств, основанных на фактах, тем легче доказывать, и чем ближе [они касаются вопроса], тем будут пригоднее и тем менее общи.

Я называю общими [доказательствами], например, восхваление Ахилла за то, что он был человек, или принадлежал к числу полубогов, или что он отправился в поход против Трои; все эти черты принадлежат и многим другим, так что такой человек восхваляет Ахилла несколько не больше, чем Диомида. Частными [доказательствами я называю] то, что ни с кем не случилось, кроме Ахилла, например, [тот факт], что он убил Гектора, лучшего из троянцев, и Кикна, который, будучи неуязвим, мешал всем высаживаться с кораблей, – и [тот факт] что он отправился в поход, будучи самым молодым [из царей] и не будучи связан клятвой – и все тому подобные [доказательства].

Итак, вот один способ избирать [доказательства], и этот способ – первый топический. [Теперь] скажем об элементах

энтимемы; я называю одно и то же элементом и топом энтимемы. И сначала скажем о том, о чем необходимо сказать сначала. Есть два вида энтимем: одни показательные, [показывающие], что что-нибудь существует или не существует, другие – обличительные. Они различаются между собой так же, как в диалектике доказательство и силлогизм. Показательная энтимема есть силлогизм, построенный на основании посылок, признаваемых [противником], а энтимема изобличительная есть силлогизм с посылками, не признаваемыми [противником]. Можно сказать, относительно всех видов вещей полезных и необходимых – есть топы, ибо есть особые посылки относительно каждого [вопроса].

Таким образом, у нас есть заранее установленные топы, на основании которых нужно строить энтимемы о хорошем или дурном, прекрасном или постыдном, справедливом или несправедливом, а равным образом и о характерах, страстях и нравственных качествах.

Рассмотрим еще и с другой точки зрения энтимемы вообще, причем будем говорить о них, различая топы изобличительные, показательные и топы кажущихся энтимем, которые не энтимемы, так как они не силлогизмы. Разъяснив это, разберем вопрос о разрешениях энтимем и о противодействиях им – откуда следует их брать.

Глава XXIII

Различные топы, которыми можно пользоваться в речи для построения энтимем. – Преимущество энтимем обличительных.

Для показательных энтимем один топ заключается в понятии противоположном: нужно смотреть, есть ли для противоположного противоположное, уничтожая [доказательство], если противоположного нет, и строя [доказательство], если противоположное есть, [таково], например, [доказательство], что быть умеренным хорошо, так как быть невоздержным вредно. Или как в Мессенской [речи]: «Если в войне причина настоящих бедствий, то с наступлением мира мы должны оправиться».

Если не справедливо впасть в гнев
на тех, кто сделал нам зло, не желая этого,
То также, если кто-нибудь
по принуждению сделает нам добро,
Не следует считать себя обязанными
благодарностью по отношению к нему.

и:

Если возможно пред людьми
говорить ложь правдоподобным образом,
То следует тебе предполагать
и противоположное —
Что много истинного в глазах людей
является неправдоподобным.

Другой топ [получается] из одинаковых падежей, ибо [в таких случаях] одинаковым образом что-нибудь должно быть или не быть, [таково], например, [утверждение], что не все справедливое хорошо, так как [иначе] все, что делается справедливо, было бы хорошо, а между тем нисколько не желательно справедливо умереть.

Еще один [топ (100) получается] из взаимного отношения двух предметов, например, если факт, что одно из двух лиц совершило прекрасный и справедливый поступок, то факт также, что другое лицо испытало [на себе действие этого поступка], и если [факт, что одно лицо что-нибудь] приказало, то [факт, что другое лицо] исполнило приказание, как, например, [говорил] откупщик податей Диомедонт о податях: «Если вам не стыдно продавать – и нам не стыдно покупать».

И если факт, что испытанный что-нибудь [испытал это] прекрасно и справедливо, то [факт, что] и для совершившего [это прекрасно и справедливо]. Но здесь возможно и невер-

ное заключение, ибо если кто-нибудь по справедливости испытал что-нибудь, то он по справедливости потерпел, но, может быть, ему следовало потерпеть не от тебя именно. Поэтому нужно рассматривать отдельно, достоин ли потерпевший потерпеть и совершивший совершить, а потом уже пользоваться [фактами] в какую из двух сторон следует, ибо в этих случаях иногда получается противоречие, как, например, в «Алкмеоне» Феодекта.

Разве кто из смертных не чувствовал
отвращения к твоей матери?

А он отвечает:

Но здесь следует смотреть [на дело]
с различных точек зрения.

И на вопрос Альфесивии: «Как?» – он отвечает:

Они осудили ее на смерть, но не [присудили]
мне умертвить ее.

[Такого же рода фактом является] и суд над Демосфеном и над убийцами Никанора, так как [судьи] решили, что убийцы его справедливо убили, то показалось, что смерть его была справедлива. То же [можно сказать] и относительно человека, убитого в Фивах, по поводу [смерти] которого [обви-

няемый в убийстве] предлагает рассудить, было ли согласно со справедливостью, чтобы он умер, так как-де не несправедливо убить человека, смерть которого согласна со справедливостью.

Еще один [топ получается] из понятия большего и меньшего, например: если даже боги знают не все, то едва ли [все знают] люди. Это значит, что если чего-нибудь нет [у человека], у которого это должно бы быть в большей степени, то ясно, что [этого] нет [и у человека], обладающего этим в меньшей степени. А [заключение], что бьет своих близких тот, кто бьет своего отца, [выводится] из того, что если есть меньшее, то есть и большее, ибо реже бьют своих отцов, чем своих близких. Можно доказывать или так, или же, если чего-нибудь нет у человека, обладающего этим в большей степени, или если что-нибудь есть у человека, обладающего этим в меньшей степени, нужно показать то и другое, [приходится ли доказывать], что что-нибудь есть, или же, что чего-нибудь нет. [Этот топ имеет силу и в том случае], если чего-нибудь нет ни в большей, ни в меньшей степени [с обеих сторон], почему и сказано:

И твой отец достоин сожаления,
так как он потерял своих детей,
Но не достоин ли сожаления и Иней,
потерявший славного потомка?

И [отсюда также говорят], что если Тезей не совершил

несправедливости, то не [совершил ее] и Александр, и если не [поступили несправедливо] Тиндариды, то не [поступил так] и Александр, и если Гектор [не поступил несправедливо] по отношению к Патроклу, то [не поступил так] и Александр по отношению к Ахиллу. И если другие специалисты по какому-либо делу не ничтожны, то не [ничтожны] и философы. И если не заслуживают презрения полководцы за то, что их часто осуждают на смерть, то не [заслуживают его] и софисты. И что если частному человеку следует заботиться о вашей славе, то и вам следует заботиться о славе греков.

Другой [топ получается] из данных времени, как, например, говорил Ификрат в своей речи против Армодия: если бы я, прежде чем сделать дело, попросил у вас статую, вы бы дали мне ее; и вы не дадите ее, когда я сделал дело? Не обещайте же, когда имеете в виду что-нибудь, и не отнимайте, когда получили желаемое. То же самое [можно сказать] по поводу того, что фивяне должны пропустить Филиппа в Атику, ибо они пообещали бы ему это, если бы он попросил, прежде чем помочь им против фокеян. Не будет никакого смысла, если они не пропустят его потому, что он упустил из виду [возможность сопротивления] и положился на них.

Еще один [топ получается], если сказанное против нас самих мы обратим против сказавшего. Этот способ имеет много преимуществ; как, например, [видно] из трагедии «Тевкр» Ификрат воспользовался этим способом против Аристофонта, спросив его: продал ли бы он за деньги флот?

И затем на отрицательный ответ его сказал: «Ты, Аристофонт, не продал бы, а я, Ификрат, продал бы?» Но [при этом способе] необходимое [условие], чтобы противник казался более способным совершить несправедливость, [чем мы], в противном случае [фраза] показалась бы смешной, например, если бы кто-нибудь сказал это [то есть то, что сказал Ификрат] в ответ на обвинение со стороны Аристида; [этот способ пригоден лишь тогда], когда обвинитель уже пользуется недоверием. Вообще обвинитель желает быть лучше обвиняемого – и с этой стороны его всегда нужно изобличать. Вообще нелепо в других порицать то, что сам делаешь или можешь сделать, или других побуждать делать то, чего сам не делаешь и не можешь сделать.

Еще один [топ получается] из определения понятия, например, что такое [сократовский] «демонион»? Есть ли это божество или создание божества? Впрочем, тот, кто думает, что демонион – создание божества, тот необходимо верит в существование богов. И как [рассуждает] Ификрат, что лучший из людей есть и благороднейший, ибо в Армодии и Аристокитоне не было ничего благородного, прежде чем они совершили нечто благородное. [И в доказательство того], что сам он более сроден [Армодию и Аристокитону], чем его противник [прибавляется]: «мои дела более сродны делам Армодия и Аристокитона, чем твои». И как [говорится] в «Алекса́ндре» – что все согласятся, что люди невоздержанные любят пользоваться телом не одного лица. [Таково же

основание], почему и Сократ не хотел идти к Архелаю: [как он говорил], одинаково оскорбительно не иметь возможности отплатить за оказанное добро и за сделанное зло. Все эти люди [то есть рассуждающие таким образом] строят силлогизмы по поводу того, о чем говорят, дав определение и разобрав, в чем то или другое понятие заключается.

Еще один [топ составляется] на основании нескольких значений [которые может иметь слово], как, например, [мы говорили] в «Топике» о слове «хорошо».

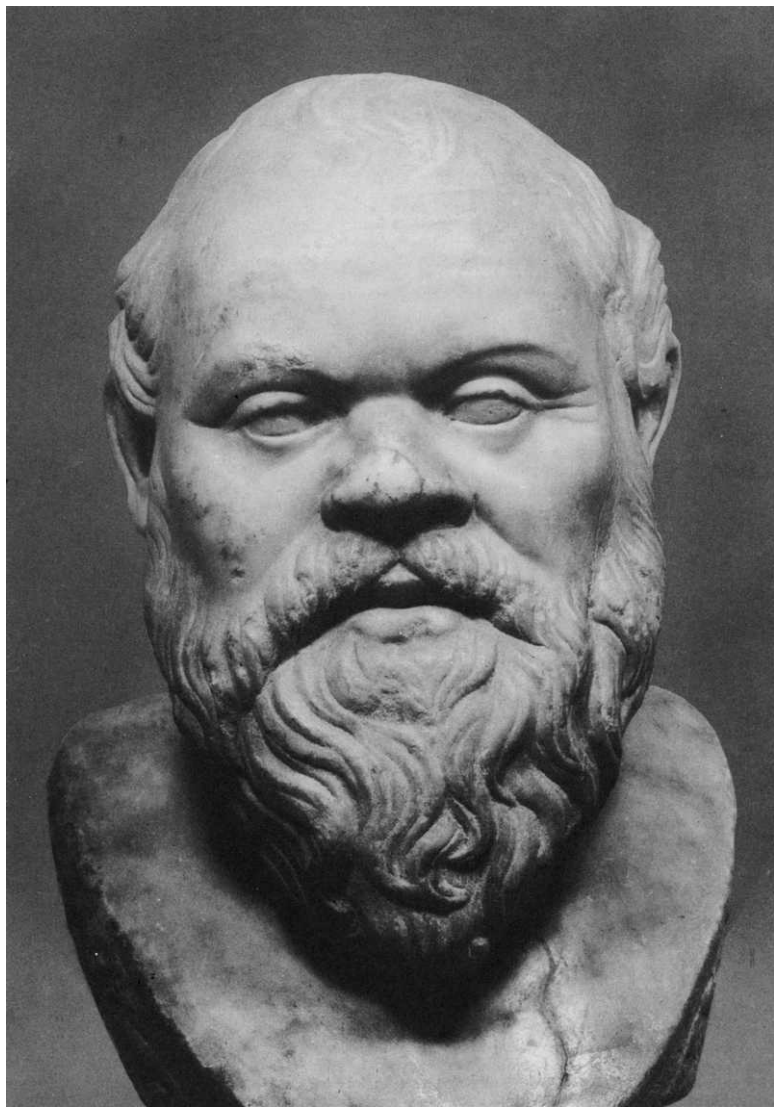
Еще один [топ получается] из разделения, например, если все поступают несправедливо по трем причинам – или по этой, или по той, или по той – по двум первым [поступить несправедливо в данном случае] невозможно, а о третьей не говорят сами [обвинители].

Еще один [топ заимствуется] из наведения, [это видно], например, из пепарифийской речи – что относительно детей везде истину разбирают женщины, так в Афинах, когда оратор Мантий начал тяжбу против сына, выяснила дело мать, так и в Фивах Додонида разрешила спор Исминия и Сильвона, указав, что ребенок сын Исминия и потому Фетталиска признали сыном Исминия. То же [видно] и из «Закона» Феодекта: если мы не доверяем своих лошадей людям, которые дурно смотрели за лошадьми других лиц, и своих кораблей людям, погубившим корабли других лиц, и если во всех случаях [нужно поступать] одинаково – то не должно для собственного спасения пользоваться помощью людей, которые

дурно охранили благополучие других лиц. И как Алкидамант [доказывает], что все почитают мудрецов: паросцы почитали Архилоха, хотя он был клеветник, хиосцы – Гомера, хотя он не был их согражданином, митиленцы – Сафо, хотя она была женщина, лакедемоняне избрали Хилона в число геронтов, хотя чрезвычайно мало любили науки, италийцы – Пифагора, жители Лампсака похоронили Анаксагора, хотя он был чужестранец, и, почитают его и поныне... что афиняне пользовались благополучием, пока руководствовались законами Солона, а лакедемоняне – пока руководствовались законами Ликурга, что, точно также, как только в Фивах во главе правления стали философы, в государстве наступило благополучие.

Еще один [топ берется] из приговора, [произнесенного] по поводу такого же самого [дела] или подобного, или противоположного, особенно, если [его произносят] все и всегда, если же нет, то если [его произносит] большинство людей, или люди мудрые – или все, или большинство их, или люди хорошие и сами судьи, или люди, мнению которых судьи придают вес, или люди, решению которых противоречить невозможно, например, людям, власть имеющим, или те, с решением которых расходиться нехорошо, например, с богами, отцом, наставниками, как Автокл говорил против Миксидимида: если Евменидам угодно было явиться пред судом Ареопага, Миксидимиду это не [удовно]? Или как Сафо [доказывала], что смерть есть зло: сами боги так думают, ибо

[иначе] они умирали бы, [как мы]. Или как Аристипп [заметил] Платону, высказавшемуся по поводу чего-то слишком, как он думал, самонадеянно: наш товарищ [не сказал бы] ничего подобного, – разумея Сократа. И Игасиполид в Дельфах спрашивал бога, предварительно спросив оракула в Олимпии, такого ли же он [Аполлон] мнения, как и его отец, так как постыдно сказать что-нибудь противоположное. И как Исократ писал о Елене, что она была добродетельна, если Фисей признал [ее таковой], и об Александре, которому отдали предпочтение богини, и об Евагоре, что он добродетелен, как говорит Исократ, ибо Конон, впад в бедственное положение, оставил всех остальных и пришел к Евогору.

Сократ

Еще один [топ проистекает] из частей, как в «Топике» [решается вопрос о том], какое движение есть душа? Потому что она есть движение такое или другое. Пример этого можно заимствовать из Феодектова «Сократа», [где говорится]: против какой святыни он согрешил? Кому из богов, почитаемых государством, не выказал почтения?

Так как по большей части случается, что за одним и тем же следует или что-нибудь хорошее, или что-нибудь дурное, то еще один топ [заключается] в убеждении или отсоветовании чего-нибудь, обвинении или защите, восхвалении или порицании, на основании его последствий, например, [если сказать], что образование влечет за собой нечто дурное: [человек] делается предметом зависти – и нечто хорошее: он становится мудрым. Итак, не следует быть образованным, ибо не следует быть предметом зависти, однако следует быть образованным, ибо следует быть мудрым.

Этот топ составлял искусство Каллиппа, который кроме того пользовался еще доказательством от возможного и другими [доказательствами], о которых мы говорили.

Еще один [топ возникает тогда], когда нужно советовать или отсоветовать какие-нибудь две вещи – и притом противоположные и прилагать к обеим указанный сейчас способ. Разница [между указанным и настоящим случаем та], что там противопологаются все равно какие элементы, а здесь

– действительные противоположности, например, одна жрица не позволяла своему сыну говорить политические речи, говоря: «Если ты будешь говорить справедливое, тебя возненавидят люди, а если несправедливое – боги». Но [можно также сказать, что] должно говорить такие речи, ибо если ты будешь говорить справедливое, тебя любят боги, если несправедливое – люди. Это совершенно тождественно с пословицей: «покупать болото и соль». Когда за каждой из двух противоположных вещей следует и [некоторое] добро, и [некоторое] зло, [причем и те и другие последствия] взаимно противоположны – это называется толкование в двух противоположных смыслах (собственно, кривизна ног, выгнутых – одна в одну, другая в другую сторону).

Еще один [топ получается], когда люди не одно и то же хвалят на словах и про себя, но на словах хвалят преимущественно все справедливое и прекрасное, а про себя более желают полезного – здесь можно строить двоякий силлогизм; этот способ наиболее пригоден по отношению к парадоксам.

Еще один [топ вытекает] из заключения, что по аналогии получалось бы то-то, как, например, когда сына Ификрата, по возрасту еще очень молодого, хотели заставить принимать участие в государственных повинностях, на том основании, что он велик ростом, то Ификрат сказал, что если они детей, высоких ростом, считают мужами, то признают людей, низких ростом, за детей. И [как] Феодект [говорил] в своем «Законе»: «Вы даете право гражданства наемникам, напри-

мер, Страваку и Харидиму, за их доблесть, и не отправите в изгнание тех из наемников, которые совершили ужасные дела?»

Еще один [топ получается] из [рассуждения], что если последствия чего-нибудь тождественны, то и причины, вызвавшие их, также тождественны, как, например, Ксенофан говорил, что одинаково богохульствуют те, кто утверждает, что боги родились, и те, кто утверждает, что боги умирают, ибо в том и в другом случае выходит, что в известное время боги не существуют.

Вообще [нужно] утверждать, что следствия всякой [причины] всегда тождественны: вам предстоит изречь приговор не об Исократе, а о занятии: следует ли заниматься философией. [Точно так же можно сказать], что «давать землю и воду значит отдать себя в рабство» и что «участвовать в общем мире значит исполнять условленное». При этом [из двух способов] нужно брать тот, который полезен.

Еще один [топ получается] вследствие того, что люди не всегда впоследствии держатся такого же образа мыслей, какого [держались] раньше, но противоположного, как, например, в следующей энтимеме: «Если, находясь в изгнании, мы сражались, чтобы вернуться в отечество, неужели по возвращении в отечество мы снова отправимся в изгнание, чтобы не сражаться?» [На самом же деле] иногда люди предпочитали оставаться в отечестве с тем, чтобы взамен этого сражаться, а иногда [предпочитали] не сражаться [и покупали

это право] ценою изгнания.

Еще один [топ заключается] в утверждении, что что-нибудь есть или произошло вследствие того, вследствие чего могло быть или произойти, например, что кто-нибудь подарил [что-нибудь] какому-нибудь лицу с той целью, чтобы огорчить потом это лицо, отняв [у него подарок], отчего и говорится:

Многим людям божество посылает
много удач не по своей благосклонности,
Но для того, чтобы они подверглись
более явным бедам.

Отсюда также слова из [трагедии] «Мелеагр» Антифонта:

[Они собрались здесь], не для того,
чтобы убивать зверей,
Но для того, чтобы стать свидетелями
доблести Мелеагра перед Грецией.

Отсюда также слова из Феодектова «Эанта», что Диомид избрал себе товарищем Одиссея не потому, что уважал его, но с тою целью, чтобы его спутник уступал ему в мужестве, потому что возможно предположение, что он так сделал именно поэтому.

Еще один [топ], общий при тяжбах и совещаниях, [заключается] в рассмотрении обстоятельств, способствующих

и препятствующих, а также тех, под влиянием которых люди что-нибудь делают или избегают делать; таковы обстоятельства, при наличии которых нужно делать что-нибудь, а при отсутствии – нужно не делать, например, если что-нибудь возможно, легко и полезно или для самого человека, или для его друзей, или же вредно и невыгодно для врагов, или же если наказание [за проступок] меньше самого проступка. Люди побуждают, исходя из этих [мотивов], и отклоняют, исходя из [мотивов] противоположных. Исходя из тех же самых [мотивов], люди обвиняют и оправдываются: оправдываются, опираясь [на обстоятельства], препятствующие [совершению чего-нибудь], и обвиняют, опираясь на [обстоятельства] способствующие. Этот способ составляет все искусство Памфила и Каллиппа.

Еще один [топ получается] из вещей, которые, по – видимому, совершаются, но кажутся сами по себе невероятными; [топ этот основывается на том], что данные вещи не представлялись бы такими, если бы они не существовали или не были близки [к осуществлению]. И еще более [он основан на том], что люди верят в то, что существует или что правдоподобно; если же что-нибудь не возбуждает доверия и неправдоподобно, то оно все-таки может быть истинным, ибо вещь представляется такой [то есть истинной], не потому что она возможна и правдоподобна, как например, сказал Андрокл из Питфы, осуждая закон, когда в ответ на его слова раздался шум: «Законы нуждаются в законе, который бы их исправил,

потому что и рыбы нуждаются в соли, хотя представляется невозможным и неправдоподобным, чтобы нуждались в соли существа, питающиеся соленостью, – и оливы [нуждаются в масле, хотя кажется невероятным, чтобы в масле нуждалось] то, из чего масло происходит».

Другой [топ] – изобличительный [заключается] в рассмотрении противоречий, если какое-нибудь противоречие очевидно изо всех времен, поступков и речей, и его или [можно приписать] противнику, например: он говорит, что любит вас, а между тем он участвовал в заговоре тридцати – или [отнести] к самому себе, например: он говорит, что я люблю тяжбы, но не может доказать, чтобы я когда-нибудь вел хотя бы одну тяжбу, или к самому себе и к противнику, например: «Этот человек никогда ничего не ссужал, а я освободил [от рабства] многих из вас».

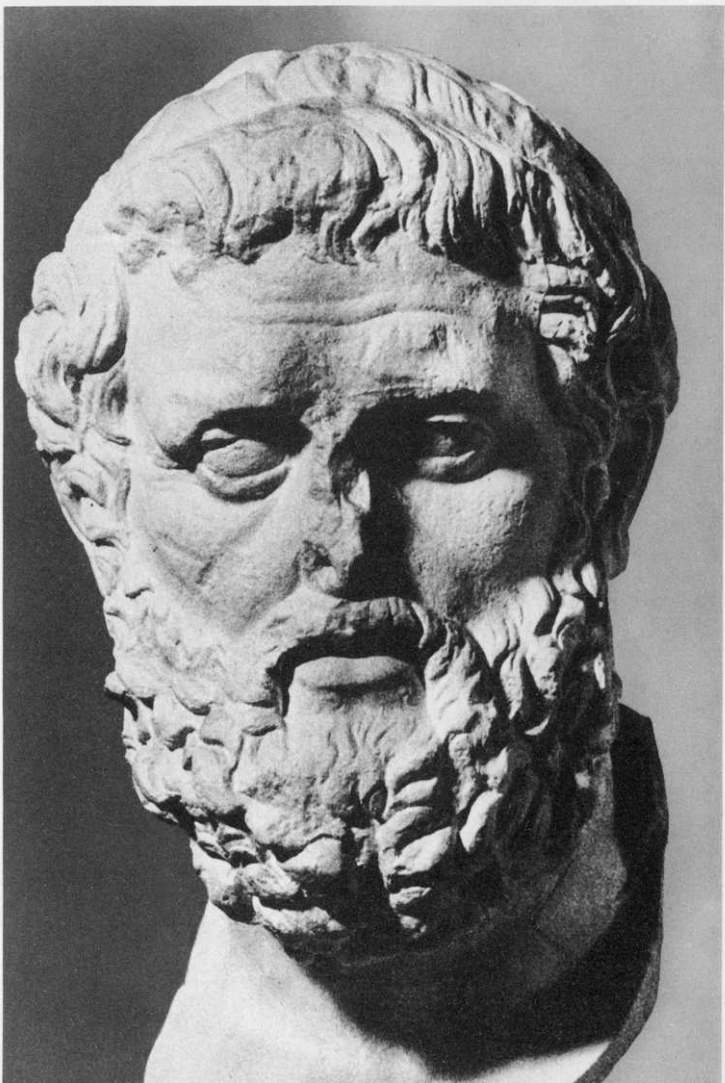
По отношению к людям и вещам, о которых раньше действительно или по-видимому создавалась клевета, есть еще один топ, заключающийся в изложении причины извращенного мнения, ибо [всегда] есть нечто, вследствие чего это так кажется. Так, например, о какой-то женщине, вследствие того, что она целовала своего сына, распространился слух, что она в связи с мальчиком, но когда была высказана причина этого, то клевета уничтожилась. И еще как в Феодектовом «Эанте» Одиссей говорит Эанту, почему он, будучи мужественнее Эанта, не кажется [таковым].

Еще один [топ проистекает] из причины, [он заключается

в доказательстве], и что что-нибудь есть, если есть [его причина], что чего-нибудь нет, если нет [причины]; ибо причина и то, чему она служит причиной, сосуществуют, и ничто не существует без причины; так например, Леодамант, оправдываясь против обвинения Фрасивула в том, что имя его было начертано на колонне в Акрополе и что он стер надпись при Тридцати, сказал, что это не имеет смысла, ибо Тридцать более доверяли бы ему, если бы о его ненависти к народу было написано [на колонне].

Еще один [топ заключается] в обсуждении, нельзя ли было или нельзя ли теперь сделать иначе и лучше, чем советуют, или делают, или сделали, ибо очевидно, что если это так, то [человек] не сделал [того-то], так как никто добровольно и сознательно не предпочитает дурное. Но такое [рассуждение] неверно, ибо часто потом становится очевидно, как было лучше сделать, а сначала это было неясно.

Еще один [топ], когда люди намерены сделать что-нибудь противоположное сделанному раньше, [заключается] в рассмотрении вместе [того и другого], как, например, Ксенофан на вопрос Элеатов, нужно ли им приносить жертвы Левкофее и оплакивать ее, или нет, посоветовал не оплакивать [ее], если они считают ее богиней, если же человеком, то не приносить ей жертв.

Софокл

Еще один [топ заключается] в обвинении или оправдании на основании сделанных ошибок, как, например, в «Медее» Каркина. Медею обвиняют в том, что она убила своих детей, ибо они не появляются; Медея совершила проступок, выразившийся в удалении детей. Она же оправдывается тем, что она убила бы не детей, но Ясона, что она сделала бы ошибку, не исполнив этого, если бы она и сделала другое. Этот топ и вид энтимемы составляли первоначально все искусство Федора.

Другой [топ заимствуется] от имени, как, например, Софокл говорит:

Это – точно Сидеро, к тому же
и носящая это имя.

Так обыкновенно говорят в хвалениях богам, так и Конон называл Фрасивула смелым на совет, и Иродик говорил Фрасимаху: «Ты всегда смел в борьбе», и Полу: «Ты всегда жеребенок». [Он говорил] также о законодателе Драконе: это законы не человека, а Дракона, так они суровы. И как Экава у Еврипида [говорит] об Афродите:

И имя богини по справедливости
начинается с безумия.

И как Херимон [говорит]:

Пенфей, получивший имя
от грядущего бедствия.

Из энтимем большей известностью пользуются изобличительные, чем показательные, ибо изобличительная энтимема есть свод вкратце противоположных мнений, которые, находясь рядом, становятся яснее для слушателя. Но из всех силлогизмов – изобличительных и показательных – всего более впечатления производят те, которые с самого начала предугадываются слушателями, но не потому, что они поверхностны: (слушатели) сами радуются, заранее предчувствуя [заключение] – а также те, которые являются [в речи] так поздно, что слушатели понимают их, как только они произнесены.

Глава XXIV

Кажущиеся энтимемы. – Различные топы, которыми можно пользоваться для кажущихся энтимем.

Так как возможны случаи, когда одно есть силлогизм, а другое не есть [силлогизм], а только кажется [им], то, необходимо, также одно есть энтимема, а другое не есть энтимема, но кажется [ею], ибо энтимема есть некоторого рода силлогизм. Из топов кажущихся энтимем один касается способа выражения: один вид [этого топа заключается в том], чтобы как и в диалектике, окончательно выводить заключение, не построив силлогизма, [например]: «Итак, того-то и того-то нет, следовательно, то-то и то-то необходимо есть». Такое рассуждение, сжатое и противоположное [энтимемам], кажется энтимемой, ибо такой способ выражения относится к области энтимемы. Он представляется [энтимемой] по самой схеме выражения. Для того, чтобы придать изложению силлогистическую форму, полезно приводить главные выводы многих силлогизмов, например, что он спас одних, отметил другим, освободил греков. Каждый из этих выводов до-

казан из других [положений], но если [эти выводы] соединить, то кажется, что и из них получается какой-то [вывод].

Другой вид энтимем [кажущихся] основан на сходстве названий, например, если сказать, что мышь – совершенное животное, так как от имени ее названо самое уважаемое из всех таинств, ибо мистерии – самое уважаемое из всех таинств. Или если кто-нибудь, восхваляя собаку, сопоставит с ней небесное созвездие Собаки или Пана, на том основании, что Пиндар сказал:

Блажен, кого олимпийские боги называют
всеизменяющимся псом великой богини.

Или из того, что «крайне позорно не иметь ни одной собаки», заключить, что, очевидно, собака – существо почтенное. Или если сказать, что Гермес самый общительный из всех богов, потому что он один называется «общим» Гермесом. Или если сказать, что речь выше всего, на том основании, что хорошие люди достойны уважения, а не богатства; это выражение «достойный слова» употребляется не просто [то есть не в одном только смысле].

Другой [топ заключается в том], чтобы в речи сопоставлять разъединенное или же разъединять связанное между собой; так как часто вещи кажутся тождественными, не будучи таковыми, то следует делать то, что полезнее. Таково рассуждение Евфидема, например, что он знает, что в Пи-

рее есть триира, ибо он знает о существовании каждого [из этих двух предметов]. Или [если сказать], что знающий буквы знает и слово, так как слово есть то же самое. Или утверждение, что если двойное количество чего-нибудь вредно, то и вдвое меньшее количество не может быть здорово, ибо нет смысла, чтобы две хорошие вещи могли составить одну дурную. В такой форме [энтимема] есть изобличение, но она будет показанием в следующей форме: «Потому что одна хорошая вещь не может составить двух дурных». Весь этот топ сводится к паралогизму. Таковы и слова Поликрата к Фрасивулу, что он ниспроверг тридцать тиранов, ибо здесь Поликрат соединяет вещи в одно. Таковы и слова в «Оресте» Феодекта, ибо они получаются из разъединения [а именно]: «Справедливо, чтобы умерла женщина, убившая своего мужа, и чтобы сын отомстил за отца».

И не это ли и было сделано? Но соединенное вместе это уже не имеет характера справедливого [то есть чтобы жену убил сын, мстя за отца]. Это может произойти и от пропуска, ибо не объяснено, кем она [должна быть убита].

Еще один топ [заключается] в установлении или отрицании факта с помощью страха. Это бывает тогда, когда [оратор], не показав еще, что [кто-нибудь вообще] совершил [данный проступок], преувеличит дело, ибо это заставляет думать, или что [обвиняемый] не сделал этого, когда дело преувеличивает обвиняемый, или что [обвиняемый] сделал это, если обвинитель таким образом выражает свой гнев. Это

не есть энтимема, так как слушатель ошибочно рассуждает, что [обвиняемый] сделал что-нибудь или не сделал чего-нибудь, между тем как [дело] не доказано.

Еще один [топ получается] из признака, так как и здесь нет силлогизма, например, если кто-нибудь говорит, что влюбленные полезны для государств, на том основании, что любовь Армодия и Аристокитона ниспровергла тирана Иппарха. Или если кто-нибудь говорит, что Дионисий – вор, на том основании, что он дурной человек, это не есть [правильный] силлогизм, ибо не всякий дурной человек – вор, но всякий вор – дурной человек.

Еще один [топ получается] от совершенно случайных обстоятельств, как, например, говорит Поликрат о мышах, что они оказались полезными, перегрызая тетивы. Или если бы кто-нибудь сказал, что высший почет быть приглашенным на пир, ибо Ахилл в Тенедосе разгневался на ахейян, именно оттого, что не получил приглашения; он разгневался за нанесенное ему оскорбление, и это случилось [то есть оскорбление было нанесено] путем неприглашения.

Еще один [топ образуется] на основании последствий, таково, например, в вопросе о Парисе заключение, что он – великодушный человек, на том основании, что он, презрев общество толпы, проводил время сам с собой на Иде: так как великодушные люди таковы, то и он может показаться великодушным. Или [заключение, что такой-то человек] прелюбодей, на том основании, что он любит наряжаться и про-

гуливается по ночам, ибо [прелюбодеи] отличаются этими свойствами. Подобно тому и [рассуждение], что так как нищие поют и пляшут в храмах и так как изгнанники могут жить, где пожелают, и так как это бывает с людьми, которые кажутся счастливыми, то и люди, с которыми это бывает, [то есть нищие и изгнанники] могут показаться счастливыми. Вся разница [здесь] в том, «как» это [бывает]; поэтому [этот топ] совпадает с [топом] выпущение.

Еще один [топ заключается в признании) причиной того, что не есть причина, например, [если что-нибудь признается причиной] на том основании, что случилось одновременно с данной вещью или после нее: «после этого» принимается в смысле «вследствие этого», и особенно в делах государственных, как, например, Димад [считал] управление Демосфена причиной всевозможных бед, на том основании, что после его управления началась война.

Еще один [топ образуется] с помощью опущения обстоятельств времени и образа действий, [таково] например, [доказательство], что Александр по справедливости похитил Елену, потому что отец предоставил ей выбор [супруга], но, может быть, не навсегда, [то есть предоставил выбор], а только на первый раз, ибо отец имеет власть только до этого предела. Или если кто скажет, что бить свободных людей преступление: [это будет преступлением] не во всех случаях, но лишь в том случае, если кто-нибудь противно справедливости начинает рукопашную.

Кроме того здесь, как в речах софистического характера, является кажущийся силлогизм вследствие представления некоторых вещей абсолютными или неабсолютными, а условными, как, например, в диалектике [доказывается], что существует несуществующее, ибо существующее существует, как несуществующее или что неведомое ведомо, ибо неведомое ведомо, как неведомое. Точно так же и в риторике кажущаяся энтимема является в приложении не к абсолютно правдоподобному, но к правдоподобному относительно. Это не есть полное понятие, как говорит и Агафон:

Пожалуй, можно назвать правдоподобным и то,
Что со смертными случается
много неправдоподобных вещей.

Ибо случаются вещи противно правдоподобному, так что неправдоподобное делается правдоподобным. Если это так, то неправдоподобное станет правдоподобным, но не безотносительно: как в речах софистического характера опущение предмета, [о котором идет речь] цели и образа действий производит обман, так и здесь [ложное заключение получается] вследствие того, что правдоподобное здесь есть правдоподобное не абсолютно, а относительно.

Из этого топа слагалось искусство Корака: «[Он пригоден и в том случае], если [обвиняемый] непричастен взводимому на него обвинению, как, например, если в нанесении побоев обвиняется человек слабый, [его можно защи-

щать], на том основании, что это неправдоподобно, и в том случае, если он причастен, например, если обвиняется человек сильный, [есть основание для защиты] на том основании, что это неправдоподобно, ибо должно было показаться правдоподобным». То же [бывает] и в других случаях: человек необходимо всегда или причастен, или не причастен обвинению, и то и другое кажется правдоподобным, причем первое правдоподобно [безотносительно], а второе небезотносительно, а так, как мы сказали [выше].

Это и есть то, что называется черное делать белым. Вследствие этого люди по справедливости порицали профессию Протагора: она представляет собою ложь и не истинно правдоподобное, а кажущееся таковым, которое [нельзя найти] ни в одном искусстве, кроме риторики и софистики.

Итак, мы сказали об энтимемах, настоящих и кажущихся. Теперь в связи [со сказанным] следует сказать об уничтожении энтимем.

Глава XXV

Два способа уничтожения силлогизмов. Можно уничтожить [силлогизм], или построив противоположный силлогизм, или сделав возражение. Что касается противоположного силлогизма, то очевидно, что его можно составлять на основании тех же самых топов, [какие мы указали], ибо силлогизмы должны состояться из вероятных положений, и многие, кажущиеся таковыми, положения противоположны одно другому. Возражения, как и в «Топике», делаются четырьмя способами: [они заимствуются] или из самого предмета, или из подобного ему, или из противоположного, или из предметов, уже обсужденных. Я называю [возражением, заимствованным] из самого предмета, например, такой случай: если по поводу любви составлена энтимема в том смысле, что любовь прекрасна, то [возможно] двоякое возражение: [возможно] или сказать вообще, что всякий недостаток [есть нечто] дурное, или [заметить] в частности, что не было бы выражения, «любовь Кауновская», если бы не могло быть случаев и дурной любви.

[Возражение заимствуется и из понятия противополож-

ного [данному], например, в том случае, если составлена энтимема, что хороший человек благодетельствует всем своим друзьям; [можно возразить], что и дурной человек не делает зла своим друзьям.

[Возражение заимствуется] от понятия подобного, например, в том случае, если составлена энтимема, что люди, которым сделали зло, всегда полны ненависти; на это [можно возразить], что люди, которым сделали добро, не всегда полны любви.

Постановления знаменитых мужей [служат возражением], например, в том случае, если бы кто-нибудь сказал энтимеме, что пьяным нужно прощать, ибо они совершают проступки, не ведая, что творят. Возразить [на это можно], что [в таком случае] Питтак не заслуживает одобрения, ибо в противном случае он не постановил бы закона о больших наказаниях в тех случаях, когда кто-нибудь совершит проступок в пьяном виде.

Итак, энтимемы вытекают из четырех источников, а эти четыре источника суть: правдоподобие, пример, доказательство, признак. Энтимемы, составленные на основании того, что бывает действительно или по-видимому, по большей части суть энтимемы, основанные на правдоподобии. Энтимемы, [которые составляются] с помощью наведения на основании подобия одного или многих случаев, – когда мы, взяв общее положение, затем делаем заключение к частному случаю, суть [энтимемы, основанные] на примере. Энтимемы,

составленные с помощью понятия необходимого и вечно сущего, [суть энтимемы, опирающиеся] на доказательство. Энтимемы, [образованные] с помощью признаков, суть энтимемы, вытекающие из понятия общего и частного – существующего и несуществующего.

Правдоподобие есть нечто такое, что бывает не всегда, но по большей части. Очевидно, что подобные энтимемы всегда можно уничтожить, противопоставив им возражение, причем возражение не всегда есть действительное, а [может быть] и кажущееся, так как возражающий уничтожает энтимему не потому, что она неправдоподобна, но потому что она не необходима. Поэтому-то употребление этого паралогизма всегда выгоднее для защищающегося, чем для обвиняющего, так как обвиняющий доказывает с помощью правдоподобного, а не одно и то же уничтожить [энтимему], потому что она неправдоподобна или потому, что она не необходима: то, что бывает по большей части, всегда подает повод к возражению, ибо в противном случае оно не было бы правдоподобно, а было бы всегда и имело бы характер необходимости. Раз [энтимема] таким образом, уничтожена, судья думает, что дело неправдоподобно, или что оно подсудно не ему, употребляя здесь паралогизм, как мы говорили; ибо он должен судить не только на основании необходимого, но и на основании правдоподобного; это и значит судить по своему лучшему разумению.

Недостаточно, если решено, что что-нибудь не необходи-

мо, но нужно доказать, что оно неправдоподобно. Это удастся в том случае, если возражение будет более основано на том, что бывает по большей части. Такой характер оно может иметь в зависимости от двух условий: времени или самого дела, и всего лучше, если [это бывает вследствие наличности] обоих [условий] вместе, ибо если [какая-нибудь вещь] часто бывает таким образом, то она является более правдоподобной.

Признаки и указанные нами энтимемы, основанные на признаках, даже если они действительно существуют, уничтожаются, как было сказано в начале. А что никакой признак не представляет почвы для силлогизма, это для нас ясно из «Аналитики».

Для уничтожения [энтимем], основанных на примере, употребляется то же, что для энтимем, основанных на правдоподобии: раз у нас есть налицо что-нибудь несогласное [с примером], [энтимема] уже уничтожена в том смысле, что [этот пример] не имеет характера необходимости, если даже большей частью или часто [дело бывает] иначе. Если же большая часть вещей и в большем числе случаев [происходит] так [то есть, как говорит противник], то нужно спорить, [доказывая], что данный случай не походит [на те случаи] или что он [произошел] не при одинаковых [с ними] условиях, или что вообще он чем-нибудь отличается от них.

Что касается доказательств и энтимем, основанных на доказательстве, то их нельзя уничтожать на том основании, что

они не представляют почвы для силлогизма; и это для нас очевидно из «Аналитики». Остается доказывать, что утверждаемое не существует на самом деле. Раз очевидно, что [такая вещь] существует на самом деле и что она есть доказательство, [энтимема] не может быть уничтожена, ибо доказательство во всех отношениях становится ясным.

Глава XXVI

Преувеличение и умаление.

Преувеличение и умаление не представляют собой элементов энтимемы; я разумею одно и то же под элементом и топом; элемент и топ есть то, что включает в себе много энтимем. Преувеличение и умаление сами представляют собой энтимемы для доказательства, что что-нибудь велико или мало, точно так же, как [для доказательства], что что-нибудь хорошо или дурно, справедливо или несправедливо или что-нибудь подобное. Все это представляет собой предметы, которых [касаются] силлогизмы и энтимемы, так что если каждый из этих предметов не представляет собой топа энтимемы, то и преувеличение и умаление [также не имеют этого свойства].

И энтимемы, которые можно уничтожить, не представляют собой какого-нибудь особого вида энтимемы, ибо очевидно, что уничтожает энтимему человек, доказавший что-нибудь или сделавший какое-нибудь возражение, а [его противники], наоборот, доказывают противное как, например, ес-

ли [первый] доказал, что что-нибудь было, второй [старается доказать], что этого не было, или если [первый доказал], что чего-нибудь не было, второй [доказывает], что что-нибудь было. Таким образом в этом, пожалуй нет различия, ибо и тот, и другой пользуются одними и теми же [средствами], [именно], они приводят энтимемы в доказательство того, что что-нибудь не есть или есть, возражение же не есть энтимема, но, как [мы объяснили] в «Топике», оно представляет собой произнесение какого-нибудь мнения, из которого будет очевидно, что [противник] не вывел заключения [согласно с правилами силлогизма] или что он признал какое-нибудь ложное положение [за истинное].

Так как есть три пункта, на которые следует обращать внимание при составлении речи, мы считаем, что сказали достаточно о примерах, изречениях, энтимемах и вообще обо всем, что касается мыслительной способности, нам остается изложить способ произнесения и построения речи.

Книга III

Глава I

О стиле

Три основных вопроса, касающиеся риторического искусства. – Стиль (декламация), три качества, обуславливающие его достоинство. – Важное значение стиля. – Разница между стилем поэтическим и стилем риторическим.

Есть три пункта, которые должны быть обсуждены по отношению к ораторской речи: во-первых, откуда возникнут способы убеждения, во-вторых, о стиле, в-третьих, как следует строить части речи. Мы говорили уже о способах убеждения, и [о том], из скольких [источников они возникают], [а именно], что они возникают из трех [источников], и о том, каковы эти [источники] и почему их только такое число (так как все, произносящие судебный приговор, убеждаются в чем-либо или потому, что сами испытали что-нибудь, или потому, что понимают ораторов, как людей такого-то нрав-

ственного склада, или потому, что [дело] доказано). Мы сказали также и о том, откуда следует почерпать энтимемы, так как [источниками для них служат] или частные энтимемы, или топы.

В связи с этим следует сказать о стиле, потому что недостаточно знать, что следует сказать, но необходимо также сказать это, как должно; это много способствует тому, чтобы речь произвела нужное впечатление.

Прежде всего, согласно естественному порядку вещей, поставлен был вопрос о том, что по своей природе является первым, то есть о самих вещах, из которых вытекает убедительное, во-вторых, о способе расположения их при изложении. Затем, в-третьих, [следует] то, что имеет наибольшую силу, хотя еще не было предметом исследования – вопрос о декламации. В трагедию и рапсодию [действие] проникло поздно, а сначала поэты сами декламировали свои трагедии. Очевидно, что и для риторики есть условия, подобные условиям для поэтики, о чем трактовали некоторые другие, в том числе Главкон Тиосский.

Действие заключается здесь в голосе; [следует знать], как нужно пользоваться голосом для каждой страсти, например, когда следует [говорить] громким голосом, когда тихим, когда средним, и как нужно пользоваться интонациями, например, пронзительной, глухой и средней, и какие ритмы [употреблять] для каждого данного случая. Здесь есть три пункта, на которые обращается внимание: сила, гармония и ритм.

И на состязаниях одерживают победу преимущественно эти, [то есть ораторы, отличающиеся в этом]. И как на сцене актеры значат больше, чем поэты, [так бывает] и в политических состязаниях, благодаря испорченности государств. Относительно этого еще не создано искусства, так как стиль поздно выдвинулся вперед и в самом деле представляется чем-то грубым.

Так как все дело риторики направлено к возбуждению [того или другого] мнения, то следует заботиться о стиле, не как о чем-то, заключающем в себе истину, а как о чем-то необходимом, ибо всего справедливее стремиться только к тому, чтобы речь не причиняла ни печали, ни радости: справедливо сражаться оружием фактов, так, чтобы все, находящееся вне области доказательства, становилось излишним. Однако, как мы сказали, [стиль] оказывается весьма важным вследствие нравственной испорченности слушателя. При всяком обучении стиль необходимо имеет некоторое небольшое значение, потому что для выяснения [чего-либо] есть разница в том, выразишься ли так или этак; но все-таки [значение это] не так велико, [как обыкновенно думают]: все это относится к внешности и касается слушателя, поэтому никто не пользуется этими приемами при обучении геометрии.

А раз ими пользуются, они производят такое же действие, как искусство актера. Некоторые лица пробовали слегка говорить об этом, например, Фрасимах в своем трактате «О

возбуждении сострадания». Искусство актера дается природой и менее зависит от техники; что же касается стиля, то он приобретает техникой. Поэтому-то лавры достаются тем, кто владеет словом, точно так же, как в области драматического искусства [они приходятся на долю] декламаторов. И сила речи написанной заключается более в стиле, чем в мыслях.

Поэты первые, как это и естественно, пошли вперед [в этой области]: слова представляют собой подражание, а из всех наших органов голос наиболее способен к подражанию; таким-то образом и возникли искусства: рапсодия, драматическое искусство и другие. Но так как поэты, трактуя об обыденных предметах, как казалось, приобретали себе славу своим стилем, то сначала создан поэтический стиль, как, например, у Горгия. И теперь еще многие необразованные люди полагают, что именно такие люди выражаются всего изящнее. На самом же деле это не так, и стиль в ораторской речи и в поэзии совершенно различен, как это доказывают факты: ведь даже авторы трагедий, уже не пользуются теми же оборотами, [какими пользовались прежде], а подобно тому, как они, перешли от тетраметра к ямбу, на том основании, что последний более всех остальных метров подобен разговорному языку; точно так же они отбросили все выражения, которые не подходят к разговорному языку, но которыми первоначально они украшали свои произведения и которыми еще и теперь пользуются поэты, пишущие гекзамет-

рами. Поэтому смешно подражать людям, которые уже и сами не пользуются этими оборотами.

Отсюда ясно, что мы не обязаны подробно разбирать все, что можно сказать по поводу стиля, но должны сказать лишь о том, что касается искусства, о котором мы говорим. Об остальном мы сказали в сочинении о поэтическом искусстве.

Глава II

Достоинство стиля – ясность. – Выражения, способствующие ясности стиля.

Что годится для речи стихотворной и что для прозаической? – Какие выражения должно употреблять в речи прозаической? – Употребление синонимов и омонимов. – Употребление эпитетов и метафор. – Откуда следует заимствовать метафоры? – Как следует создавать эпитеты?

Рассмотрев это, определим, что достоинство стиля заключается в ясности; доказательством этого служит то, что, раз речь не ясна, она не достигнет своей цели. [Стиль не должен быть] и ни слишком низок, ни слишком высок, но должен подходить [к предмету речи]; и поэтический стиль, конечно, не низок, но он не подходит к ораторской речи.

Из имен и глаголов те отличаются ясностью, которые вошли во всеобщее употребление. Другие имена, которые мы перечислили в сочинении, касающемся поэтического искусства, делают речь не низкой, но изукрашенной, так как отступление [от речи обыденной] способствует тому, что речь

кажется более торжественной: ведь люди так же относятся к стилю, как к иноземцам и своим согражданам. Поэтому-то следует придавать языку характер иноземного, ибо люди склонны удивляться тому, что [приходит] издалека, а то, что возбуждает удивление, приятно. В стихах многое производит такое действие и годится там, [то есть в поэзии], потому что предметы и лица, о которых [там] идет речь, более удалены [от житейской прозы]. Но в прозаической речи таких средств гораздо меньше, потому что предмет их менее возвышен; здесь было бы еще неприличнее, если бы раб, или человек слишком молодой, или кто-нибудь, говорящий о слишком ничтожных предметах, выражался возвышенным слогом. Но и здесь прилично говорить то, принижая, то возвышая слог, сообразно [с трактуемым предметом], и это следует делать незаметно, делая вид, будто говоришь не искусственно, а естественно, потому что естественное способно убеждать, а искусственное напротив. [Люди] недоверчиво относятся к такому [оратору], как будто он замышляет [что-нибудь против них], точно так же, как к подмешанным винам. [Стиль оратора должен быть таков], каким был голос Феодора по сравнению с голосами других актеров: его голос казался голосом того человека, который говорил, а их голоса звучали совершенно чуждо. Хорошо скрывает [свое искусство] тот, кто составляет свою речь из выражений, взятых из обыденной речи, что и делает Еврипид, первый показавший пример ЭТОГО.

Речь составляется из имен и глаголов; есть столько видов имен, сколько мы рассмотрели в сочинении, касающемся поэтического искусства; из числа их следует в редких случаях и в немногих местах употреблять необычные выражения, слова, имеющие двойной смысл, и слова, вновь составленные, где [именно следует их употреблять], об этом мы скажем потом, а почему об этом мы уже сказали, а именно: потому что употребление этих слов делает речь отличной [от обыденной речи] в большей, чем следует, степени. Слова общеупотребительные, туземные, метафоры – вот единственный материал, полезный для стиля прозаической речи. Доказывается это тем, что все пользуются только такого рода выражениями: все обходятся с помощью метафор и слов общеупотребительных и туземных. Но, очевидно, у того, кто сумеет это ловко сделать, иностранное слово проскользнет в речи незаметно и будет иметь ясный смысл. В этом и заключается достоинство ораторской речи.

Из имен омонимы полезны для софиста, потому что с помощью их софист прибегает к дурным уловкам, а синонимы для поэта; я называю общеупотребительными словами и синонимами, например, такие слова, как «отправляться» и «идти»: оба они и общеупотребительные, и однозначные.

О том, что такое каждый из этих [терминов], сколько есть видов метафоры, а равно и о том, что последняя имеет очень важное значение и в поэзии, и в прозе, – обо всем этом было говорено, как мы уже заметили, в сочинении, касающемся

пиитики; в прозаической речи на это следует обращать тем больше внимания, чем меньше вспомогательных средств, которыми пользуется прозаическая речь, по сравнению с метрической. Метафора в высокой степени обладает ясностью, приятностью и прелестью новизны, и нельзя заимствовать ее от другого лица.

Нужно употреблять в речи подходящие эпитеты и метафоры, а этого можно достигнуть с помощью аналогии; в противном случае [метафора и эпитет] покажутся неподходящими, вследствие того, что противоположность двух понятий наиболее ясна в том случае, когда эти понятия стоят рядом. Нужно рассудить, что так же [подходит] для старика, как пурпуровый плащ для юноши, потому что тому и другому приличествует не одно и то же. И если желаешь представить что-нибудь в прекрасном свете, следует заимствовать метафору от предмета лучшего в этом самом роде вещей; если же [хочешь] выставить что-нибудь в дурном свете, то [следует заимствовать ее] от худших вещей, например, так как [приводимые понятия] являются противоположностями в одном и том же роде вещей, о просящем милостыню сказать, что он просто обращается с просьбой, а об обращающемся с просьбой сказать, что он просит милостыню, на том основании, что оба [выражения обозначают] просьбу, и значит сделать сказанное нами.

Так и Ификрат называл Каллия нищенствующим жрецом Кивелы, а не факелоносцем. На это Каллий говорил, что он

(Ификрат) – человек непосвященный, ибо в противном случае он называл бы его не нищенствующим жрецом Кивелы, а факелоносцем. И та, и другая должность имеет отношение к богине, но одна из них почетна, а другая нет. Точно так же [лица посторонние] называют [окружающих Дионисия] «Дионисиевыми льстецами», а сами они называют себя «художниками». И то, и другое название – метафора, но первое [исходит от лиц], придающих этому грязное значение, а другое [от лиц, подразумевающих] противоположное. Точно так же и грабители называют себя теперь «пористами» (сборщиками чрезвычайных податей). С таким же основанием можно сказать про человека, поступившего несправедливо, что он «ошибся», а про человека, впавшего в ошибку, – что он «поступил несправедливо», и про человека, совершившего кражу, – что он «взял», а также, что он «ограбил». Выражение, подобное тому, какое употребляет Тилеф у Еврипида, говоря:

Владычествуя над рукояткой меча
и прибыв в Мизию.

[Такое выражение] неподходяще, потому что выражение «владычествовать» есть более возвышенное, чем следует, выражение, и [искусственность] не [достаточно] замаскирована. Ошибка может заключаться и в самих слогах, когда они не заключают в себе признаков приятного звука; так, напри-

мер, Дионисий, прозванный Медным, называет в своих элегиях поэзию «криком Каллиопы», на том основании, что и то, и другое звуки. Эта метафора нехороша вследствие неясного смысла выражений.

Кроме того, на предметы, не имеющие имени, следует переносить названия не издалека, а от предметов родственных и однородных, так, чтобы было ясно, что оба предмета родственны, раз название произнесено, как, например, в известной загадке:

Я видел человека, который с помощью огня
приклеивал медь к человеку.

Эта операция не имеет термина, но то и другое означает некоторое «приставление», поэтому «ставление банок» названо «приклеиванием». И вообще из хорошо составленных загадок можно заимствовать прекрасные метафоры; метафоры заключают в себе загадку, так что ясно, что [загадки] – хорошо составленные метафоры.

[Следует еще переносить названия] от предметов прекрасных; красота слова, как говорит Ликимний, заключается в самом звуке или в его значении, точно так же и безобразие. Есть еще третье [условие], которым опровергается софистическое правило: неверно утверждение Врисона, будто нет ничего дурного в том, чтобы одно слово употребить вместо другого, если они значат одно и то же. Это ошибка, по-

тому что одно слово более употребительно, более подходит, скорей может представить дело перед глазами, чем другое. Кроме того, и разные слова представляют предмет не в одном и том же свете, так что и с этой стороны следует предположить, что одно [слово] прекраснее или безобразнее другого. Оба слова означают прекрасное или безобразное, но не [говорят], поскольку оно прекрасно или поскольку безобразно, или [говорят об этом], но [одно] в большей, [другое] в меньшей степени.

Метафоры следует заимствовать от слов прекрасных по звуку, или по значению, или [закрывающих в себе нечто приятное] для зрения или для какого-либо другого чувства. Например, есть разница в выражениях «розоперстая заря», это лучше, чем «пурпуроперстая», и еще хуже «красноперстая». То же и в области эпитетов: можно создавать эпитеты на основании дурного или постыдного, например, [эпитет] «матереубийца», но можно также создавать их на основании хорошего, например, «мститель за отца». Точно так же и Симонид, когда победитель на мулах предложил ему незначительную плату, отказался написать стихотворение под тем предлогом, что он затрудняется воспевать «полуослов». Когда же ему было предложено достаточное вознаграждение, он написал:

Привет вам, дочери быстроногих кобылиц

хотя эти мулы были также дочери ослов. С тою же целью можно прибегать к уменьшительным выражениям: уменьшительным называется выражение, представляющее и зло, и добро меньшим [чем оно есть на самом деле]; так Аристофан в шутку говорил в своих «Вавилонянах»: «кусочек золота», вместо «золотая вещь», вместо «платье» – «платьице», вместо «поношение» – «поношеньице», вместо «болезни» – «нездоровьице». Но здесь следует быть осторожным и соблюдать меру в том и другом.

Глава III

Четыре причины, способствующие холодности стиля:

1) употребление сложных слов, 2) необычных выражений, 3) ненадлежащее пользование эпитетами, 4) употребление неподходящих метафор.

Холодность стиля может происходить от четырех причин: во – первых, от употребления сложных слов, как, например, Ликофрон говорит о «многоликом небе высоковершинной земли» и об «узкодорожном берегу». Или как Горгий выражался «искусный в выпрашивании милостыни льстец» и говорил об «истинно или ложно поклявшихся». Или как Алкидамант говорил о «душе, исполненной гнева», и о «лице, делающемся огнецветным», и как он полагал, что «их усердие будет целесообразным», и как он считал также «целесообразной» убедительную речь, и морскую поверхность называл «темноцветной». Все эти выражения поэтичны, потому что они составлены из двух слов. Вот в чем заключается одна причина [холодности стиля].

Другая состоит в употреблении необычных выражений,

как, например, Ликофрон называет Ксеркса «мужем-чудо-вищем» и Скирон у него «муж-хищник», и как Алкидамант [говорит] об «игрушках» поэзии и о «природном грехе», и о человеке, «возбужденном неукротимым порывом своей мысли».

Третья причина заключается в употреблении эпитетов или длинных, или неуместных, или в большом числе; в поэзии, например, вполне возможно называть молоко белым, в прозе же [подобные эпитеты] совершенно неуместны; если их слишком много, они обнаруживают [риторическую искусственность] и доказывают, что, раз нужно ими пользоваться, это есть уже поэзия, так как употребление их изменяет обычный характер речи и сообщает стилю оттенок чего-то чуждого.

В этом отношении следует стремиться к умеренности, потому что [неумеренность здесь] есть большее зло, чем речь простая, [то есть лишенная эпитетов]: в последнем случае речь не имеет достоинства, а в первом она заключает в себе недостаток. Вот почему произведения Алкидаманта кажутся холодными: он употребляет эпитеты, не как приправу, а как кушанье, так у него они часты, преувеличены и бросаются в глаза, например [он говорит] не «пот», а «влажный пот», не на «Исфмийские игры», а на «торжественное собрание на Исфмийских играх», не «законы», а «законы, властители государств», не «быстро», а «быстрым движением души»; [он говорит] не о «музее», а о «музее природы», о «мрачной ду-

шевной заботе»; [он называет кого-нибудь] не «творцом милости», но «всенародной милости», [называет оратора] «распределителем удовольствия для слушателей»; [он говорит], что-нибудь спрятано не «под ветвями», а «под ветвями леса», что кто-нибудь прикрыл не «тело», а «телесный стыд», называет страсть «соперницей души»; последнее выражение есть в одно и то же время и составное слово, и эпитет, так что является принадлежностью поэзии; точно так же [он называет] крайнюю степень испорченности «выходящей из всяких границ». Вследствие такого неуместного употребления поэтических оборотов стиль делается смешным и холодным, а от болтливости неясным, потому что когда кто-нибудь излагает дело лицу знающему [это дело], то он уничтожает ясность темнотой изложения.

Люди употребляют сложные слова, когда у данного понятия нет названия или когда легко составить сложное слово, таково, например, слово «времяпровождение», но если [таких слов] много, то [слог делается] совершенно поэтическим. Употребление двойных слов всегда более свойственно поэтам, пишущим дифирамбы, так как они любители громкого, а употребление старинных слов – поэтам эпическим, потому что [такие слова заключают в себе] нечто торжественное и самоуверенное. [Употребление же] метафоры [свойственно] ямбическим стихотворениям, которые, как мы сказали, пишутся теперь.

Наконец, четвертая [причина, от которой может происхо-

дить] холодность стиля, заключается в метафорах. Есть метафоры, которые не следует употреблять, – одни потому, что [они имеют] смешной смысл, почему и авторы комедий употребляют метафоры; другие потому, что смысл их слишком торжествен и трагичен; кроме того [метафоры имеют] неясный смысл, если [они заимствованы] издалека, так, например, Горгий говорит о делах «бледных» и «кروавых». Или: «Ты в этом деле посеял позор и пожал несчастье». Подобные выражения имеют слишком поэтический вид. Или как Алкидамант называет философию «укреплением законов» и Одиссею «прекрасным зеркалом человеческой жизни» и «не внося никаких подобных игрушек в поэзию». Все подобные выражения неубедительны вследствие вышеуказанных причин. И слова, обращенные Горгием к ласточке, которая, пролетая, сбросила на него нечистоту, всего приличнее были бы для трагика: «Стыдно, Филомила» – сказал он. Для птицы, сделавшей это, это не позорно, а для девушки [было бы] позорно. Упрек, заключающийся в этих словах, хорошо подходил к тому, чем птица была раньше, но не к тому, что она есть теперь.

Глава IV

Сравнение, его отношение к метафоре. – Употребление сравнений.

Сравнение есть также метафора, так как между тем и другим существует лишь незначительная разница. Так, когда поэт [говорит] об Ахилле: «Он ринулся, как лев» – это есть сравнение. Когда же он говорит: «Лев ринулся» – это есть метафора: так как оба (и Ахилл, и лев) обладают храбростью, то поэт, пользуясь метафорой, назвал Ахилла львом. Сравнение бывает полезно и в прозе, но в немногих случаях, так как [вообще оно относится] к области поэзии. [Сравнения] следует допускать так же, как метафоры, потому что они – те же метафоры и отличаются от последних только вышеуказанным.

Примером сравнения могут служить слова Андротиона об Идриее, что он похож на собачонок, сорвавшихся с цепи: как они бросаются кусать, так опасен и Идрией, освобожденный от уз. И как Феодамант сравнивал Архидама с Евксеном, минус знания геометрии, на том основании, что, наоборот, Евк-

сен = Архидаму + знание геометрии. [Таково] и сравнение, встречающееся в Платоновой «Республике»: что люди, снимающие доспехи с мертвых, похожи на собак, которые кусают камни, не касаясь человека, бросающего их. Таково же и [сравнение, прилагаемое] к народу, что он подобен капитану корабля сильному, но несколько глухому, а также к стихам поэтов – что они похожи на лиц свежих, но не обладающих красотой: последние становятся непохожи [на то, чем были раньше], когда отцветут, а первые – когда нарушен их размер. [Таково] и сравнение, которое Перикл делает относительно самосцев, что они похожи на детей, которые хотя и берут предлагаемый им кусочек, но продолжают плакать. [Таково же и сравнение] относительно виотийцев, что они похожи на дубы: как дубы разбиваются один о другой, так и виотийцы сражаются друг с другом. [Таково же] и [сравнение], делаемое Демосфеном относительно народа, что он подобен людям, которые страдают морской болезнью на корабле. И как Демократ сравнивал риторов с кормилицами, которые, сами глотая кусочек, мажут слюной по губам детей. И как Антисфен сравнивал тонкого Кифисодота с ладаном, который, испаряясь, доставляет удовольствие.

Все эти [выражения] можно употреблять и как сравнения, и как метафоры, и очевидно, что все удачно употребленные метафоры будут в то же время и сравнениями, а сравнения, [наоборот], [будут] метафорами, раз отсутствует слово сравнения [«как»]. Метафору следует всегда заимствовать от

сходства и [прилагать] ее к обоим из двух предметов, принадлежащих к одному и тому же роду, так, например, если фиал есть щит Вакха (Диониса), то возможно также назвать щит фиалом Арея.

Глава V

Пять условий, от которых зависит правильность языка. Удобочитаемость и удобопонимаемость письменной речи. – Причины, ведущие к неясности речи.

Итак, вот из чего слагается речь. Стиль основывается на умении говорить правильно по-гречески, а это зависит от пяти условий: от [употребления] союзов, от того, размещены ли они так, как они по своей природе должны следовать друг за другом, сначала одни, потом другие, как этого требуют некоторые [писатели]; так, например, и требуют за собой [первое], [второе]. И следует ставить их один за другим, пока еще [о требуемом соотношении] помнишь, не размещая их на слишком большом расстоянии, и не употреблять один союз раньше другого необходимого, потому что [подобное употребление союзов] лишь в редких случаях бывает пригодно. «Я же, когда он мне сказал, так как Клеон пришел ко мне с просьбами и требованиями, отправился, захватив их с собой». В этих словах вставлено много союзов раньше союза, который должен был следовать, и так как много слов по-

мещено раньше «отправился», [фраза стала] неясной.

Итак, первое условие заключается в правильном употреблении союзов. Второе [заключается] в употреблении именно собственных слов, а не описательных выражений. В-третьих, не [следует употреблять] двусмысленных выражений – кроме тех случаев, когда это делается умышленно, как, например, поступают люди, которым нечего сказать, но которые, [тем не менее], делают вид, что говорят нечто. В таком случае люди выражают это в поэтической форме, как, например, Эмпедокл. Такие иносказательные выражения своей пространностью морочат слушателей, которые в этом случае испытывают то же, что испытывает народ перед прорицателями: когда они выражаются двусмысленно, народ вполне соглашается с ними:

Крез, перейдя Алис, разрушит великое царство.

Прорицатели выражаются о деле общими фразами именно потому, что здесь менее всего возможна ошибка. Как в игре в «чет и нечет» скорее можно выиграть, говоря просто, «чет» или «нечет», чем точно обозначая число, так и [скорее можно предсказать что-нибудь, говоря], что это будет, чем точно обозначая время; поэтому-то оракулы не обозначают времени [исполнения своих предсказаний]. Все эти случаи похожи один на другой, и их следует избегать, если нет в виду подобной цели. В-четвертых, следует правильно употреб-

лять роды имен, как их разделял Протагор – на мужские, женские и средние, например, «придя и переговорив, она ушла». В-пятых, [следует] соблюдать последовательность в числе, идет ли речь о многих или о немногих или об одном, [например], «они, придя, начали наносить мне удары».

Вообще написанное должно быть удобочитаемо и удобопонимаемо, а это одно и то же. Этими свойствами не обладает речь со многими союзами, а также речь, в которой трудно расставить знаки препинания, как, например, в творениях Ираклита. Расставить знаки в творениях Ираклита – [большой] труд, потому что неясно, к чему что относится, к последующему или к предыдущему, как, например, в начале своей книги он говорит: «Относительно разума требуемого всегда люди являются непонятливыми». Здесь неясно, к чему нужно присоединить знаком [запятой] слово «всегда». Ошибка является еще и в том случае, если для двух различных понятий употребляется выражение, неподходящее [к ним обоим], например, для звука и цвета; выражение «увидев» не подходит [к обоим этим понятиям], а выражение «заметив» подходит. Кроме того, неясность получается еще и в том случае, если, намереваясь многое вставить, не поместишь в начале того, [что следует], например, [если скажешь]: «я намеревался, переговорив с ним о том-то и о том-то и таким-то образом, отправиться в путь», а не так: «я намеревался, поговорив, отправиться в путь», а потом «и случилось то-то и то-то и таким-то образом».

Глава VI

Что способствует пространности и сжатости стиля?

Пространности стиля способствует употребление определения понятия вместо имени, [обозначающего понятие], например, – если сказать не «круг», а «плоская поверхность, все конечные точки которой равно отстоят от центра».

Сжатости же [стиля способствует] противоположное, то есть [употребление] имени вместо определения понятия. [Можно для пространности поступать следующим образом], если [в том, о чем идет речь] есть что-нибудь позорное или неприличное; если есть что-нибудь позорное в понятии, – можно употреблять имя, если же в имени, то понятие. [Можно] также пояснять мысль с помощью метафор и эпитетов, остерегаясь при этом того, что носит на себе поэтический характер, – а также представлять во множественном числе то, что существует в единственном числе, как это делают поэты: хотя существует одна гавань, они все-таки говорят:

В Ахейские гавани,

а также:

Эти много раскрывающиеся
складки письма.

[Можно для пространности] не соединять [два слова вместе], но к каждому из них присоединять [отдельное определение], [например] «от жены от моей», или, для сжатости, напротив – «от моей жены». [Выражаясь пространно], следует также употреблять союзы, а если [выражаться] сжато, то не следует их употреблять, но не [следует] также при этом делать речь бессвязной, например, можно сказать «отправившись и переговорив», а также: «отправившись, переговорил».

Полезна также манера Антимаха, – [при описании предмета] говорить о тех качествах, [которых у данного предмета] нет, как он это делает, воспевая гору Тевмессу:

Есть небольшой холм, обвеваемый ветрами.

Таким путем можно распространить [описание] до бесконечности. И можно говорить как о хороших, так и о дурных качествах, которыми данный предмет не обладает – смотря по тому, что требуется. Отсюда и поэты заимствуют свои выражения: «бесструнная и безлирная мелодия». Они производят эти выражения от отсутствия качеств; этот способ очень пригоден в метафорах, основанных на сходстве, например, если сказать, что «труба есть безлирная мелодия».

Глава VII

Какими свойствами должен обладать стиль? Как этого достигнуть?

Стиль будет обладать надлежащими качествами, если он полон чувства, если он отражает характер и если он соответствует истинному положению вещей. Последнее бывает в том случае, когда о важных вещах не говорится слегка и о пустяках не говорится торжественно, и когда к простому имени (слову) не присоединяется украшение; в противном случае стиль кажется шутовским; так, например, поступает Клеофонт: он употребляет некоторые обороты, подобные тому, как если бы он сказал: «достопочтенная смоковница».

[Стиль] полон чувства, если он представляется языком человека гневающегося, раз дело идет об оскорблении, и языком человека негодующего и сдерживающегося, когда дело касается вещей безбожных и позорных. Когда дело касается вещей похвальных, о них [следует] говорить с восхищением, а когда вещей, возбуждающих сострадание, то со смирением; подобно этому и в других случаях. Стиль, соответствующий

данному случаю, придает делу вид вероятного: здесь человек ошибочно заключает, что [оратор] говорит искренно, на том основании, что при подобных обстоятельствах он (человек) испытывает то же самое, так что он принимает, что положение дел таково, каким его представляет оратор, даже если это на самом деле и не так. Слушатель всегда сочувствует оратору, говорящему с чувством, если даже он не говорит ничего [основательного]; вот таким-то способом многие ораторы, с помощью только шума, производят сильное впечатление на слушателей.

Выражение мыслей с помощью знаков отражает характер [говорящего], потому что для каждого положения и душевного качества есть свой соответствующий язык; положение я различаю по возрасту, например, мальчик, муж или старик, [по полу], например, женщина или мужчина, [по национальности], например, лаконец или фессалиец. Душевыми качествами [я называю] то, сообразно чему человек в жизни бывает таким, а не иным, потому что образ жизни бывает именно таким, а не иным в зависимости не от каждого душевного качества; и если оратор употребляет выражения, соответствующие душевному качеству, он обнаруживает свой нравственный облик, потому что человек неотесанный и человек образованный сказали бы не одно и то же и не в одних и тех же выражениях. До некоторой степени на слушателей действует тот прием, которым так часто пользуются составители речей: «Кто того не знает?», «Это всем известно!» Слу-

шатель в этом случае соглашается под влиянием стыда, чтобы быть причастным тому, чему причастны все остальные люди.

Все эти виды [оборотов] одинаково могут быть употреблены кстати или некстати. При всяком несоблюдении меры лекарством [должно служить] известное [правило], что человек должен сам себя поправлять, потому что раз оратор отдает себе отчет в том, что делает, его слова кажутся истинной. Кроме того, не [следует] одновременно пускать в ход все сходные между собой средства, потому что таким образом у слушателя является недоверие. Я разумею здесь такой, например, [случай]: если слова [оратора] жестки, не [должно] говорить их жестким голосом, [делать] жесткое выражение лица и [пускать в ход все] другие сходные средства; при несоблюдении этого правила всякий [риторический прием] обнаруживает то, что он есть. Если же [оратор пускает в ход] одно средство, не [употребляя] другого, то незаметно он достигает того же самого результата; если он жестким тоном говорит приятные вещи и приятным тоном жесткие вещи, он лишается доверия [слушателей].

Ложные слова, обилие эпитетов и слова малоупотребительные всего пригоднее для оратора, говорящего под влиянием гнева; простительно назвать несчастье «необозримым, как небо», или «чудовищным». [Простительно это] также в том случае, когда оратор уже завладел своими слушателями и воодушевил их похвалами или порицаниями, гневом или

дружбой, как это, например, делает Исократ в конце своего «Панегирика», [говоря]» «слава и память» или «те, что вынесли». Люди говорят так в состоянии вдохновения и воспринимают эти речи, несомненно, в состоянии вдохновения. (Это подобает и поэзии, ибо поэзия вдохновенна.) Такие речи следует произносить или в указанных выше случаях, или с иронией, как это сделал Горгий и примеры чего есть в «Федоре».

Глава VIII

Стиль не должен быть ни метрическим, ни лишенным ритма.

Что касается формы стиля, то он не должен быть ни метрическим, ни лишенным ритма. В первом случае [речь] не имеет убедительности, так как кажется выдуманной и, вместе с тем, отвлекает внимание [слушателей], заставляя следить за возвращением сходных [повышений и понижений], совершенно так же, как дети, предупреждая вопрос глашатаев: «Кого избирает своим покровителем отпускаемый на волю?», [кричат]: «Клеона!». Стиль, лишенный ритма, имеет незаконченный вид, и следует придать ему вид законченности, но не с помощью метра, потому что все незаконченное неприятно и невразумительно. Все измеряется числом, а по отношению к форме стиля числом служит ритм, метры же его подразделения; поэтому-то речь должна обладать ритмом, но не метром, так как [в последнем случае] получатся стихи. Ритм не должен быть строго определенным, что получится в том случае, если он будет простирается лишь до известного предела. Из ритмов героический ритм отличается торжественным характером и не обладает гармонией, которая присуща разговорной речи. Ямб есть именно форма речи большинства людей. Вот почему из всех размеров люди всего чаще произносят в разговоре ямбические стихи.

А речь оратора обладать некоторой торжественностью и возвышаться [над обыкновенной речью].

Трохей более подходит к комическим танцам, что доказывают тетраметры, потому что тетраметры – ритм скачков. Затем остается пэан, которым пользовались, начиная с Фрасимаха, но не умели объяснить, что это такое. Пэан – третий [ритм]; он примыкает к выше упомянутым, потому что представляет отношение трех к двум, а из прежде упомянутых [ритмов] один [представляет] отношение одного к одному, а другие двух к одному; к этим ритмам примыкает ритм полуторный, а это и есть пэан.

Остальные [ритмы] следует оставить в стороне, как по вышеизложенным причинам, так и потому, что они метричны, пэан же следует иметь в виду, так как из числа всех упомянутых нами ритмов он один не образует стиха, так что им можно пользоваться наиболее незаметным образом. Теперь употребляют только один вид пэана, как в начале, так и в конце, а между тем следует различать конец от начала. Есть два вида пэана, противоположные один другому; один из них годен для начала (так его и употребляют); это именно тот, у которого в начале долгий слог, а затем три коротких, [например]:

Делосом рожден ты или Ликией...

Или:

Златокудрявый сын Зевса, о Гекаг...

Другой [вид пэана] напротив, тот, в котором три первые слога короткие, а последний долгий, [например]:

А после земли и вод струящихся
сокрыла Океана простора Ночь.

Этот вид пэана помещается в конце, так как короткий слог, по своей неполноте делает [окончание как бы] увечным. Следует кончать долгим слогом, и конец должен быть ясен не благодаря писцу или какому-нибудь знаку, а из самого ритма.

Итак, мы сказали, что стиль должен обладать хорошим ритмом, а не быть лишенным ритма, [сказали также], какие ритмы и при каких условиях делают стиль ритмичным.

Глава IX

Стиль связный и стиль периодический. – Период простой и период сложный. – Два вида сложного периода. – Противоположение, приравнение и уподобление.

Стиль необходимо должен быть или непрерывным и соединенным при помощи союзов, каковы прелюдии в дифирамбах, или же периодическим и подобным антистрофам древних поэтов. Стиль непрерывный – древний стиль: «Нижеследующее есть изложение истории Геродота Фурийского». (Прежде этот стиль употребляли все, а теперь его употребляют немногие.) Я называю непрерывным такой стиль, который сам по себе не имеет конца, если не оканчивается предмет, о котором идет речь; он неприятен по своей незаконченности, потому что всякому хочется видеть конец, по этой-то причине [состяжающиеся в беге] задыхаются и обесиливают на поворотах, между тем как раньше они не чувствовали утомления, видя перед собой предел [бега].

Вот в чем заключается непрерывный стиль; стилем же периодическим называется стиль, составленный из перио-

дов. Я называю периодом фразу, которая сама по себе имеет начало и конец и размеры которой легко обозреть. Такой стиль приятен и понятен; он приятен, потому что представляет собой противоположность речи незаконченной, и слушателю всегда кажется, что он что-то схватывает и что что-то для него закончилось; а ничего не предчувствовать и ни к чему не приходиться – неприятно. Понятна такая речь потому, что она легко запоминается, а это происходит от того, что периодическая речь имеет число, [то есть имеет], число же всего легче запоминается. Поэтому-то все запоминают стихи лучше, чем прозу, так как у стихов есть число, которым они измеряются. Период должен заканчиваться вместе с мыслью, а не разрубаться, как стихи Софокла:

Край этот Калидон, земли Пелоповой,

ибо при таком разделении можно понять сказанное в смысле, противоположном [тому, какой ему хотели придать], как, например, в приведенном случае [можно подумывать], что Калидон – страна Пелопоннеса.

Период может состоять из нескольких членов или быть простым. Период, состоящий из нескольких членов (колон), имеет вид законченной фразы, может быть разделен на части и произнесен с одного дыхания весь, а не раздельно, как вышеприведенный период. Колон – член периода, одна из частей его. Простым я называю период одночленный. Ни чле-

ны периода, ни сами периоды не должны быть ни укороченными, ни длинными, потому что краткая фраза часто заставляет слушателей спотыкаться: в самом деле, когда слушатель, еще стремясь вперед к тому пределу, о котором представление есть в нем самом, отбрасывается назад, вследствие прекращения речи, он как бы спотыкается, встретив препятствие. А длинные периоды заставляют слушателей отставать, подобно тому, как бывает с людьми, которые, [гуляя], заходят за назначенные пределы: они, таким образом, оставляют позади себя тех, кто с ними вместе гуляет. Подобным же образом и периоды, если они длинны, превращаются в [целую] речь и делаются подобными прелюдии, так что происходит то, по поводу чего Демокрит Хиосский посмеялся над Меланиппидом, написавшим вместо антистроф прелюдии:

Муж, творящий зло другому,
творит зло самому себе.

И длинная прелюдия – величайшее зло для того, кто ее написал. То же самое можно сказать и о тех, кто составляет длинные периоды. Но слишком короткие периоды не периоды, они влекут слушателя вперед [слишком] стремительно.

Период, состоящий из нескольких членов, бывает или разделительный, или противоположительный. Пример разделительного периода: «я часто удивлялся тем, кто установил торжественные собрания и учредил гимнастические состязания».

зания».

Противоположительный период – такой, в котором в каждом из двух членов одна противоположность стоит рядом с другой, или один и тот же член присоединяется к двум противоположностям, например: «Они оказали услугу и тем, и другим, и тем, кто остался, и тем, кто последовал [за ними]; вторым они предоставили во владение больше земли, чем они имели дома, первым оставили достаточно земли дома». Противоположности здесь: «оставаться» – «последовать», «достаточно» – «больше». Точно так же [и в другой фразе]: «И для тех, кто нуждается в деньгах, и для тех, кто желает ими пользоваться»: «пользование» противопоставляется «приобретению». И еще: «Часто случается, что при таких обстоятельствах и разумные люди терпят неудачу, и неразумные имеют успех». [Или]: «Тотчас они получили награду за победу, а немного спустя они приобрели владычество на море», [Он заставил свои войска] «Плыть по материку и идти пешком по морю, перекинув мост через Геллеспонт и подкопав гору Афон», «Силою закона лишать права гражданства тех, кто по рождению гражданин», «Одни из них ужасно погибли, другие позорно спаслись», «В частной жизни пользоваться услугами рабов – варваров, в политике – спокойно смотреть на рабство многих союзников», «Или обладать при жизни, или оставить после смерти». И вот еще что сказал кто-то в судилище относительно Пифолая и Ликофрона: «Пока они были дома, они продавали вас, а когда

пришли сюда, сами продали себя». Все приведенные примеры производят указанное впечатление. Такой способ изложения приятен, потому что противоположности чрезвычайно доступны пониманию, а если они стоят рядом, они [еще] понятнее, а также потому, что [этот способ изложения] походит на силлогизм, так как изобличение есть соединение противоположностей.

Вот что такое противоположение. Приравниванием называется такой случай, когда оба члена периода равны, уподоблением – когда крайние слоги обоих членов сходны; [сходство] необходимо должно быть или в начале, или в конце; в начале бывают сходны имена, а в конце – последние слоги, или [разные] падежи одного и того же имени, или одно и то же имя.

Вот примеры сходства в начале: («он получил от него бесплодное поле»),

(«их можно было умилоствовать подарками, уговорить словами»).

А вот примеры сходства в конце: («они [не] думали, что он родил ребенка, а что он был причиной этого»),

(«в бесчисленных заботах и в ничтожнейших надеждах»).

[Случай, когда в конце стоят] падежи одного и того же имени:

(«он достоин медной статуи, не стоя медной монеты»).

[Случай, когда в конце повторяется] одно и то же слово: («ты и при жизни его говорил о нем дурно, и теперь пи-

шесть дурно»).

[Случай, где сходство заключается] в одном слого:

(«Какого рода неудовольствие ощутил бы ты, если бы увидел человека без дела?»). Но может случиться, что одна и та же [фраза] заключает в себе все вместе и противоположение, и равенство членов, и сходство окончания. [Различные] начала периодов перечислены в сочинениях Феодекта. Но бывают и ложные противоположения, какие, например, употреблял Эпихарм: «То я был в их стране, то я был у них».

Глава X

Откуда берутся изящные и удачные выражения? – Какой род метафор наиболее заслуживает внимания?

Разобрав этот вопрос, следует сказать о том, откуда происходят изящные и удачные выражения. Изобрести их – дело человека даровитого или приобретшего навык, а показать, [в чем их особенности], есть дело этой науки. Итак, поговорим о них и перечислим их.

Начнем вот с чего: естественно, что всякому приятно легко научиться [чему-нибудь], а всякое слово имеет некоторый определенный смысл, поэтому всего приятнее для нас те слова, которые дают нам какое-нибудь знание. Слова необычные нам непонятны, а слова общеупотребительные – мы понимаем. Наиболее достигает этой цели метафора, например, если поэт называет старость стеблем, остающимся после жатвы, то он научает и сообщает сведения с помощью родового понятия, ибо и то, и другое – нечто отцветшее. То же самое действие производят уподобления, употребляемые поэтами, и потому они кажутся изящными, если только они хо-

рошо выбраны. Уподобление, как было сказано раньше, есть та же метафора, но отличающаяся присоединением [слова сравнения]; она меньше нравится, так как она длиннее, она не утверждает, что «это – то», и наш ум этого не требует.

Итак, тот стиль и те энтимемы по необходимости будут изящны, которые сразу сообщают нам знания; поэтому-то поверхностные энтимемы не в чести; (мы называем поверхностными те энтимемы, которые для всякого очевидны и в которых ничего не нужно исследовать); не [в чести] также энтимемы, которые, когда их произнесут, представляются непонятными. Но [наибольшим почетом пользуются те энтимемы], произнесение которых сопровождается появлением некоторого познания, даже если этого познания раньше не было, или те, по поводу которых разум немного остается позади; потому что в этих последних случаях как бы приобретается некоторое познание, а в первых [двух] нет. Подобные энтимемы пользуются почетом ради смысла того, что в них говорится: что же касается внешней формы речи, то [наибольшее значение придается энтимемам], в которых употребляются противоположения, например, «считая их всеобщий мир войной, объявленной нашим собственным интересам»; здесь война противопоставляется миру. [Энтимема может производить впечатление] и отдельными словами, если в ней заключается метафора, и притом метафора ни слишком далекая, потому что смысл такой трудно понять, ни слишком поверхностная, потому что такая не производит

никакого впечатления. [Имеет] также [значение та энтимема], которая изображает вещь перед нашими глазами, ибо нужно больше обращать внимание на то, что есть, чем на то, что будет.

Итак, нужно стремиться к этим трем вещам:

метафоре,
противоположению,
наглядности.

Из четырех родов метафор наиболее заслуживают внимания метафоры, основанные на аналогии; так, например, Перикл говорил, что юношество, погибшее на войне, точно так же исчезло из государства, как если бы кто-нибудь из года уничтожил весну. И Лептин по поводу лакедемонян [говорил], что он не допустит, чтобы Эллада стала крива на один глаз. И когда Харит торопился сдать отчет по Олинфской войне, Кифисодот сердился, говоря, что он старается сдать отчет в то время, когда народ «кипит в котле». Так и некогда [оратор], приглашая афинян, запасшись провиантом, идти в Еввию, говорил, что постановление Мильтиада должно «выступить в поход». И Ификрат выражал неудовольствие по поводу договора, заключенного афинянами с Эпидавром и всей прибрежной страной, говоря, что они сами отняли у себя провиант на время войны. И Пифолай называл паралу «палицею народа» и Сист – «решетом Пирея». И Перикл требовал уничтожения Эгины, «этого гноя на глазах Пирея». И Мирокл, назвав одно из уважаемых лиц, сказал, что сам

он несколько не хуже этого лица, потому что оно поступает худо в размере процентов, равняющихся трети [ста], а он в размере процентов равных десятой части. [Такой же смысл имеет] и ямб Анаксандрида о дочерях, которые опаздывали с замужеством:

Девушки у меня просрочили
время вступления в брак.

И слова Полиевкта о некоем Спевсиппе, пораженном апоплексией, что он [ни одной минуты] не может провести спокойно, хотя судьба связала его болезнью с пятью отверстиями. И Кифисодот называл трииры «пестрыми мельницами», а Диоген – харчевни «аттическими фидитиями» (спартанские общие трапезы); и Эсион [говорил], что они «вылили государство в Сицилию». Это выражение метафорическое и наглядное. И [выражение] «так что [вся] Греция испустила крик» есть некоторым образом метафора и наглядно. И как Кифисодот советовал [афинянам] остерегаться, как бы не делать много скопищ, народных собраний. И Исократ [говорил то же] о сбегавшихся на торжественные празднества. И как [сказано] в эпитафии: «Достойно было бы, чтобы над могилой [воинов], павших при Саламине Греция остригла себе волосы, как похоронившая свою свободу вместе с их доблестью». Если бы он сказал, что [грекам] стоит пролить слезы, так как их доблесть погребена – [это было бы] мета-

фора и [наглядно], но [приведенные слова] заключают в себе некоторое противоположение свободы доблести.

Ификрат сказал: «Путь моих речей пролегает посреди Харитовых деяний». Здесь [употреблена] метафора по аналогии, и выражение «посреди» делает [фразу] наглядной. И выражение «призывать опасности на помощь против опасностей» есть метафора, делающая фразу наглядной. И Ликолеонт, защищая Хаврия, [сказал]: «Как, вы не уступите мольбам медной статуи, воздвигнутой в честь его?» Это была метафора для данной минуты, но не навсегда; хотя она наглядна: «Когда он (Хаврий) находится в опасности, за него просит его статуя», неодушевленное [как бы становится] одушевленным, этот памятник деяний государства. Таково и [выражение]: «они всеми силами стараются о том, чтобы быть малодушными», потому что стараться значит увеличивать что-нибудь. [Таково же и выражение]: «Бог зажег в душе разум, как светоч», потому что оба слова, [то есть «зажег и светоч», наглядно] изображают нечто. [То же самое]: «мы не прекращаем войны, а откладываем их»; и то, и другое, и отсрочка, и подобный мир относятся к будущему. [Сюда же относится выражение], что «мирный договор – трофей гораздо более прекрасный, чем [трофеи], полученные на войне», потому что последние [получаются] за неважные вещи или за одно какое-нибудь случайное стечение обстоятельств, а первые – за всю войну; и то, и другое – признаки победы. [Сюда же относится и выражение], что для государств боль-

шим наказанием служит осуждение людей, потому что наказание есть справедливо [нам причиняемый] ущерб.

Глава XI

Еще об изящных выражениях: что такое наглядность? Отношение наглядности к метафоре. – Откуда следует заимствовать метафоры? – «Обманывание» слушателя: апофтегмы, загадки, парадоксы, шутки, основанные на перестановке букв и на созвучии, омонимы. – Сравнение, отношение его к метафоре. Пословицы и гиперболы и их отношение к метафоре.

Итак, мы сказали, что изящество получается из метафоры по аналогии и из оборотов, изображающих вещь наглядно; теперь следует сказать о том, что мы называем «наглядным» и результатом чего является наглядность. Я говорю, что те выражения представляют вещь наглядно, которые изображают ее в действии, например, выражение, что нравственно хороший человек четырехуголен, есть метафора, потому что оба эти понятия совершенны, но они не обозначают действия. А [выражение] «он находится в цвете сил» означает проявление деятельности, а также: «тебя, как животное, свободно пасущееся [в священном округе]». Точно так же:

Тогда греки, воспрянув своими
быстрыми ногами.

Выражение «воспрянув» означает действие и есть метафора, потому что оно включает в себе понятие быстроты. И как Гомер часто пользовался [этим оборотом], с помощью метафоры представляя неодушевленное одушевленным. Во всех этих случаях от употребления выражений, означающих действие, фразы выигрывают, как, например, в следующих случаях:

Вниз по горе на равнину
катился обманчивый камень...
...и отпрянула быстро пернатая злая (стрела)
И прынула стрелка,
Остроконечная, жадная в сонмы
влететь сопротивных,
Копья, в землю вонзая стояли,
насытиться алчные телом,
...Сквозь перси пробилось бурное жало,
Рея вперед.

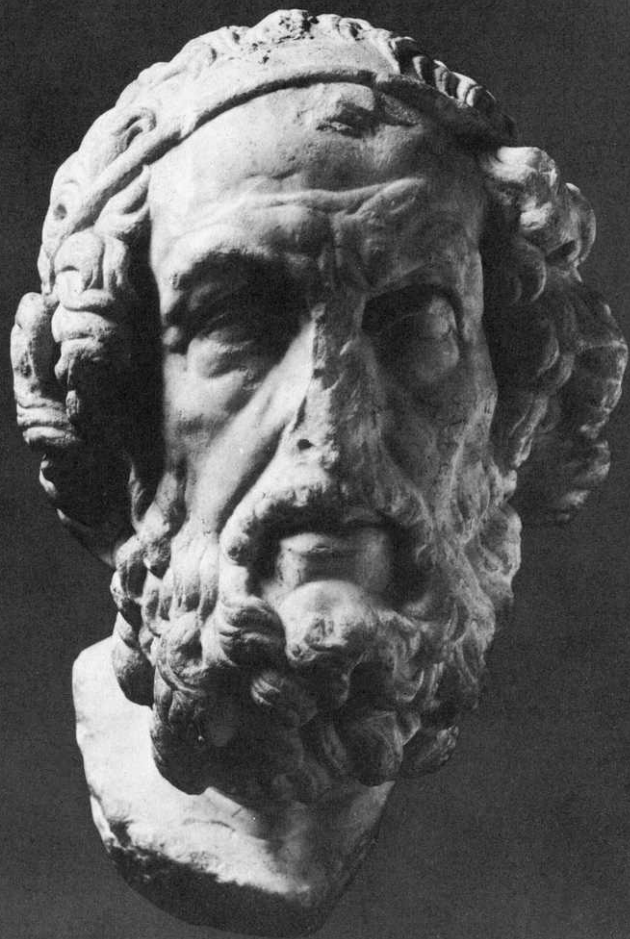
Во всех этих случаях предметы, будучи изображены одушевленными, кажутся действующими, так как понятия «обманывать», «реять» и т. п. означают проявление деятельности. [Поэт] применил их с помощью метафоры по аналогии, потому что как камень относится к Сизифу, так поступаю-

щий бесстыдно относится к тому, по отношению к кому он поступает бесстыдно. [Поэт] пользуется удачными образами, говоря о предметах неодушевленных:

(Буря)...воздымает
Горы клокочущих волн по неумолчно
шумящей пучине,
Грозно нависнувших, пенных,
одни, а за ними другие.

[Здесь поэт] изображает все движущимся и живущим, а действие есть движение.

Метафоры нужно заимствовать, как мы это сказали и раньше, из области предметов сродных, но не явно сходных, подобно тому, как и в философии считается свойством меткого [ума] видеть сходство и в вещах, далеко отстоящих одни от других, как, например, Архит говорил, что судья и жертвенник – одно и то же, потому что к тому и другому прибегает все, что терпит несправедливость. Или если бы кто-либо сказал, что якорь и кремафра – одно и то же: и то, и другое нечто сходное, но отличается [одно от другого] положением: одно наверху, другое внизу. И [выражение] «государства нивелировались» [отмечает] сходство в [предметах] далеко отстоящих один от другого, именно, равенство в могуществе и в поверхности.

Гомер

Большая часть изящных оборотов получается с помощью метафор и посредством обманывания [слушателя]: для него становится яснее, что он узнал что-нибудь [новое], раз это последнее противоположно тому, [что он думал]; и разум тогда как бы говорит ему: «Как это верно! А я ошибался». И изящество апофтегм является следствием именно того, что они значат не то, что в них говорится, как, например, изречение Стисихора, что кузнечики для самих себя будут петь на земле. По той же самой причине приятны хорошо составленные загадки: [они сообщают некоторое] знание и в них употребляется метафора.

[Сюда же относится то], что Феодор называет «говорить новое»; это бывает в том случае, когда [мысль] парадоксальна и когда она, как говорит Феодор, не согласуется с ранее установившимся мнением, подобно тому, как в шутках употребляются измененные слова; то же действие могут производить и шутки, основанные на перестановке букв в словах, потому что [и тут слушатель] впадает в заблуждение. [То же самое бывает] и в стихах, потому что они заканчиваются не так, как предполагал слушатель, например:

Он шел, имея на ногах отмороженные места.

Слушатель полагал, что будет сказано сандалиии [а не от-

мороженные места]. Такие обороты должны становиться понятными немедленно после того, как они произнесены. А когда [в словах] изменяются буквы, то говорящий говорит не то, что говорит, а то, что значит получившееся искажение слова, таковы, например, слова Феодора к кифареду Никону: «фракиянка [произвела] тебя [на свет]». Феодор делает вид, что говорит: это тебя тревожит, и обманывает [слушателя], потому что на самом деле он говорит нечто иное. Поэтому [эта фраза] доставляет удовольствие тому, кто ее понял, а для того, кто не знает, что Никон – фракиец, [фраза] не покажется изящной. Или еще фраза: «ты хочешь его погубить», или: «ты хочешь, чтобы он стал на сторону персов». И в том, и в другом смысле фраза должна быть сказана надлежащим образом.

То же самое [можно сказать] и об изящных фразах, например, если говорится: «главенство на море для афинян не было началом бедствий, потому что они извлекли из него пользу». Или, как [говорил] Исократ, что главенство послужило для государства началом бедствий. В обоих случаях произнесено то, произнесения чего трудно было бы ожидать, и признано верным. Сказать, что «начало есть начало» – не есть большая мудрость, но [это слово] употребляется не таким же образом, а иначе, и архл повторяется не в том же самом смысле, а в другом. Во всех этих случаях выходит хорошо, если слово надлежащим образом употреблено для омонимии или метафоры, например: «Анасхет

невыносим», здесь употреблена омонимия, и [употреблена] надлежащим образом, если [Анахсет действительно] человек неприятный.

Или: «ты не можешь быть для нас более чужим, чем следует чужестранцу», или: «не более, чем ты должен быть, чужестранец»; это – одно и то же. И «чужестранец не должен всегда оставаться чужим»; и здесь у слова различный смысл. То же самое можно сказать и о хвалебных словах Анаксандрида:

Прекрасно умереть, прежде чем сделаешь
что-нибудь достойное смерти.

Сказать это – то же самое, что сказать: «стоит умереть, не стоя смерти», или «стоит умереть, не будучи достойным смерти», или «не делая чего-нибудь достойного смерти». В этих фразах один и тот же способ выражения, причем, чем фраза короче и чем сильнее в ней противоположение, тем она удачнее; причина этого та, что от противоположения сообщаемое сведение становится полнее, а при краткости оно получается быстрее. При этом всегда должно быть лицо, к которому фраза относится, и фраза должна быть правильно сказана, если то, что говорится, правда и не нечто пошлое, потому что эти качества могут не совпадать. Так, например, «следует умирать, ни в чем не погрешив»; [смысл здесь верен], но выражение не изящно. Еще: «достойный должен же-

ниться на достойной»; это не изящно. Но если [фраза] обладает обоими качествами, например, «достойно умереть не достойному смерти», [то она изящна]. Чем больше [фраза отвечает вышеуказанным требованиям], тем она изящнее, например, если имена употреблены, как метафоры, и если [в фразе] есть подобного рода метафоры, и противоположение, и приравнение, и действие.

И сравнения, как мы сказали это выше суть некоторым образом метафоры, всегда нравящиеся. Они всегда состоятся из двух понятий, как метафора по аналогии, например, мы говорим, что щит – фиал Арея, а лук – бесструнная лира. [Говоря] таким образом, употребляют [метафору] не простую, а назвать лук лирой и щит фиалом [значит употребить метафору] простую. Таким то образом делаются сравнения, например, игрока на флейте с обезьяной и человека близорукого с потухающим светильником, потому что и тот, и другой мигают. Сравнение удачно, когда в нем есть метафора, так, например, можно сравнить щит с фиалом Арея, развалины с лохмотьями дома; сюда же [относится] и сравнение: «Никират – это Филоктет, укушенный Пратием», которое употребил Фрасимах, увидя, что Никират, побежденный Пратием в декламации, отпустил себе волосы и неопрятен. На этом, то есть, когда [сравнение] неудачно, поэты всего чаще проваливаются, и за это же, то есть, когда [сравнение] удачно, их всего больше прославляют. Я разумею те случаи, когда поэт, например, говорит:

Его голени искривлены, как сельдерей.

Или:

Как Филаммон сражаясь со своим мешком.

Все подобные выражения представляют собой сравнения. А что сравнения – не что иное, как метафоры, об этом мы говорили много раз.

И пословицы – метафоры от одного рода вещей к другому, например, если кто-нибудь сам введет к себе кого-нибудь, рассчитывая от него попользоваться, и потом терпит от него вред, то говорят: «это как карпафский житель и заяц», ибо оба одинаково потерпели.

Таким образом, мы, можно сказать, выяснили, из чего образуются изящные обороты речи и почему.

И удачные гиперболы – метафоры, например, о избитом лице можно сказать: его можно принять за корзину тутовых ягод, так под глазами сине. Но это в значительной мере преувеличено. Выражения «подобно тому как» и «так-то и так-то» – гиперболы, отличающиеся только формой.

Как Филаммон сражаясь со своим мешком.

[Это сравнение становится гиперболой в такой форме]: можно подумать, что это – Филаммон, сражающийся с меш-

ком. [Еще]: «иметь ноги кривые, как сельдерей» и «можно подумать, что у него не ноги, а сельдерей, так они изогнуты». Есть гиперболы, носящие детский характер, они заключают в себе преувеличение; поэтому их чаще всего употребляют под влиянием гнева:

Или хоть столько давал бы мне,
 сколько песку здесь и праху...
Дщери супругой себе не возьму
 от Атреева сына,
Если красою она со златой Афродитою спорит,
Если искусством работ светлоокой
 Афине подобна

Чаще всего пользуются гиперболами аттические риторы. Человеку же пожилому не подобает употреблять их.

Глава XII

Каждому роду речи соответствует особый стиль. – Стиль речи письменной и речи полемической. – Разница между стилем речи письменной и речи при устных состязаниях. – Для какой речи пригодны сценические приемы? – Заключение рассуждений о стиле.

Не должно ускользать от [нашего] внимания, что для каждого рода речи пригоден особый стиль, ибо не один и тот же [стиль] в речи письменной и в речи полемической, в речи произносимой перед народным собранием и в речи судебной. Необходимо знать оба [рода стиля], потому что первый заключается в умении говорить по-гречески, а зная второй, не бываешь принужден молчать, если хочешь передать что-нибудь другим, как это бывает с теми, кто не умеет писать. Стиль речи письменной – самый точный, а речи полемической – самый актерский. Есть два вида последнего [стиля]: один этический [затрагивающий нравы], другой патетический [возбуждающий страсти]. Поэтому-то актеры гонятся за такого рода драматическими произведениями, а поэты

– за такого рода [актерами]. Поэты, пригодные для чтения, представляются тяжеловесными; таков, например, Херимон, потому что он точен, как логограф, а из дифирамбических поэтов – Ликимний.

Если сравнивать речи между собой, то речи, написанные при устных состязаниях, кажутся сухими, а речи ораторов, даже если они имели успех, кажутся неискusstными, [раз они у нас] в руках, [то есть, раз мы их читаем]; причина этого та, что они пригодны [только] для устного состязания; по той же причине и сценические приемы вне сцены не производят свойственного им впечатления и кажутся нелепыми: например, фразы, не соединенные союзами, и частое повторение одного и того же в речи письменной по справедливости отвергается, а в устных состязаниях нет и ораторы употребляют [эти обороты], потому что они свойственны актерам. При повторении одного и того же необходимо говорить иначе, что как бы дает место декламации, [например]: вот тот, кто обокрал вас, вот тот, кто обманул вас, вот тот, кто, наконец, решил предать вас. Так, например, поступал актер Филимон в «Безумии стариков» Анаксандрида всякий раз, произнося «Радаманф и Паламид», а в прологе к «Благочестивым», [произнося слово] «Я». А если кто произносит такие фразы, не как актер, то он уподобляется человеку, несущему бревно. Точно то же [можно сказать] о фразах, не соединенных союзами, например: «я пришел, я встретил, я попросил». Эти предложения нужно произнести с декламацией, а

не говорить их одинаково, одинаковым голосом, как бы говоря одну фразу.

Речь, не соединенная союзами, имеет некоторую особенность: в один и тот же промежуток времени сказано, по-видимому, многое, потому что соединение посредством союзов делает многое чем-то единым, а с уничтожением союзов, очевидно, единое, напротив, делается многим. Следовательно, [такая речь] заключает в себе амплификацию: «я пришел, заговорил, попросил» (это кажется многим); «он с презрением отнесся ко всему, что я сказал». Того же хочет достигнуть и Гомер, говоря: «Нирей из Симы», «Нирей от Аглаи рожденный», «Нирей прекраснейший из всех»... О ком говорится многое, о том, конечно, говорится часто; и если [о ком-нибудь говорится] часто, кажется, [что о нем сказано] многое; таким образом [и поэт], раз упомянув [о Нирее], с помощью паралогизма увеличил число раз и увековечил таким образом его имя, хотя нигде в другом месте не сказал о нем ни слова.

Стиль речи, произносимой в народном собрании, во всех отношениях похож на тенепись, ибо чем больше толпа, тем отдаленнее перспектива, поэтому-то и там, и здесь, все точное кажется неуместным и производит худшее впечатление; точнее стиль речи судебной, а еще более точна речь, [произносимая] перед одним судьей: [такая речь] всего менее заключает в себе риторики, потому что здесь виднее то, что идет к делу и что ему чуждо; здесь не бывает препирательств,

так что решение [получается] чистое. Поэтому-то не одни и те же ораторы имеют успех во всех перечисленных родах речей, но где всего больше декламации, там всего меньше точности; это бывает там, где нужен голос, и особенно, где нужен большой голос.

Наиболее пригоден для письма стиль речи эпидиктической, так как она предназначается для прочтения; за ней следует [стиль речи] судебной. Излишне продолжать анализ стиля [и доказывать], что он должен быть приятен и величествен, потому что с какой стати [ему обладать этими свойствами] в большей степени, чем умеренностью, или благородством, или какой-нибудь иной этической добродетелью? А что перечисленные [свойства стиля] помогут ему сделаться приятным, это очевидно, если мы правильно определили достоинство стиля; потому что для чего другого, [если не для того, чтобы быть приятным], стиль должен быть ясен, не низок, но приличен? И если стиль болтлив или сжат, он не ясен; очевидно, что [в этом отношении] пригодна середина. Перечисленные качества сделают стиль приятным, если будут в нем удачно перемешаны выражены общеупотребительные и малоупотребительные, и ритм, и убедительные [доводы] в подобающей форме.

Итак, мы сказали о стиле – о всех стилях вообще и о всяком отдельном роде к частности. Остается сказать о построении [речи].

Глава XIII

О построении речи. – На какие две части должна разделяться речь? – Подразделение Аристотеля и подразделение, установившееся до него.

Речь имеет две части, ибо необходимо назвать предмет, о котором идет речь, и доказать его; поэтому невозможно, назвав, не доказать, или доказать, не назвав предварительно, человек доказывающий доказывает нечто, и человек, предварительно излагающий что-нибудь, излагает это с целью доказательства. Первая из этих двух частей есть изложение, вторая – способ убеждения, как если бы кто-либо разделил речь на части, из которых первая – задача, вторая – решение. Теперь же речь смешно подразделяется на части, ибо рассказ свойствен только судебной речи; каким образом может быть в речи эпидиктической и в речи, произносимой в народном собрании, то, что принято называть рассказом, или то, что относится к противнику, или заключение доказательств? Предисловие, взвешивание и краткое повторение всего сказанного в речах, произносимых в народном собра-

нии, бывает тогда, когда бывают прения, потому что в них часто дело идет об осуждении и оправдании, но не в тех случаях, когда бывает совещание. А заключение бывает даже не во всякой судебной речи, например, [его не бывает], когда речь коротка или когда дело легко запомнить, потому что обыкновенно приходится убавлять от того, что пространно.

Следовательно, необходимые части речи – изложение и способ убеждения; они составляют ее неотъемлемую принадлежность, но по большей части бывают: предисловие, изложение, способ убеждения, заключение, потому что то, что говорится к противнику, относится к способам убеждения, а сопоставление [доводов за и против] есть лишь усиление своих доводов, так что и оно – некоторая часть способов убеждения: делающий это [то есть сопоставление] доказывает нечто, а предисловие и заключение [ничего не доказывают], [заключение] же лишь напоминает. Если принять подобное подразделение, то придется сделать то же, что делали ученики Феодора: отличать повествование от поповествования и предповествования и доказательство от подоказательства. Следует лишь, называя какой-нибудь особый вид, устанавливать для него особый термин, в противном случае термин является пустым и вздорным; так поступает, например, Ликимний в своей «Риторике», употребляя термины: вторжение, отклонение, разветвления.

Глава XIV

Анализ первой части речи (предисловия). Сравнение предисловия с мелодией. – Предисловия к речам эпидиктическим и судебным, к произведениям дифирамбическим, этическим, трагическим и комическим. – Другие виды предисловия, общие для всех родов произведений, – из чего слагается их содержание и какая цель при этом преследуется?

Итак, предисловие есть начало речи, то же, что в поэтическом произведении есть пролог, а в игре на флейте – прелюдия. Все эти части начало; они как бы прокладывают путь для последующего. Прелюдия подобна предисловию в речах эпидиктических, потому что флейтисты все хорошее, что они имеют сыграть [во всей пьесе, играют в начале и объединяют в [такой] прелюдии; и в речах эпидиктических следует писать так же: сразу изложить и связать все, что хочешь [доказывать], как это и делают все. Примером этого может служить предисловие к Елене Исократу, потому что нет ничего общего между Еленой и еристическими рассуждениями. Вместе с тем, если предисловие отступает [от общего содер-

жания речи], то получается та выгода, что не вся речь имеет одинаковый вид.

Предисловия речей эпидиктических слагаются из похвалы или хулы, например, у Горгия в олимпийской речи «О мужи эллины, заслуживающие уважения со стороны многих», ибо он восхваляет тех, кто установил общественные собрания. Исократ же порицает их за то, что они, почитая дарами физические добродетели, не установили никакой награды для людей добродетельных. [Предисловие может состоять и] из совета, например, что следует почитать хороших людей, что поэтому-то и он сам восхваляет Аристида, или, что [следует] почитать тех людей, которые не пользуются известностью и не дурные люди, но которые, будучи хорошими людьми, пребывают в неизвестности, как Александр, сын Приама; ибо [таким путем] автор подает совет.

[Можно еще заимствовать содержание предисловия] из предисловий к речам судебным, то есть из непосредственного обращения к слушателям, если речь идет о чем-нибудь, с чем общественное мнение несогласно, или о чем-нибудь трудном, или о чем-нибудь общеизвестном, с тем, чтобы получить прощение, так, например, начинает Хирил:

Теперь, когда все разделено.

Итак, вот из чего [слагаются] предисловия к речам эпидиктическим: из похвалы, из хулы, из убеждения, из раз-

убеждения, из обращений к слушателям. Эта «прелюдия» должна быть или связана с содержанием речи, или быть ему чуждой. Относительно предисловий к речам судебным следует установить, что они имеют такое же значение, как и прологи к драматическим произведениям и предисловия к произведениям эпическим. А предисловия к произведениям дифирамбическим подобны предисловиям к речам эпидиктическим, [например]:

Из-за тебя, твоих даров и добычи.

В эпических произведениях предисловие есть показатель [содержания] речи, чтобы [слушатели] заранее знали, о чем будет идти речь, и чтобы ум не был в недоумении, потому что неопределенное вводит в заблуждение. А кто как бы дал в руку слушателю начало речи, тот [этим самым] дает возможность следить за речью. Поэтому-то [говорится]:

Гнев, о богиня, воспой...

Муза, скажи мне о том многоопытном муже...

Скажи мне о другом, о том,

как великая война из Азии

перешла в Европу.

И трагики дают понятие о драме [в предисловии], если не тотчас, как Еврипид, то где-нибудь, как это [делает] и Софокл:

Мой отец был Полиб.

Так же [поступают] и комики, ибо необходимейшее назначение предисловия, свойственное ему, заключается в том, чтобы показать, какова та цель, ради которой [произносит-ся] речь; поэтому-то, если дело ясно и коротко, не следует пользоваться предисловием.

Другие виды [предисловия], которыми пользуются [ораторы], представляют собой «способы исцеления»; они общи [всем родам произведений]; содержание их слагается в зависимости от личности самого оратора, от личности слушателя, от дела, от личности противника. Все, что способствует установлению обвинения или опровержению его, все это касается самого оратора или его противника. Но тут следует [поступать] не одинаково: оправдываясь, [следует приводить] то, что касается обвинения, в начале, а обвиняя, [следует приводить это] в заключение. Почему [следует поступать так], это совершенно ясно: когда оправдываешься, необходимо устранить все препятствия, раз рассчитываешь поставить самого себя перед судом, так что прежде всего следует опровергнуть обвинение. А когда сам обвиняешь, следует помещать обвинение в конце, чтобы оно больше осталось в памяти.

Предисловия, имеющие в виду слушателя, [возникают] из желания сделать слушателя благосклонным или рассердить

его, а иногда еще из желания возбудить его внимание или наоборот, ибо не всегда полезно возбуждать его внимание; поэтому-то многие [ораторы] стараются рассмешить [слушателей]. Все это приводит к благосклонности [слушателя], если кто этого желает; [того же достигнет оратор], если выкажет себя нравственно хорошим человеком, потому что [слушатели] относятся с большим вниманием к таким людям. [Слушатели] внимательно относятся ко всему великому и к тому, что лично их касается, ко всему удивительному и приятному; поэтому следует внушать слушателям, что речь идет о подобных предметах. Если же нежелательно возбудить внимание [слушателей], [то должно им внушить], что дело, [которого касается речь], ничтожно, что оно нисколько их не касается, что оно заключает в себе нечто печальное. Не должно однако забывать, что все подобное не относится прямо к речи и предназначается для плохого слушателя, слушающего то, что к делу не относится. Если же слушатель не таков, в предисловии нет никакой надобности, а нужно разве только вкратце изложить дело, чтобы тело, так сказать, имело голову. Обязанность возбуждать внимание слушателей, когда это нужно, лежит одинаково на всех частях речи, потому что внимание ослабевает во всех других частях скорее, чем в начале. Поэтому смешно помещать [это старание] в начале, когда все слушают с наибольшим вниманием.

Таким образом, следует, где это уместно, употреблять [такие фразы]: «Уделите мне ваше внимание, потому что это

дело касается не больше меня, чем вас» и «Я вам скажу нечто такое страшное или такое удивительное, подобного чему вы никогда не слышали».

Это будет то же, что говорил Продик, когда его слушатели готовы были заснуть, – что он вставит [в свою речь] 50-ти драхмовое учение. Очевидно, что [подобные приемы употребляются] по отношению к слушателю, поскольку он не есть слушатель, потому что все в своих предисловиях или обвиняют, или рассеивают страхи, [например]:

Царь, я скажу вовсе не из поспешности.

Или:

К чему столько предисловий?

[К этому приему прибегают также] те, дело которых неправо или кажется неправо, потому что им выгоднее останавливаться на всем другом, кроме своего дела. Поэтому-то и рабы отвечают не то, что у них спрашивают, а [ходят] вокруг и около и делают длинные вступления.

Каким образом следует делать [слушателей] благосклонными, об этом мы сказали, так же как и о каждом подобном [приеме в отдельности], ибо хорошо сказал [поэт]:

Дай мне явиться для Феаков другом
и предметом сострадания,

так как к этим двум [вещам] следует стремиться. А в речах эпидиктических нужно заставлять слушателей думать, что похвала относится также или к ним самим, или к их роду, или к их образу жизни, или каким-нибудь иным образом, потому что правду говорит Сократ в надгробной речи: «Не трудно хвалить афинян среди афинян, [но трудно хвалить их] среди лакедемонян».

Предисловия в речах, произносимых перед народом, берутся из предисловий к речам судебным; но по самой своей природе [эти речи] наименее в них нуждаются, потому что и [слушатели] знают, о чем идет речь, и самое дело несколько не нуждается в предисловии. [Предисловие может быть нужно лишь] или ради самого оратора, или ради его противников, или если слушатели считают дело не таким важным, каким [оратор] желает [его представить], но или более, или менее важным, почему и бывает необходимо установить обвинение, или опровергнуть его, увеличить или уменьшить [значение дела]; ради этого и бывает нужда в предисловии, – еще [предисловие бывает нужно] для украшения, так как речь кажется наскоро составленной, если в ней нет [предисловия]. Такова, например, хвалебная речь Горгия к элейцам, где он, не подбоченясь и не размахнувшись предварительно, прямо начинает: «Элея – счастливый город».

Глава XV

Обвинение; различные способы, какими можно его опровергнуть. Что касается обвинения, то один [способ опровергнуть его заключается в пользовании тем], с помощью чего можно развеять неблагоприятное мнение; при этом безразлично, высказано оно кем-нибудь или нет; это общее правило.

Другой способ [заключается в том], чтобы идти навстречу спорным пунктам [утверждая], что этого нет, или что это не вредно, или что это не [вредно] для данного лица, что это вообще не так важно, или не несправедливо, или не велико, или не постыдно, или не имеет тех размеров, [какие ему приписывают], потому что относительно подобных пунктов [может быть] спор; как и Ификрат [говорил] Навсикрату: он признался, что сделал то, о чем говорил [противник], и причинил вред, но [утверждал], что не сделал ничего несправедливого. [Еще можно утверждать], что, поступая несправедливо, мы даем нечто взамен, или что, если это вредно, то в то же время и прекрасно, и если печально, то полезно, или что-ни-

будь подобное. Третий способ [заключается в утверждении], будто данный поступок совершен по ошибке, или вследствие несчастного случая, или по необходимости, как, например, говорит Софокл, что он дрожит не для того, чтобы, как говорит обвинитель, казаться стариком, но по необходимости. не по его воле ему 80 лет.

[Можно] также подставить [другую] причину, ради которой [поступок якобы совершен; сказать], что мы желали не причинить вред, а сделать то-то, не то, в совершении чего нас обвиняли, что [нам самим] пришлось при этом понести ущерб; стоило бы [нас] возненавидеть, если бы мы действовали с тем, чтобы случилось это. Еще один [способ заключается в том], чтобы обратить обвинение на самого обвинителя, [утверждая], что прежде сам он или кто-нибудь из его близких [сделал это самое]. Еще один [способ заключается] в упоминании проступка таких лиц, которые, по общему признанию, не подлежат обвинению, [говоря], например, так: если совершивший то прелюбодеяние не виновен, то и этот также не виновен.

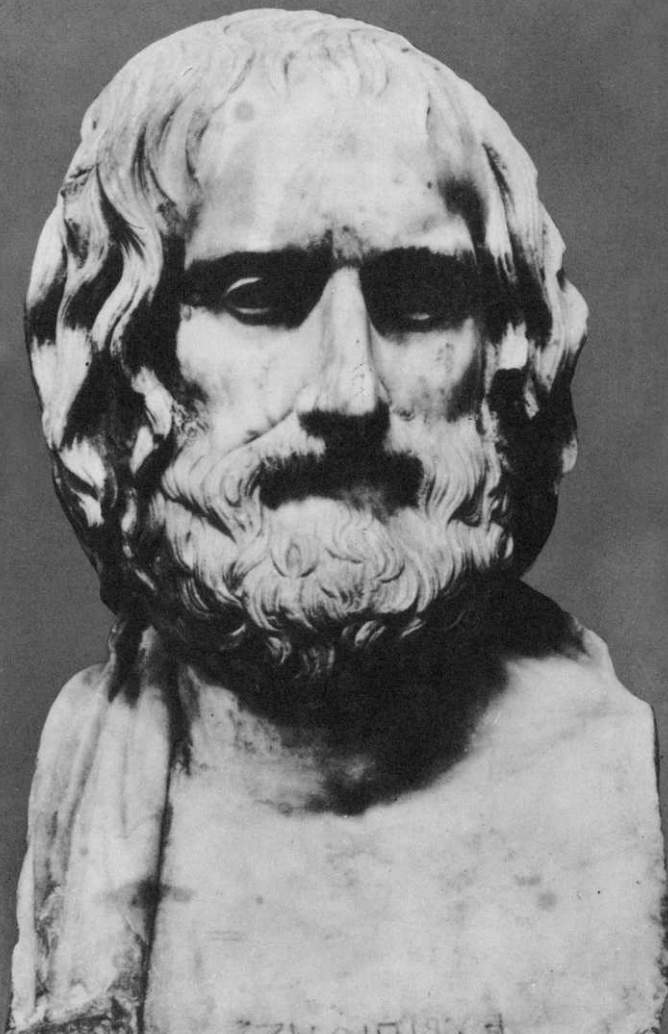
Еще один [способ заключается в указании], что [противник раньше] обвинял других, или что [кто-нибудь] другой [обвинял] их, или что они, не подвергаясь прямо обвинению, были подозреваемы, как и обвиняемый теперь, а потом оказались невиновными.

Еще один [способ заключается] в возведении обвинения на самого обвинителя, потому что было бы странно, если бы

заслуживали доверия слова человека; который сам его не заслуживает.

Еще один [способ возникает в том случае], если судебный приговор уже произнесен, как [говорит] в «Антидосисе» Еврипид Игиенонту, обвинявшему его в безбожии, за то, что он побуждал к клятвопреступлению словами:

Мой язык произнес клятву, но мое сердце не произнесло ее.

Еврипид

Еврипид утверждал, что сам он не прав, перенося в суд дела, по поводу которых произнесен приговор на состязании в честь Дионисия; что он, [Еврипид], там уже отдал отчет в своих словах или отдаст его, если он [Игиенонт] пожелает поддерживать обвинение.

Еще один [способ заключается] в том, чтобы осудить клевету, [показать], какое [она зло], [показать], что под влиянием ее возникают иные приговоры, и что она не соответствует делу.

Способ, общий для обеих сторон, заключается в пользовании признаками как, например, в «Тевкре» Одиссей [говорит], что он, Тевкр, родственник Приама, потому что Исиона, [его мать], – сестра [Приама]. Тевкр же [отрицает это, говоря], что Теламон, его отец, был враг Приама, и что он сам не донес на лазутчиков.

Еще один [способ, которым можно пользоваться] обвинителю, [заключается в том], чтобы, пространно похвалив что-нибудь ничтожное, в немногих словах осудить что-нибудь важное, или же [в том, чтобы], поставив на вид многие хорошие стороны [подсудимого], осудить одно то, что имеет решающее значение для дела. Эти [приемы] самые искусные, но и самые несправедливые, потому что они стремятся повредить человеку с помощью его же хороших сторон, смешивая их с [его] недостатками.

[Прием,] общий для обвиняющего и для оправдывающегося (так как одно и то же может быть сделано ради многих различных причин), заключается в том, чтобы обвиняющему обвинять, принимая все в худшем свете, а оправдывающемуся в лучшем, например, по поводу того, что Диомид выбрал Одиссея, одному [следует говорить], что Диомид поступил так, считая Одиссея самым доблестным, а другому – что вовсе не потому, а по той причине, что [Одиссей] один, по своей трусости, не мог бы стать для него соперником.

Вот все, что нужно сказать об обвинении.

Глава XVI

Анализ второй части речи (рассказа). Как нужно строить рассказ и какими свойствами он должен обладать в речах эпидиктических, судебных и произносимых перед народным собранием?

В речах эпидиктических рассказ должен быть изложен не весь сразу, а по частям, так как следует изложить те деяния, вследствие которых сложилась речь. Речь слагается таким образом из части, не зависящей от искусства, потому что оратор несколько не причинен фактам, и части, зависящей от искусства; эта последняя заключается в том, чтобы показать или что предмет речи факт, если он кажется невероятным, или, что он именно таков, или настолько важен, или все [это вместе]. Поэтому-то иногда следует излагать не все подряд, потому что при таком способе изложения трудно все запомнить; на основании того-то, например, [устанавливается, что] он [то есть лицо, о котором идет речь] – человек мужественный, на основании другого, что он человек мудрый или справедливый. При первом способе изложения

речь бывает слишком проста, а при другом она разнообразна и не бесцветна. Факты, всем известные, нужно только напоминать; поэтому для большинства [таких случаев] рассказ вовсе не нужен, например, если желаешь восхвалять Ахилла, так как его подвиги всем известны и ими нужно только воспользоваться. А если [ты хочешь восхвалять] Крития, [то рассказ] необходим, потому что немногие знают [о нем].

В настоящее время смешно утверждают, будто рассказ должен быть быстр. Как некто на вопрос булочника, какой замесить хлеб, крутой или мягкий, ответил: «Как, [а разве] невозможно [замесить] хороший хлеб?» Точно так же и здесь: не следует пространно рассказывать, так же как не следует делать пространные предисловия и приводить [пространные] доказательства. В этом случае «хорошо» заключается не в быстроте или сжатости, а в надлежащей мере; последнее же состоит в том, чтобы сказать все то, что уясняет дело, или что надобно для того, чтобы показать, что [то-то] было, или что [тот-то] причинил вред, или поступил несправедливо, или что [данный случай] имеет ту важность, какую ты хочешь [ему придать]. А для противника [пригодно все] противоположное. К рассказу присоединять [следует] все то, что возвеличивает твою собственную добродетель, например: «Я всегда внушал ему справедливое, убеждая его не покидать своих детей», или [усиливает] негодность противника, например: «Он мне отвечал, что везде, где он будет, у него будут другие дети», что, по словам Геродота, отвечали

возмутившиеся египтяне. Или [следует присоединять к рассказу] все то, что приятно для судей.

При защите рассказ [должен быть] короче, так как оспаривается [при этом], что [то или другое] произошло, или что оно вредно, или что несправедливо, или что имело столь важное значение, так что о фактах установленных говорить не следует, если только они не ведут каким-нибудь образом [к фактам неустановленным], например, если [доказано, что данный поступок] совершен, но [не доказано, что он] не заключает в себе ничего несправедливого. Кроме того, следует говорить о таких совершившихся фактах, которые, не совершаясь [на глазах слушателей], возбуждают или сожаление, или ужас. Пример этого [мы находим] в «Апологе [у] Алкиноя», рассказанном Пенелопе в 60 стихах, в киклической поэме Фаилла и в прологе к «Энею».

Рассказ должен отражать характер, а это будет в том случае, если мы будем знать, в чем заключается характер. Во-первых, в обнаружении намерения, ибо каков характер, это [определяется] тем, каково намерение, а каково намерение, это [зависит] от того, какова цель [его]. Поэтому-то математические речи совсем не отражают характера, так как не [отражают] намерения, в них нет ради чего, а в Сократовских речах [оно есть], потому что они касаются именно таких вопросов. Все, что есть следствие какого бы то ни было характера, отражает характер, например, слова: «Говоря, он шел вперед», так как это указывает на порывистый и гру-

бый характер. И [нужно] говорить не по расчету, как [поступают] теперешние люди, а согласно намерению [принципу], [например]: «Я этого хотел, потому что считаю это лучшим, и это лучше, даже если я здесь не получу никакой пользы». Первое [расчет] свойственно человеку благоразумному, второе [принцип] – человеку хорошему: благоразумному в его погоне за полезным, хорошему – за прекрасным. Если же [то, что говорится] неправдоподобно, то должно присовокуплять основание [своих слов], как делает Софокл; примером могут служить слова Антигоны, что она больше заботилась о брате, чем о муже и детях, потому что, в случае гибели мужа и детей, на место их могут явиться другие [муж и дети].

А когда отец и мать сойти в подземное царство,
Другой брат никогда не может народиться.

Если же ты не можешь привести основания [своих слов], то [должен сказать], что отлично сознаешь неправдоподобность своих слов, но что таков уж ты от природы, – потому что люди не верят, что можно добровольно делать что-нибудь, кроме того, что тебе полезно. Кроме того, пользуйся в рассказе чертами, относящимися к страстям, касаясь и того, что бывает их следствием, а также того, что [слушателям] известно, и частных, которые касаются самого оратора или его противника, например, «смерив меня сердитым взглядом, он удалился». Или как Эсхин [говорит] о Кратиле:

«Шипя и потрясая руками», так как [такие выражения] убедительны, ибо то, что слушателям известно, является признаком того, что им неизвестно. Множество подобных примеров можно заимствовать из Гомера, [например]:

Так говорила она; Еврикляя закрыла руками
Очи...

Действительно, принимаясь плакать, люди закрывают глаза [руками]. Выставь себя сразу человеком известного склада, чтобы слушатели смотрели на тебя, как именно на такого человека, а на противника [наоборот], но делай это незаметно. А что это не трудно, это мы видим, когда кто-нибудь является к нам с известием: и о том, кого мы совсем не знаем, мы все-таки составляем себе некоторое предположение. Рассказывать следует во многих местах, и иногда не в начале.

В речах, произносимых перед народным собранием, всего менее рассказа, потому что никто не рассказывает будущего, а если и есть рассказ, то он будет касаться прошедшего, для того, чтобы, припомнив его, с осуждением или похвалой, [слушатели] лучше рассудили о будущем; но в этом случае [оратор] принимает на себя обязанность не просто советника. Если же [то, что оратор говорит], представляется неправдоподобным, [нужно] тотчас же обещать привести основание для своих слов и изложить его, перед кем они [слушатели] желают, как, например, Иокаста, в Каркиновом

«Эдипе», постоянно дает обещания в ответ на вопросы того, кто искал ее сына. То же делает и Имон у Софокла.

Глава XVII

Анализ третьей части речи (доказательства). Откуда следует заимствовать и как строить доказательства в речах эпидиктических, произносимых перед народом и судеб-ных?

Способы убеждения должны иметь аподиктический (доказательный) характер. Так как спор [может касаться] четырех пунктов, то следует доказывать, направляя доказательства к спорному пункту, например, если спорят относительно того, действительно ли что-нибудь было, то при судебном разбирательстве доказательства следует как можно больше свести к этому; если же [спорят о том], действительно ли причинен вред, [то и доказательства должны быть сведены] к этому; и [если спор касается] важности или справедливости совершенного поступка, то [здесь нужно иметь в виду] также, точно ли этот факт имел место. Не следует при этом забывать, что только в случае такого спора один из противников необходимо бывает бесчестен, потому что здесь не может быть виной неведение, как в том случае, когда кто-ли-

бо расходится в мнении относительно справедливости [чего-либо]; таким образом на этом вопросе следует останавливаться, а на других нет. В речах эпидиктических по большей части преувеличению (подчеркиванию) подлежит оценка прекрасного и полезного. Факты сами должны внушать доверие, потому-то относительно их редко приводятся доказательства, – разве если они неправдоподобны или если их относят на счет другого лица. В речах, произносимых перед народом, может быть спор относительно того, что что-нибудь не будет, или что-то, что оратор советует, будет, но что оно или несправедливо, или бесполезно, или не так важно. Следует при этом также иметь в виду, не позволяет ли себе [противник] лжи в чем-нибудь, не относящемся к данному делу, так как это представляется доказательством, что он лжет и в других случаях.

Примеры более свойственны речам, произносимым перед народом, а энтимемы – речам судебным первые имеют в виду будущее, так что необходимо приводить примеры из прошедшего, а вторые [касаются] того, что есть или чего нет; тут более нужны доказательства и понятие необходимости, потому что прошедшее имеет характер необходимости. Не следует приводить энтимемы одну за другой, а [нужно] примешивать их [к другим оборотам], в противном случае они вредят одна другой, потому что есть предел и для количества.

Друг, так как ты сказал, сколько [мог бы сказать] разум-

ный муж, а не то [что сказал бы разумный]. И не по всякому поводу [следует] изыскивать энтимемы, потому что в противном случае ты поступишь так же, как некоторые философы, которые силлогистическим путем доказывают вещи более известные и более правдоподобные, чем те [положения], из которых они [то есть философы] исходят. И когда хочешь возбудить страсть, не употребляй энтимему, потому что она или погасит страсть, или будет приведена совершенно напрасно, ибо [два] одновременные движения задерживают друг друга, или совсем уничтожаются, или ослабляются. И когда речь должна носить известный [нравственный] характер, не следует в то же время приискивать энтимемы, потому что доказательства не имеют никакого отношения ни к характеру, ни к принципам. Изречения следует употреблять и при рассказе и при доказательстве, потому что они имеют отношение к характеру: «И я дал, хотя и знал, что не следует [вообще] доверять». Или если [кто хочет] возбудить страсть: «Хоть я и потерпел, я не раскаиваюсь, потому что на его стороне выгода, а на моей справедливость».

Произносить речи в народном собрании труднее, чем произносить речи судебные; [это и] естественно, так как в первом случае [приходится говорить] о будущем, во-втором же – о прошедшем, которое стало известно даже и пророкам, как говорил Епименид Критский (он отгадывал не будущее, а события, которые хотя и совершились, но остались темными). В речах судебных основанием служит закон, а раз име-

есть точку отправления, легче найти доказательство.

[В речах, произносимых перед народом,] нет бесчисленных отступлений, например, против доводов противника, или о самом себе, или с целью возбудить страсть. [Этот род красноречия допускает подобные отступления] менее, чем все другие роды, если только он не выходит [за пределы своей области]. В затруднительных случаях нужно делать то же, что делают в Афинах ораторы и Исократ: в речи совещательной он прибегает к обвинению, например, [обвиняет] лакедемонян в своем панегирике и Харита в речи о союзе.

В речах эпидиктических следует вставлять в речь похвалы, как это делает Исократ: он постоянно вводит какую-нибудь [похвалу]. И слова Горгия, что у него никогда не бывает недостатка в теме для речи, сводятся к тому же самому, ибо если он, говоря об Ахилле, восхваляет Пелея, затем Эака, затем бога [Зевса], и также мужество и то-то, и то-то, он делает то же самое.

Раз [оратор] имеет в руках доказательства, он должен придавать речи и этический, и эпидиктический характер, если же у него в руках нет энтимем, [он должен говорить] этически. Более подходит нравственно хорошему человеку выказать свою честность, чем ясность речи. Из энтимем большей известностью пользуются энтимемы опровергающие, чем показательные, потому что во всем том, что имеет характер опровержения, силлогизм виднее, ибо противоположности становятся яснее, раз они поставлены рядом.

[Рассуждения, прямо] направленные против противника, не представляют собою какого-либо особого вида, так как к области способов убеждения относится опровержение доводов противника – посредством ли возражений, или посредством силлогизмов. Оратор, начиная речь, совещательную ли или судебную, должен сначала изложить свои собственные способы убеждения, а потом выступить против доводов своего противника, уничтожая их или заранее браня их. Если же много пунктов, вызывающих возражения, то следует сначала приняться за них, как, например, поступил Каллистрат в народном собрании в Мессене: он сам начал говорить, лишь опровергнув предварительно то, что должны были говорить его [противники]. Говоря вторым, [оратор] должен сначала направить свою речь против речи противника, разбивая его доводы или противопоставляя [им свои], особенно, если [доводы противника] имели успех, ибо как душа не привязывается к человеку, который раньше подвергся обвинению [в чем-либо дурном], точно так же [не принимает она] и речи [оратора], если речь противника представляется убедительной. Нужно, таким образом, в душе слушателя очистить место для предстоящей речи, чего ты достигнешь, опровергнув [доводы противника]; по этой причине должно придать своим словам вес посредством предварительной борьбы или со всеми доводами противника, или с главнейшими из них, или с наиболее поддающимися опровержению.

Сначала я стану союзницей богинь:
Не думаю, что Гера...

Здесь [поэт] сначала коснулся самого легкого.

Это о способах убеждения. Что же касается характера, то так как говорить о самом себе некоторые вещи значило бы возбудить зависть, или [заслужить упреки] в многословии или [вызвать] противоречие, а [говорить] о ком-нибудь другом [значило бы заслужить упреки] в брани или грубости, ввиду этого следует влагать слова в уста какого-нибудь другого лица, как это делает Исократ в речи к Филиппу и в «Антидосисе», и как порицает Архилох: он выводит на сцену в ямбах отца, который говорит о своей дочери:

Нет ничего такого, чего нельзя
было бы ожидать,
Или что можно было бы клятвенно отрицать.

Он выводит также плотника Харона в ямбе, начало которого [таково]:

Нет мне [дела до богатств] Гига.

И как Софокл [выводит] Эмона, [говорящего] перед отцом в защиту Антигоны как бы на основании слов других лиц.

Иногда следует изменять вид энтимем и придавать им

форму изречения; например, люди благоразумные должны соглашаться на мир и тогда, когда счастье на их стороне, потому что таким путем они могут получить всего больше выгод. А с помощью энтимемы [следовало бы сказать так]: если нужно заключать мир в то время, когда он всего полезнее и выгоднее, то следует заключать его тогда, когда счастье на нашей стороне.

Глава XVIII

Три случая, когда в речи уместно прибегать к вопросу. – Двусмысленные вопросы. – Шутки.

Что касается вопроса, то его всего уместнее предлагать тогда, когда одно из двух положений высказано таким образом, что стоит предложить один вопрос, чтобы вышла нелепость, например, Перикл спросил Лампона о посвящении в таинства «Спасительницы» [Димитры]. Тот ответил, что об этом невозможно слышать непосвященному. «А сам ты знаешь об этом?» – спросил Перикл и, получив утвердительный ответ, [сказал]: «Как же [ты узнал], когда не был посвящен?»

Во – вторых [вопрос уместен], когда из двух пунктов один сам по себе ясен, а относительно другого ясно, что на вопрос о нем дан будет утвердительный ответ. Установив с помощью вопроса одно какое-нибудь положение, не следует предлагать еще вопрос о том, что само по себе ясно, а прямо выводить заключение; так, например, Сократ спросил Мелита, утверждавшего, что он не признает богов: «Признаю ли я, по-твоему, существование каких-нибудь демонов?» И, полу-

чив утвердительный ответ, продолжал: «А демоны – не дети ли богов или не нечто ли божественное?» И на утвердительный ответ сказал: «Есть ли такой человек, который бы признавал детей богов, а самих богов не [признавал бы]?»

В-третьих [вопрос уместен], если посредством его имеешь в виду показать, [что противник] сам себе противоречит или говорит нечто парадоксальное.

В-четвертых, когда противник не может разрешить вопрос иначе, чем дав на него софистический ответ; если он ответит, [например], так: и есть и нет; это и так, и не так; частью да, частью нет, то [слушатели] приходят в недоумение, как будто он не знает, [что сказать].

В других случаях не [следует] прибегать [к вопросам], потому что если [противник] устоит перед вопросом, [спрашивающий] представляется побежденным, так как невозможно предлагать много вопросов вследствие неподготовленности слушателей. По той же причине следует придавать энтимемам как можно более сжатый вид.

На вопросы двусмысленные следует отвечать отдельно и не сжато, а на вопросы, которые, по-видимому, заключают в себе противоречие, [следует отвечать], разъясняя немедленно ответом [это противоречие], прежде чем [противник] предложит следующий вопрос или построит силлогизм, потому что не трудно предугадать, куда идет речь. Но это, а также способы разрешения вопросов должны быть нам ясны из «Топики». И, делая заключение, если вопрос ведет к

заклучению, [следует] приводить причину, как, например, Софокл на вопрос Писандра, был ли он, как и другие члены совета, за учреждение Совета четырехсот, отвечал утвердительно. «Как, разве это не казалось тебе дурным?» – «Да, казалось». – «Разве ты не поступил таким образом дурно?» – «Да, – отвечал [Софокл], – но лучше поступить было нельзя». И как Лаконец, отдавая отчет за то время, когда был эфором, на вопрос, кажется ли ему справедливой гибель остальных, отвечал: «Да». – «Не делал ли ты то же, что и они?» – продолжал спрашивавший. «Да», – отвечал Лаконец. «Не была ли бы справедливой и твоя гибель?» – «Конечно, нет, ибо они поступали так потому, что взяли за это деньги, а я не потому, а по убеждению». Поэтому-то не следует ни предлагать вопрос после заключения, ни облекать самое заключение в форму вопроса, если только перевес истины не находится в значительной мере [на нашей стороне].

Что касается шуток, которые, по – видимому, занимают некоторое место в прениях, то, говорит Горгий, следует серьезность противника отражать посредством шутки, а шутку посредством серьезности. И это замечание правильно. В «Пиитике» мы уже сказали, сколько есть видов шутки, из которых один пригоден для свободного человека, другой нет, чтобы каждый выбирал то, что для него пригодно. Ирония отличается более благородным характером, чем шутовство, потому что в первом случае человек прибегает к шутке ради самого себя, а шут [делает это] ради других.

Глава XIX

Анализ четвертой части речи (заключения). Четыре части, на которые распадается заключение, и их анализ.

Заключение речи слагается из четырех [частей]:

- 1) из старания [оратора] хорошо расположить слушателей к себе и дурно к противнику,
- 2) из преувеличения и умаления,
- 3) из стремления разжечь страсти слушателей,
- 4) из напоминания.

Раз [оратор] показал, что он прав, а его противник не прав, он совершенно естественно в этом же духе хвалит, порицает и дает окончательную отделку своей речи. [Оратор] должен стремиться [доказать] одно из двух: что сам он – хороший человек, по отношению ли к слушателям, или безотносительно, или – что [противник его] – дурной человек, по отношению к ним или безотносительно. С помощью каких средств следует таким образом настраивать слушателей, об

этом мы сказали, говоря о способах представить людей хорошими или дурными. Затем, показав это, естественно следует преувеличивать или умалять, потому что следует признавать факты совершившимися, если имеешь в виду оценивать их значение; ведь и увеличение тел происходит в зависимости от ранее существовавших свойств. А с помощью чего следует преувеличивать и умалять, по этому вопросу ранее были изложены топы.

После этого, раз выяснено, каковы и насколько важны [факты], следует возбудить в слушателях страсти, каковы: сострадание, ужас, гнев, ненависть, зависть, соревнование и вражда. И относительно этого раньше были указаны топы.

Таким образом, остается возобновление в памяти сказанного раньше. Это следует делать так, как [некоторые] советуют [поступать] в предисловии, но советуют неосновательно: они велят часто повторять [одно и то же], чтобы быть удобопонятным. Таким образом, там [в предисловии] нужно изложить обстоятельства, чтобы было ясно, что обсуждается, а здесь [в заключении] нужно подвести итог тому, на основании чего дело доказано. [Оратор] должен начать с того, что он дал то, что обещал, так что ему нужно сказать, что и почему [он хотел доказать]; при этом [следует] противопоставлять свои слова словам противника и сравнивать или все то, что каждый из двух противников сказал об одном и том же предмете, или же, не делая [прямых] противоположений, [говорить], например, так: «он относительно этого [сказал]

то-то, а я – вот что и вот почему». Или же [можно употребить] иронию, например: «он сказал то-то, а я вот это, что бы он делал, если бы доказал это, а не то?» Или [можно употребить] вопрос, например: «что мне остается доказать?» или «Что он доказал?»

[Нужно делать заключение] или так, путем сравнения, или естественным путем, как было сказано, [перечислив] свои доводы, а затем, если угодно, [перечислив] отдельно и доводы противника. В конце уместны фразы без союзов, чтобы это было заключение, а не речь, [например]: я сказал, вы слышали, дело в ваших руках, произнесите приговор.